

В О Е Н Н Ы Е Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

Эд. АРБЕНОВ.
М. ПИСМАНИК

В ШЕСТЬ
ТРИДЦАТЬ
ПО
ТОКИЙСКОМУ
ВРЕМЕНИ

Сканирование: waleriy

Обработка: krestik

**В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я**

*Эд. Арбенов,
М. Писманик*

**В ШЕСТЬ
ТРИДЦАТЬ
ПО ТОКИЙСКОМУ
ВРЕМЕНИ**

*РОМАН—
РАЗОБЛАЧЕНИЕ*

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983**

P2
A79

Арбенов Эд., Писманик М.

A79 В шесть тридцать по токийскому времени: Роман-разоблачение.— М.: Воениздат, 1983.— 256 с.— (Библиотечная серия. Военные приключения).

В пер.: 1 р. 20 к.

В романе рассказывается о борьбе нашей контрразведки с японским шпионом в предвоенные годы.

В книге раскрываются недостойные методы, к которым широко прибегает в своей практике вражеская агентура.

A $\frac{4702010200-202}{068(02)-83}$ Без объявл.

ББК 84P7
P2

© Воениздат, 1983

Часть I

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ БЕЛОГО СОЛНЦА

ТОКИО

ДАЙРЕН

ХАРБИН

САХАЛЯН

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ПО ДЕЛУ ГЛАВНЫХ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

«Японская агрессия против СССР

Установлено, что в течение всего периода, охватываемого доказательствами, представленными Трибуналу, намерение вести войну против СССР было одним из основных элементов военной политики Японии...

Наряду с непосредственными военными приготовлениями была намечена и проводилась в жизнь тщательно разработанная программа подрывной деятельности против СССР, рассчитанная как на мирное, так и на военное время. Об этом говорится в докладе, представленном еще в 1928 г. японским офицером разведки Канда Масатона, позднее занявшим пост начальника русского отделения 2-го отдела генерального штаба. Этот доклад был послан в генеральный штаб и штаб Квантунской армии, и в нем излагались основные принципы и способы подрывной деятельности, направленной против СССР. В частности, планировалась подрывная и провокационная деятельность на коммуникационных линиях Северной Маньчжурии, главным образом на Китайско-Восточной железной дороге.

В докладе говорилось: «Наша подрывная деятельность против России носит многосторонний характер и распространяется на весь мир».

Автор доклада, бывший генерал-лейтенант Канда, во время допроса в суде подтвердил достоверность этого документа».

ДЕЛО ПЕРВОЕ

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

ПЕПЕЛ БЕЗМОЛВЕН

14 августа 1945 года

Огонь вспыхнул в сумерках, когда улицы Токио уже погрузились в синюю тень и лишь на холмах Итагае еще лежало августовское солнце, горячее, багряное. В этом багрянце пламя костров не примечалось. Только дым, легкий, как шелк, взлетал над городом голубовато-сизыми лентами.

К 23 часам, когда был объявлен рескрипт императора Хирохито о принятии ультиматума союзных держав, бумажный костер принял чудовищные размеры. Целый батальон трудился над тем, чтобы огненный дракон не испытывал голода. По коридорам и лестницам военного министерства и генерального штаба армии носились приземистые и юркие японские солдаты, нагруженные папками.словно муравьи, торопливой цепочкой двигались они от выходных дверей до площади, где пылали костры. Офицеры хозяйничали у сейфов и стеллажей. Сортировать и отбирать бумаги времени не было, хотя и не все следовало предавать огню. Но разве в этом море дел с грифом «секретно» и «совершенно секретно» отличишь важное от неважного. Поэтому — все в огонь. Все в пепел. Пепел безмолвен!

МЕРТВЫЕ ТОЖЕ БЕЗМОЛВНЫ

15 августа 1945 года

Волна самоубийств. В этот день покончили с собой бывший премьер-министр Японии Коноэ, член высшего военного совета генерал-лейтенант Иосио Синодзука, военный атташе в Швейцарии Окамото, министры кабинета Судзуки — Кондзуми и Хосира, генералы Тейцы Хасимото и Хамада Хитоци, начальник лагеря военнопленных полковник Суя, глава бывшего Нанкинского правительства Чен Гунбо...

...Перед рассветом Корэтика Анами снова вышел на веранду, теперь уже не для того, чтобы убедиться, горят ли костры на холмах Итагае. В руках его был короткий меч. Военный министр сел на пол лицом к дворцу императора и резким движением вонзил меч себе под левое нижнее ребро, сдвинул его вправо, распоров живот, затем повернул клинок под прямым углом и дернул вверх.

Смерть не приходила. Еще были минуты впереди, мучительные и страшные. Анами испугался их. Пальцем левой руки стал

торопливо ощупывать шею, отыскивая сонную артерию. Рука дрожала.

Секундант Такесита заботливо поддержал министра под локоть. (По самурайскому обычаю, харакири совершается в присутствии секунданта. Он же оказывает помощь самоубийце, если силы оставляют того на пороге смерти. Обычно находящейся в агонии жертве отсекается голова.)

— Могу ли я приступить к обязанностям секунданта? — спросил Такесита.

Анами, задышавшись, прохрипел:

— Нет!

Рука отыскала наконец артерию, а может, и не отыскала, просто необходимо было последнее движение. Анами полоснул клинком по правой стороне горла, и кровь потоком хлынула на пол веранды.

КТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ САМ, ТОГО УБИВАЛИ

Документ, в котором впервые упоминается генерал-лейтенант Янагита, но не сказано еще ни слова о «японском Лоуренсе»...

19 августа 1945 года

«17 августа солдат Дайренской японской военной миссии Такая рассказал мне, что из Токио прибыл некий Маратов, перебежчик из Советского Союза, и что он секретно проживает в Дайрене, в отеле «Ямато», и его имеют в виду отправить куда-то дальше. С этого дня японцами велись разговоры, в которых часто приходилось слышать фамилию Маратова.

19 августа начальник японской военной миссии Такеока поручил сотруднику миссии Аrimiцу что-то оформить в госпитале и крематории. Аrimiцу несколько раз ходил туда и возвращался возмущенный — администрация не соглашалась брать на себя оформление нужных миссии бумаг. И только под вечер согласие наконец было получено. Пока Аrimiцу занимался госпиталем и крематорием, военный чиновник Ивамото готовил какой-то ранец. Я обратил внимание, что вещи в этом ранце не японские, а европейские и что они не принадлежат Ивамото.

Примерно в 9 часов вечера в кабинете Такеоки вспыхнул яркий свет. Как дежурный по миссии, я поинтересовался у своего помощника, что происходит у начальника. Помощник-японец ответил: «Такеока ведет разговор с каким-то посетителем».

В 10 часов и в 10.30 в кабинет были вызваны поочередно Ивамото и Аrimiцу. Аrimiцу пробыл у Такеоки минут тридцать, затем дверь отворилась и из кабинета вышел начальник миссии, его посетитель, Ивамото и Аrimiцу. Все четверо стали спускаться по лестнице. И когда сошли со ступенек, раздался

выстрел. В наступившей затем тишине прозвучал стон раненого человека. На выстрел из кабинетов выскочили сотрудники миссии. Я и капитан Андо Эйдзи остались на своих местах в дежурке. Мы знали, что на лестнице находился начальник миссии, и выдавать любопытство свое не считали возможным.

Снизу послышался шепот: «Он жив, надо оттащить его внутрь помещения». В это время в дежурную комнату вбежал бледный, трясущийся от страха Ивамото. У него в руке был пистолет системы браунинг. Он хотел, видимо, что-то сказать или сесть на стул, но не успел сделать ни того ни другого. Снизу его позвали. Он выскочил во двор, и через минуту примерно снова раздался выстрел. Мы услышали слова Такеоки: «Скорее несите одеяло!» Кто-то из сотрудников миссии, кто именно, уже не помню, заскочил в нашу комнату, схватил два одеяла, предназначенные для дежурных, и побежал с ними вниз. Во дворе звучал все тот же голос Такеоки. Он отдавал распоряжение отнести труп в подвал.

Как потом стало известно, сотрудники, несшие труп, столкнулись у двери со служанкой миссии и, растерявшись, бросили убитого около каменной стены на груды угля. Перепуганная служанка Кояма прибежала в дежурную комнату и стала сбивчиво рассказывать нам, что в миссии творится что-то странное — стреляют, прячут людей...

Кояму прервал вошедший в комнату в сопровождении сотрудников начальник миссии Такеока. Он метнул в служанку строгий взгляд и велел ей выйти. Затем объявил всем, что сегодня ему впервые пришлось совершить гнусное дело. «Я не хотел этого, — сказал Такеока, — убийство кладет пятно на Дайренскую миссию, но генерал-лейтенант Янагита Гендзо дал категорический приказ ликвидировать Маратова, и я исполнил его. То, что сегодня произошло, является государственной тайной, и никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах мы не должны ее выдавать. Маратов — перебежчик, его никто здесь не знает. Труп перевезут в военный госпиталь и сожгут в крематории, затем по буддийскому обряду совершат молебен. На панихиде будут присутствовать некоторые офицеры миссии.

Возможно, кто-либо на улице слышал выстрелы. Если возникнет следствие, то все должны показывать, что ночью покончил самоубийством военный чиновник из Северной Маньчжурии».

На следующий день я узнал некоторые подробности убийства Маратова. Сначала ему предложили выпить яд, но он отказался и попросил дать ему возможность бежать, так как к Дайрену приближались советские войска. Начальник миссии будто бы согласился и выразил желание проводить Маратова до машины. На лестнице Такеока выстрелил Маратову в грудь, но неудачно, тогда он передал пистолет Ивамото, а тот Аримицу, который разрядил браунинг в голову Маратова. Я не возразил рассказывавшим, хотя точно помнил, как в де-

журную комнату вбежал с пистолетом в руке именно Ивамото. Видел это и капитан Андо. Позже капитан Андо возмущался тем, что с Маратовым поступили так подло. «Он принес много пользы Японии, без него генеральный штаб не смог бы осуществить важные военные планы, а его убили». «Он больше не нужен,— высказал я предположение,— война заканчивается». Андо не согласился со мной: «Вместе с ним жила, наверное, какая-то тайна, и она должна была умереть».

Труп Маратова лишь утром взяла санитарная машина. Ее сопровождал врач-японец. В полдень Аримицу сообщил нам, что все формальности соблюдены и «самоубийца» предан кремации. К вечеру состоялась панихида».

Из показаний сотрудника японской военной миссии в Дайрене Погребнякова Павла Михайловича

Наконец мы встречаем Лоуренса-2

3 мая 1946 года

«Был составлен заговор между подсудимыми, в котором участвовали правители других агрессивных государств, а именно: нацистской Германии и фашистской Италии. Главной целью этого заговора было обеспечить господство агрессивных государств и эксплуатацию ими остальной части мира и для того, чтобы вдохновлять совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности в том смысле, как они определены Уставом настоящего Трибунала».

«Пункт 25. Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кидо, Мацуока, Мацуи, Сигемицу, Судзуки и Тодзио в течение июля и августа 1938 г. развязали агрессивную войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и заверения, напав на Союз Советских Социалистических Республик в районе озера Хасан».

Из обвинительного Акта по делу о главных японских военных преступниках

«Японский Лоуренс» — издали

Токио. 7 мая 1946 года

«...Я остановил взгляд на подсудимом, сидевшем в первом ряду амфитеатра. Из партера, где находились мы, журналисты, он был хорошо виден. Я сразу узнал его по той фотографии, что несколько лет назад была помещена в прессе в связи с событиями в Сингапуре. Он совсем не изменился: та же

грузность, тот же надменный взгляд больших раскосых глаз, та же решимость в лице и во всем облике. Да, это человек действия, обладатель острого, изобретательного ума, психолог. Хотя, возможно, и нетонкий психолог, неглубокий, но вооруженный точными формулами. И они, эти формулы, его не подводили. В сущности, он видел в другом человеке скопище инстинктов и легко выделял те, которые должны проявиться в ситуации, построенной его фантазией. Жертва действительно поступала так, как он предполагал. Впрочем, ситуации были такими, в которых предлагался слишком ограниченный выбор — жизнь или смерть. В девяноста девяти случаях избиралась жизнь. А жизнь — это лабиринт, хитро сооруженный, из которого уже не было выхода.

Его называют «японским Лоуренсом». Возможно, поэтому я так пристально вглядываюсь в лицо подсудимого. Что побудило прессу поставить рядом двух разведчиков — английского и японского? То, что оба они действовали на Востоке, оба вершили судьбами правителей и государств. Только это. В способах достижения цели они различны, как различен и подход к материалу, из которого формируется будущее. Лоуренс — тонкий психолог, учитывавший все нюансы, делавший ставку на человеческое тщеславие, ревность, алчность, фанатизм, религиозные предрассудки. Он не приставлял к виску жертвы пистолет, не затягивал петлю на ее шею, не предлагал скаupoй выбор — жизнь или смерть.

«Японский Лоуренс» эксплуатировал лишь инстинкт самосохранения. Поэтому рядом с ним звучали выстрелы, гремели взрывы, лилась кровь, хрипели в предсмертной агонии неудобные и несговорчивые. «Человек хочет жить, — рассуждал Лоуренс-2, — ради этого он наденет на себя то ярмо, которое ему дадут вместе с правом дышать, есть, пить». Железная убежденность. И она, в общем-то, не подводила самурая до 3 мая 1946 года, пока он не оказался на скамье подсудимых Международного военного трибунала и не услышал обвинительный акт, где его фамилия была названа в числе главных японских военных преступников.

Журналистам раздали текст обвинения и краткие биографические справки о подсудимых. Никаких деталей, никаких подробностей. Ступени служебной лестницы. Вот они: видный разведчик, комендант г. Мукдена и организатор провокации, послужившей началом захвата Маньчжурии в 1931 г., занимал высокие командные должности в 1931—1940 гг., генерал-инспектор авиации в 1941 г., член высшего военного совета в 1940—1943 гг., командующий 7-й армией в Сингапуре в 1944 г., генерал-инспектор военного обучения в 1945 г.

Он ответствен за события как генерал-инспектор авиации, как командующий 7-й японской армией в Сингапуре, наконец, как член высшего военного совета. А как разведчик? Какое военное преступление совершил Лоуренс-2?

На процессе он назван организатором Маньчжурского инцидента. Кто помнит события тех лет — а мы, англичане, хорошо их помним, потому что в Маньчжурии столкнулись интересы Запада и Востока, точнее, интересы Великобритании и Японии, — для тех инцидент прозвучал как прелюдия большой войны на Дальнем Востоке. Изменялось соотношение сил, характер влияния, менялись краски на карте Азиатского материка. Зеленый тон Великобритании исчез, его заменили оттенки сиреневого, которым обычно окрашивается Япония.

Перемена палитры на Востоке дорого тогда обошлась нам, англичанам. Правда, никто не знал в то время истинных намерений генерального штаба Японии. Меморандум Танаки был секретным из секретных документов, и множество разведчиков из европейских стран напрасно бились над разгадкой тайны — каковы истинные цели японцев? — но так и не разгадали ее. Сотни тысяч долларов и десятки тысяч фунтов стерлингов заплачены за фальшивки. Шпионам продали блюдо из мыльных пузырей. Стратегические планы генштаба оставались в сейфах. Да что планы! Тактические задачи никому из европейских разведчиков не были известны. О диверсиях и провокациях японцев в Маньчжурии, подготавливавшихся месяцами, а то и годами, мы узнавали лишь после того, как они совершались. Узнавали из газет. Корреспонденты работали лучше шпионов.

Провокации устраивал Лоуренс-2. Это он заставлял шуметь печать мира: удивляться, негодовать, сожалеть. Сколько восклицательных знаков было израсходовано на шапки и заголовки первых полос! А сколько гневных слов произнесли дипломаты! Но все вослед событиям. Предугадать их не удавалось. Вот тогда-то и зацвела пышным цветом слава Доихары Кендзи — смелый, неуязвимый, непогрешимый!

Как-то странно видеть его сейчас умиротворенным. Да и сам он, наверное, чувствует эту неестественность своего состояния, тяготится им. Но ничем не выражает своего недовольства. Внутренняя дисциплина! Или игра в покорность.

На голове его наушники. Связь с миром осуществляется теперь через эти две черные чаши, прижатые стальной дужкой к седым вискам. Они рассказывают ему о прошлом, о том, к чему он когда-то был причастен. И выглядит прошлое не так, как воспринимал его Лоуренс-2, а как воспринимал мир. Собственная жизнь — чужими глазами. Это странно, наверное, — смотреть на себя глазами других. И не всегда дружелюбными глазами. Даже ненавидящими. Слышать отзвук чьей-то боли. Ведь наносилась же боль...

Правда, говорят, да и Лоуренс-2 подтверждает это, что своей рукой он никого не убил. Короткие, мясистые, с пучками черных волос на суставах пальцев, покоящиеся сейчас на коленях руки Доихары не сдавили ничье горло. Динамит, поднявший в воздух вагон маршала Чжан Цзолина 4 июня 1928 г.,

был заложен тоже не руками Доихары. Он не прикасался к бомбам, что были преподнесены вместе с фруктами императору Пу И 6 ноября 1931 года. Не из его кольта стреляли по жителям Тяньцзиня во время спровоцированных волнений 8 ноября 1931 года...

В тайной войне обычно нет свидетелей. Иначе она не называлась бы тайной. Но все же что-то видели и что-то слышали.

Мы ждали показаний Генри Пу И. Он должен был приподнять завесу над таинственным прошлым Лоуренса-2. Ведь именно Пу И играл одну из главных ролей в том спектакле, который режиссировал Доихара. Актер и режиссер обязаны сталкиваться, не говоря уже о сценарии, связывающем постановщика и исполнителя. А завеса не приподнялась.

Пу И говорил много. Восемь дней продолжался допрос свидетеля обвинения. Он нарисовал подробную картину событий, назвал сотни имен преступников, перечислил чуть ли не по календарю все встречи с офицерами штаба Квантунской армии. Слово в слово восстановил беседы, касавшиеся будущего Маньчжурии. Среди офицеров, уже известных трибуналу, оказался и Итагаки Сейсиро, ставший позже начальником штаба Квантунской армии и военным министром Японии. А вот о Доихаре Кендзи император сказал всего несколько слов. В Тяньцзине его тайно посетил Лоуренс-2 и предложил бежать с концессии, где скрывался последний отпрыск династии Цин, на север, в Мукден. В случае отказа от побега безопасность императору не гарантировалась командованием японской армии. В Тяньцзине начались беспорядки, и были попытки убить единственного наследника престола.

Вот все, что знал о Лоуренсе-2 император. И много и мало. Много потому, что большего никто не сказал. Других свидетелей секретной деятельности Доихары Кендзи не оказалось.

Он кажется почти чистым, если смотреть издали. Ни к чему не прикоснулся, ни на чем не оставил отпечатков пальцев.

Стоустая молва сделала его героем тайной войны, живой легендой. Миф! А миф, как туман, истает, проходит сквозь пальцы, не оставляя ничего. Сожмется кулак — пустота!

Доихара спокоен. Он слушает рассказ о своей жизни, написанный другими. Слушает внимательно, с интересом. Изредка густые, нависшие над глазами брови его поднимаются и тем выражают недовольство или удивление. Он может отвергать чужой рассказ, корректировать его — истина известна лишь ему одному. Но открывать ее Лоуренс-2 не собирается. Тайна остается с ним...»

Чарлз Д. Фруд, корреспондент агентства
Экссейндж Телеграф

Необычная миссия императора Пу И

Мысль была спокойной. Когда все завершено и позади трудные месяцы допросов, возня с документами, систематизация разбросанного по сотням папок материала, порой измельченного до едва приметной строчки, фразы, случайно брошенного слова, приходит то самое удовлетворение, рядом с которым — и равнодушие и беспечность. Человек получал право не быть настороженным.

Самым изнуряющим в эти прошедшие месяцы было напряжение памяти. Работая в Приамурье, он много слышал, видел, пережил. И это пережитое оказалось связанным с нынешними событиями. Ему довелось проследить путь многих разведчиков и диверсантов. Не только тех, кто перебрался через Амур на левый берег, но и тех, кто лишь направлялся к нему. Направлялся издали. Он заметил тогда Доихару Кендзи. И именно в час, когда загоралась звезда «японского Лоуренса». Вначале она блуждала где-то около Пекина, потом — около Мукдена и Тяньцзиня, не обошла Дайрен и Порт-Артур, задержалась в Харбине, глянула на Сахалян и через него на Благовещенск — самый близкий из советских городов, предмет давнего воделения штаба Квантунской армии...

Сейчас это — прошлое. О нем можно вспоминать без особых эмоций. Можно даже иронизировать по поводу несоответствия человеческих желаний и человеческих возможностей. Сожалеть о том, что судьба не столкнула их в течение двадцати лет, не дала скрестить шпаги. Он считал Лоуренса-2 своим личным противником и мог надеяться на поединок. Теперь поединок уже невозможен. Лоуренс-2 вышел из борьбы. Он — бывший разведчик.

Возможно, он не был личным противником. Не все, кто выступал против его страны, могли оказаться на какое-то время по ту сторону барьера и принять вызов. Являясь врагом, Лоуренс-2 целился в кого-то другого и сам представлял собой мишень. Но не для майора Язева. И то, что тот ловил Лоуренса-2 на мушку, было лишь проявлением обычной бдительности. Не задержался Доихара в Сахаляне, не сделал попытки перебраться на левый берег, хотя его и ждали и готовились принять. Майор Язев тоже готовился. Впрочем, кто отказался бы от поединка со знаменитым разведчиком. Федор Пильнов, тогда уже опытный следопыт, раскрывший не один шпионский тайник и обезвредивший не одного агента, заброшенного из-за Амура, ждал встречи с Доихарой Кендзи. Встречи не обязательно на этом берегу. Лоуренс-2 мог предстать организатором и даже автором хитроумной акции, предпринятой вторым отделом генерального штаба Японии. Это была бы тоже встреча.

Зорко следил за «японским Лоуренсом» первый чекист

Приамурья Терентий Дмитриевич Дерибас, полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю. Отмечая на карте пункты, в которых задерживался разведчик, он предупреждал оперативников: «Доихара не может так просто уйти от границы. Не для того приближался к Амуру, чтобы глянуть в его спокойные воды. Надо быть готовыми к встрече...» Особенно насторожила Дерибаса «прописка» Лоуренса-2 в Харбине, в белогвардейском заповеднике, где китайская и японская секретные службы готовили агентов для заброски на левый берег Амура. Из Харбина начинался путь почти всех диверсантов, идущих на север.

Пункты «прописки» Доихары остались на карте Дерибаса, остались в донесениях, сводках. Сам же Доихара исчез. И следов не сыщешь. Были, вообще-то, следы, но вели они почему-то не к Амуру, а на юг, в Китай, к побережью Желтого моря. А из харбинского заповедника по-прежнему пролегла черная тропа на север. Агенты шли к большой реке, одолевали ее на рыбацких лодках или пешими по льду, если была зима, удачливые выбирались на левый берег, неудачливые тонули или падали на лед, чтобы уже никогда не встать. Каждый нес с собой чей-то приказ, чье-то веление. И ни разу не удалось обнаружить у агентов приказа Доихары Кендзи. Другие имена называли лазутчики. «Не его почерк, — констатировал Федор Пильнов. — Или сменил направление, и Приамурье его больше не интересует?» Да, получалось вроде так. Не осуществив ни одной акции против советского Дальнего Востока, Лоуренс-2 покинул маньчжурский плацдарм. Покинул, хотя так старательно, с таким риском готовил его. Плацдарм заняли другие: Комуцубара, Янагита, Акикуса, Хата... Их стиль хорошо знали в Хабаровске, диверсионные планы разгадывались по почерку авторов. Доихара в эту цепь не вклинивался со своей особой, жесткой манерой проведения операции. И Лоуренса-2 вычеркнули из списка действующих в Приамурье, перевели в число возможных противников, так сказать, потенциальных.

Потенциальным Доихара и остался, пока не вышел в полную отставку как разведчик. Не по возрасту и не по решению генерального штаба. Штаб считал Лоуренса-2 исполняющим задание и после того, как император Хирохито приложил руку к историческому рескрипту и радиостанции мира известили человечество о выходе Японии из войны. Уже подписан был на линкоре «Миссури» акт о капитуляции и на аэродромы Токио сажались самолеты с представителями командования союзных армий, а Доихара все еще оставался в строю. Он покинул его лишь тогда, когда в дом его вошли американские офицеры и объявили об аресте.

На что надеялся все это время Лоуренс-2 — неизвестно. Если на переворот, который затеяли «молодые тигры», намереваясь поставить во главе правительства решительных генералов, способных продолжить войну, так путч сорвался, и

кандидат в диктаторы военный министр Анами покончил с собой на рассвете 15 августа, а другого претендента не было. Или ждал чуда? Подарила же заботливая Аматаэрасу императорскую династию Японии, отчего бы ей теперь не спасти ее от неумолимых волн истории? Повернуть назад от островов союзные армии, остановить советские войска хотя бы у Порт-Артура. Чудес не было, это хорошо, слишком хорошо знал Доихара. К богам он относился тоже без особого почтения. Во всяком случае, отправляя в преисподнюю земных наместников всевышнего, приставляя к их вискам пистолеты прямо в Алтарях небес, он нисколько не задумывался над тем, как к этому отнесутся творцы мира. Богов надо почитать, но не впутывать в политику, считал Лоуренс-2. Их советы хороши в кругу семьи и совсем непригодны в разведке.

Ни на чудо, ни на божественное провидение Доихара не рассчитывал. И все же что-то удерживало его в строю. Что-то неведомое.

Неведомое могло занимать Язева. Но и то лишь как недосказанность, с которой не хочется мириться поначалу, однако затем все же принимаешь ее — ведь и многоточие по-своему красноречиво...

Последняя страница жизни Доихары. Ее можно пробежать глазами, задуматься над судьбой разведчика. И только. Закрывать папку с делом Лоуренса-2. Расписаться в сопроводительной карточке: «Читал тогда-то майор Язев К.». Еще кто-то распишется. Еще... И будет это уже не встреча с Доихарой Кендзи, а расставание.

Да, он расставался с Лоуренсом-2, хотя еще шло следствие и до заседаний трибунала было далеко.

И расстался бы, не «открой» снова папку с делом Доихары будущий свидетель обвинения Генри Пу И. Не на процессе, а здесь, в отеле.

Но все по порядку...

Император Маньчжоу-го, бывший, естественно, — в Токио сейчас почти все бывшие, если иметь в виду звания и титулы, — сидел против майора и изучал меню. Обычно сидел и обычно изучал, как делают это все смертные, собираясь пообедать и не думая о том, что на их голове могла быть в эту минуту императорская корона, а на плечах шитая золотом мантия, не говоря уже о божественном сиянии, обязательном для всякого, вошедшего хоть раз в Алтарь небес.

Император говорил по-русски. Плохо говорил, но все же говорил. И ему это нравилось. Не желал слышать японскую речь, хотя пятнадцать лет был окружен японцами и общался с ними чаще, чем со своими подданными. Прежде чем глянуть на них и убедиться, насколько они счастливы под его прав-

лением, он должен был испросить дозволения у своего советника — японского генерала, а тот — доложить по инстанции, инстанция — рассмотреть просьбу его величества и принять решение. За это время у императора пропадала охота видеть подданных. Сами же подданные не проявляли желания лицезреть маньчжурского микадо. Их вполне устраивал бронированный автомобиль, окруженный тройной цепью солдат, из которого боялся высунуться мистер Пу И. «Бронированным императором» в шутку называли его не особенно расположенные к веселью маньчжуры. Как известно, они бросали в этот злосчастный автомобиль бомбы и явно не для того, чтобы проверить, прочность японской брони или величину заряда, трижды поджигали дворец императора и опять-таки не ради устройства праздничной иллюминации. Желание как можно скорее и надежнее отправить в рай единственного представителя Цинской династии было всеобщим. Японцы грозились убить его за то, что он не соглашался быть императором, маньчжуры и китайцы — за то, что согласился. «Не было в истории второго такого короля, — иронизировал Пу И, — которому столько раз подсовывали яд, подкладывали бомбы. Я не только боялся закурить сигарету, но и утолить жажду обычным способом. Впервые спокойно, без дрожи в руках, я прикоснулся к чашке, когда меня свергли с престола».

Наверное, поэтому император так старательно и с таким удовольствием изучал меню. Он больше не император, хотя по-прежнему его официально именуют императором, иногда — интернированным императором. Майор Язев же в шутку обращается к своему подопечному «ваше величество», на что император отвечает веселой улыбкой. Этот застенчивый, маленького роста, очень маленького — он всего лишь по плечо майору, — человек хорошо понимает шутку и сам любит пошутить. Странно, как он сумел сохранить чувство юмора после пятнадцатилетнего общения с советниками из штаба Квантунской армии, которые, прямо скажем, не пытались внушить императору оптимизма относительно его настоящего и тем более будущего. Улыбка при общении с ним исключалась, дабы не создать у императора мнения о легкомысленности того, что делалось рыцарями белого солнца, как именовали себя оккупанты, в Маньчжурии. Официальная же улыбка, предписанная министерством иностранных дел во время аудиенций, больше походила на гримасу арлекина, чем на выражение удовольствия.

А вот теперь Айсинцзюэло Пу И улыбается. Все-таки хорошо быть неимператором. Можно вот так, безо всякого согласования со штабом (бывшим, естественно) Квантунской армии (тоже бывшей) заказать себе какую-нибудь самую обыкновенную еду вроде свинины с соевыми бобами, или каракатицу с бамбуком, или, наконец, бифштекс по-английски, из которого еще не ушла кровь.

— Как вы думаете, господин майор,— поднял голову Айсинцзюэло, или просто Генри Пу И,— в этом отеле знают, что я император?

Вопрос поставил майора Язева в несколько затруднительное положение. Честно говоря, он не помнил, как записан был в книге гостей Пу И. Кажется, обычно: участник процесса или что-то в этом роде. А может, и император.

— Наверное, старший портье знает,— высказал предположение майор.— Портье уже за пятьдесят, и он на своем веку кое-кого видел, да и газеты помещают портреты известных политических деятелей, оказавшихся в зале трибунала в качестве свидетелей. Вездесущие корреспонденты уже разнесли по всему свету сенсацию: император Маньчжоу-го — свидетель обвинения... В отеле знают,— уточнил после минутного размышления Язев,— но официант, которому вы собираетесь заказать свою любимую каракатицу с бамбуком, может оказаться абсолютно несведущим в политике человеком.

Майор понимал причину беспокойства собеседника. Императору все еще мерещатся агенты второго отдела генерального штаба, агенты Итагаки Сейсиро и Доихары Кендзи, против которых он выступает в качестве свидетеля обвинения. В бытность свою военным министром Итагаки довольно ясно выразил свое отношение к душевным порывам императора. Он сказал: «Вы можете не любить свой народ, можете ненавидеть японцев и даже меня лично, но не надо проявлять эти чувства. Они недостойны живого императора». Итагаки Сейсиро иногда был изысканным, не объявлял прямо, что ухлопает императора, если тот изобразит на своем лице недовольство или еще хуже — отчаяние. Все это хорошо на том свете, но не на этом.

Теперь самое время выполнить давнюю угрозу. Император не только выражает недовольство, он собирается разоблачать своих бывших «покровителей». Надо полагать, Итагаки и Доихара проклинают тот день, когда посадили на Маньчжурский престол этого хилого на вид принца Айсинцзюэло. Впрочем, он был им нужен больше, чем они ему. Коль создана империя, должен быть и император. Не мог же сам полковник Итагаки занять престол и надеть на свою, уже тогда лысую голову корону Маньчжоу-го?

— Да, — отчего-то грустно улыбнулся император, — говорить хозяину горькую правду в его же доме и потом принимать из его рук чашу с рисом не совсем-то хорошо.

— Ваше величество хочет сказать, что эта чаша не всегда может быть чистой? — полушутя-полусерьезно заметил Язев.

— Именно...

— Что ж, горькую правду придется выслушать не только от императора Маньчжурии... Другие тоже готовы...

Император оторвался вторично от меню и посмотрел с недоумением на майора:

— Те, другие, не были императорами. Им не обещали близкую разлуку с этим миром.

— О расставании с этим миром думают, по-моему, сами вершители судеб Азии. Им не до вас сейчас, Генри.

Большие глаза императора вдруг засветились. На маленьком лице его они казались огромными. И свет их был загадочным.

— О! Господин майор ошибается. Они не думают о расставании...

Теперь Язев посмотрел с недоумением на императора:

— Как надо понимать вас, Генри?

— Так, как я понял, господин майор.

— Неужели они верят в то, что трибунал их оправдает? Или пример Нюрнберга не был красноречивым?

— Просто генералы считают себя людьми нужными...

— Японии?

— Нет, союзникам.

Свет в глазах императора сделался еще загадочнее. И именно этот свет заинтриговал Язева. Не фраза о расчетах подследственных на милосердие американцев и англичан. Корреспонденты уже открыто поговаривали о намерении Макартура отвести удар от японских военных преступников, сохранить их для будущего. Вряд ли таким открытием император намеревался озадачить майора. И Язев сказал:

— Не собираются ли они продавать секреты своих поражений?

Император был явно настроен на шуточный лад. Он откинулся на спинку стула, к самой шторе, что свисала с потолка, закрывая своей золотистой тканью с вышитыми на ней серо-коричневыми ветками сакуры огромное, во всю стену, окно. Откинувшись и произнес торжественно:

— Не поражений, а побед. Ведь были у японцев и победы.

— Пёрл-Харбор, что ли? — иронически заметил Язев. — Так это — предательское нападение. Такое же, как в Маньчжурии. Тут заслуга не столько армии, сколько разведки. На Пёрл-Харбор японские бомбардировщики наводили немецкие шпионы.

— В Маньчжурии обошлось без немцев, — уточнил император. — Доихара предвосхитил идею коричневорубашечников об ответственности народа за провокации, им не совершенные.

— Ну, это не его изобретение. Англичане высаживали войска в Шанхае для защиты своих соотечественников, якобы подвергшихся нападению местных жителей. Так поступали все интервенты. Ничью идею не предвосхитил Доихара, не сделал никакого открытия в колониальной политике.

Развенчание «японского Лоуренса» несколько огорчило и даже обидело императора. Ему не хотелось признавать себя пешкой в руках бездарного игрока. Если Доихара не великий разведчик, а мелкий провокатор, то какова цена тому, кто

являлся исполнителем его воли? Все-таки лучше быть жертвой орла, чем трясогузки — она-то питается всего лишь гусеницами.

— Допустим, Доихара ничего не изобрел и лишь ловко воспользовался чужим изобретением. Но в политической кухне Дальнего Востока он был первым кулинаром. Печь была раскалена, а он ни разу не обжег руки.

— Может быть, — склонил задумчиво голову Язев. — Зато сейчас горит. И я уверен, потушить огонь не удастся...

Император намеревался возразить, в глазах его была уже не загадочность, а решимость опровергнуть все сказанное только что майором. Но осуществить это намерение ему не дал официант, подошедший с подносом, на котором была ваза с кори и фужеры. В жаркий июльский день что может быть приятнее струганого льда с сиропом!

Официант — седоватый японец в черной паре, улыбающийся все двадцать четыре часа (так, во всяком случае, можно было предположить, глядя на застывшее на его лице выражение радости, с которым он возникал неизвестно откуда и неизвестно куда исчезал). Улыбку он забывал убирать даже тогда, когда посетители проявляли свое недовольство или даже возмущение.

Император боялся этого мертвого сияния радости. Он говорил, что, подобострастно осклабившись, слуги поднесли его жене-китайке пирожное, начиненное ядом. Потом ему самому с такой же улыбкой советник вручил альбом, в котором были фотографии японских девушек, рекомендованных министерством внутренних дел в качестве невест овдовевшего вдруг правителя Маньчжоу-го. Поэтому сейчас он отвернулся и, не глядя на официанта, произнес название выбранного им блюда. На сей раз им оказалась не каракатица с бамбуком, а намасу — сырая рыба с укусом. Язев вопросительно глянул на императора — почему он изменил своему правилу? Но следующая фраза, произнесенная уже официантом, все объяснила:

— Слушаюсь, ваше величество!

Император, кажется, поперхнулся. Что-то похожее на спазму сдавило ему горло, и он, открыв рот, долго молча глядел на официанта. Потом кивнул, отвечая этим и улыбающемуся японцу и изумленному майору.

Язев заказал самый обыкновенный куриный шашлык, правда с экзотическим названием — якитори.

Официант удалился вместе со своей гипнотической улыбкой. Впрочем, удалился прежде он сам, а потом уже улыбка. Некоторое время император и майор видели ее рядом с собой.

— Вот, — сказал уныло император, — оказывается, и он знает меня.

— Поэтому вы заказали намасу?

— Да. Из его рук лучше принять рыбу. Она почти живая...

— Рыба считается живой, пока плавает, — как-то неопределенно резюмировал Язев.

— Вы не разделяете моих опасений? — Император осторожно, едва касаясь ковшиком края вазы, стал перекладывать в бокал белые стружки льда. — Если он знает, что я император Маньчжоу-го, то почему бы ему не знать, что я свидетель обвинения. А кому, простите, нужны свидетели?

— Истории.

— Говорящие свидетели?

— Естественно...

— А молчащие? — Император уставился на майора, будто хотел увидеть смущение, которое должно было возникнуть на его лице. Не заметил ничего: — Молчащие не нужны. Им нет смысла предоставлять слово.

— Молчание не изменит положения. Будут говорить документы, в них не подсыплешь цианистого калия.

— Документов, программирующих преступления и скрепленных чьей-то подписью, нет. Огонь поглотил их. Немцы спрятали свои архивы, японцы превратили в пепел. Теперь вам понятно значение живого свидетеля?

Язев, как и Генри, наполнил фужер льдом и, пригубив, стал не спеша втягивать в рот мороженые крупинки. Кори приятно освежало. Ощущение было необычным и удивительным и отвлекало от всего, что думалось и чувствовалось только что.

— Его надо убрать, — продолжал Генри. Он жил болезненной идеей о вечном преследовании. — И убрать не после того, как свидетель выскажется, а до того. Способов много, агенты всюду. Когда в Харбин прибыла комиссия Лиги наций, лорда Литтона окружили цепью шпииков: портье внизу, портье на этаже, соседи по номеру, шофер машины, горничная, дворник. Всякий, кто приближался к отелю «Модерн» ближе чем на сто метров, арестовывался. Студента политехнической школы застрелили лишь за то, что он оказался на этаже, где жил Литтон... В моем дворце все, кроме меня самого, являлись агентами.

— Тогда они были на свободе, — откликнулся Язев.

— Агенты и сейчас на свободе, — горячо возразил император. — И они действуют по старой инструкции...

— Во имя чего?

— Во имя свободы своих богов. Во имя их жизни хотя бы.

— Глубочайшее заблуждение.

— Заблуждение? Допустим. Но оно существует, и с ним нельзя не считаться...

Еще что-то более важное хотел произнести император и для этого наклонился над столом, приблизившись к майору. И снова ему помешал официант. Он появился с огромным подносом, уставленным тарелками, графинчиками, соусниками. Сооружение из стекла и фарфора заслоняло собой голову япон-

ца, и седоватые виски, и торчащие в стороны большие уши, и маленькие карие глаза, втиснутые в узкую щель между припухшими веками. Одна лишь улыбка не заслонялась. Да и трудно было ее заслонить — она двигалась впереди официанта и даже впереди подноса с блюдами.

— Только что из бассейна, — сказал официант, ставя перед императором тарелку с рыбой. — Шеф желает вам приятного аппетита.

Еще одно проявление интереса к императору! Генри посмотрел торжествующе на Язева: каково, господин майор? Что вы теперь скажете о заблуждениях? Агентура действует вовсю. Он подождал ответного взгляда Язева. Увы, Язев не принял чужой победы. Он улыбнулся едва приметно, одними уголками рта, и этим дал понять, что опасения императора напрасны. Генри не оставалось ничего другого, как кивнуть благодарно официанту за проявленное им и его шефом внимание и приняться за сырую рыбу. Ту самую рыбу, которая подверглась — теперь уже не было в этом никакого сомнения — особой обработке на кухне. Во всяком случае, к ней проявил интерес не один шеф-повар. С каким-то отчаянием, даже с обреченностью какой-то император отправил в рот одобренный укусом кусок филе. Отправил и стал жевать неторопливо, дожидаясь пока предупредительный и заботливый официант не кончит брэнчать посудой и вместе со своей улыбкой не исчезнет за колоннами.

— Сырая рыба, конечно, вам не по вкусу, — посочувствовал императору Язев, когда удалился официант. — Не надо было изменять традиции.

— Разве дело во вкусе! — уныло ответил император. — Подтвердились мои предположения — вот в чем дело. И если учесть особый интерес ко мне не только портье и официантов, но и самих господ...

Кусочек филе был наконец проглочен, что стоило императору немалого труда. Так проглатывают ампулу с ядом или живую змею, если, конечно, это делается по принуждению. Добровольная транспортировка в желудок яда и тем более живой змеи, безусловно, не сопровождается судорожным движением губ и закатыванием глаз. А именно это увидел Язев.

— Каких господ? — спросил он не столько ради любопытства, сколько для того, чтобы убедиться в благополучном завершении процедуры и способности императора продолжать разговор.

— Которые находятся пока под следствием...

— Почему «пока»?

— Потому что они делают решительную попытку избежать суда.

Свои мысли император выражал сегодня загадками. И не только сегодня. Язеву следовало бы привыкнуть уже к этой странности своего собеседника и подождать, пока он сам раз-

гадает то, что загадал. А майор проявил несвойственную ему торопливость. Он спросил:

— Каким образом?

Император внимательным взглядом обвел колонны, проверяя, не скрывается ли за розово-белым с причудливо ветвящимися прожилками мрамором официант, поднял почему-то глаза вверх, будто улыбающийся японец мог взлететь к потолку и затаиться там в каменных лепестках лотоса. Убедившись, что «агента» нет поблизости, император произнес шепотом:

— Опираясь на вас, господин майор!

Пришло время удивиться Язеву. Заявление императора было потрясающе неожиданным. Невероятным просто. Как шутку его можно было еще принять. Но всерьез! И Язев, освободившись от павшего на него минутного недоумения, сделал попытку улыбнуться:

— Предположения вашего величества всегда были неожиданными.

— Предположения?! — Император отодвинул от себя сырую рыбу с уксусом. Теперь, в отсутствии официанта, он мог быть смелым и решительным. — Какие там предположения! — Голос его обрел звонкость. — Информация из первых рук! — Однако следующую фразу его величество произнес уже тише: — Сегодня со мной говорил... — А последнее слово прозвучало снова шепотом: — Доихара...

В улыбке не было необходимости. И Язев поспешно стер ее с лица. Упоминание имени разведчика само по себе уже настаивало.

— Доихара Кендзи? — уточнил майор.

— Другого Доихары я не знаю. Да и существует ли другой? Человек, поднявший меня на престол, один, — с горечью произнес император. — Тогда еще я смеялся над ним, считал самоуверенным наглецом, мелким провокатором. Но довольно скоро он отучил меня улыбаться. Он как-то сказал обо мне: «Я сделаю из него императора, как делают из бумаги бёбу...» Вы знаете, что такое бёбу, господин майор? Ширма всего-навсего. Он довольно точно определил мое назначение в жизни.

— Что ж, Доихара снова решил прибегнуть к своему излюбленному приему, — не совсем удачно сострил Язев. — Только для повторения эксперимента ему не хватает генеральских погон или хотя бы полковничьих. Тогда, кажется, он был полковником?

— Да, — рассеянно кивнул император, чужая ирония его не коснулась. — В тридцатом году Доихара был полковником... Но какое это имеет значение! Я для него лишь посредник сейчас. И даже меньше. Опять-таки что-то вроде бёбу. Доихаре нужны вы!

Император вернулся к тому, от чего отошел, бросив загадку Язеву. Круг небольшой, и времени на то, чтобы обойти его, потребовалось не так уж много, но майору показалось, что он

слишком долго находится в неведении и Генри просто испытывает чужое терпение.

— Именно я, майор Язев?

— Вы могли бы быть не Язевым и даже не майором. Генерал ищет представителя советского командования.

— Но я не представитель командования!

— Вы — офицер советской контрразведки, — уточнил император. — Этого вполне достаточно. Доихаре нужен офицер контрразведки...

— Черт знает что такое! — сорвалось у Язева. — Зачем вы сказали ему, что я из контрразведки?

— А я и не говорил. Генерал знает, кто вы.

На лице майора отразилось такое недоумение и такое огорчение, что император поторопился развеять загадочную тучу, нависшую над собеседником:

— Он помнит вас по Харбину.

Нет, туча не рассеялась. Она, кажется, сгустилась, стала темнее.

— Я не был в Харбине.

— Но там были люди, ходившие на ту сторону Амура, к вам. И они показали Доихаре ваш портрет. И не только ваш. Лицо сотрудника ГПУ чем-то заинтересовало Доихару, и фотография отпечаталась в памяти. Способность фиксировать у Доихары феноменальная. Теперь портрет наложился на оригинал. Совпадение полное. Генерал знал, кем вы были тогда, и понял, кто вы сейчас.

— Просто понял?

— Если вы имеете в виду эмоции, то не просто. Он испытывал удовольствие. А я — огорчение. Не так-то приятно видеть радость своего врага.

— Что же нужно Доихаре от меня? Или хочет поделиться своими воспоминаниями о Харбине?

— Вряд ли... Прошное ему нужно только как материал для сотворения настоящего и будущего. Я же сказал вначале: они намерены избежать суда.

— Вы уверены в этом?

— Да.

— И выступаете посредником?

Каверзный вопрос. Император должен был смутиться, услышав его. А смущения не последовало. Не прозвучал он неожиданно для Пу И. Не раз, видимо, он сам задавал его себе и не раз находил ответ. Теперь он повторил его Язеву:

— Иногда я вижу себя в стенах тайной резиденции в Тяньцзине и слышу голос полковника Доихары: «Или — или?»

— Сейчас тоже?

— Не в эту минуту... Но здесь минут пережито очень много. И были схожие с теми, что испытал я в Тяньцзине. Одна из них связана с разговором с Доихарой.

— Он надеется, что вы можете быть доверенным лицом?

— Уверен... И, как видите, я оправдал надежду генерала. Трудная миссия, ненавистная даже, но...

— Что же он думает предложить нам? — озадаченно произнес Язев. — Что может быть у Доихары?

— Тайна... — определил император. — Сейчас торгуют только тайнами. За них можно получить жизнь и даже свободу...

Император выжидательно посмотрел на Язева: что решит майор? И решит ли? Дано ли ему право на это? «Скажи, нет! — попросил он мысленно. — Нет! Нет...»

Не услышал Язев императора. Не угадал его желаний. А может, не захотел услышать. Не подошло ему короткое «нет». Сказал то, что не ожидалось в эту минуту:

— Однако куриный шашлык почти остыл... Займемся-ка обедом, ваше величество. Не ради же генерала мы сюда пришли...

РЯДОМ...

Было что-то около десяти утра...

Доихара Кендзи:

— Я понял, что не имею права молчать. И в то же время не могу никому поведать тайну, даже своим соотечественникам. Она принадлежит стране, которая была моим противником и борьбу с которой я считал своим священным долгом. Однако тайна теперь должна быть возвращена бывшему врагу...

На этот поступок он решился не сразу. Понадобилось триста сорок три дня, томительных, изнуряющих мозг и сердце дня, прежде чем утвердилось в нем самое мысль о последнем шаге. Последнем не потому, что за ним не существовало уже других шагов и путь оканчивался. Нет, именно шаг этот давал возможность идти дальше... Жить...

Для себя он именовал его тактическим приемом, на самом же деле это было предательство. Иногда оно так и звучало в душе его, и он содрогался от мысли, что и другие — не сегодня, потом, когда все погрузится в Лету и забудется сама причина, побудившая его совершить этот поступок, — скажут так же. Подумают-то уж наверняка. Поэтому он мучительно долго искал какое-нибудь средство, способное если не изменить отношение соотечественников к его последнему шагу, то хотя бы оправдать его.

«Я вынужден поступить так, иначе оборвется нить, и очень скоро», — объяснял он незримым обвинителям. Они должны были понять его и простить.

О, как тягостно было произносить это слово — «простить». Оно стояло рядом со словом «смерть». Почему-то прощают обычно умирающих. А он не хотел смерти, страх перед нею и заставил его совершить последний шаг.

Страх родился недавно. Прежде его вроде не было. В момент ареста — это официально называлось пленением — он хотел покончить с собой. Не так, как Анами, на коврик, обращаясь лицом к императорскому дворцу. Не до церемоний было. Он выхватил пистолет, вернее, расстегнул кобуру, чтобы вцепиться рукой в отдающую холодом, знакомым и всегда ободряющим холодом, рукоятку, но ему помешали. Два дюжих молодца сковали его плечи, и пистолет так и остался в кобуре.

Тогда он пожалел, что попытка уйти из жизни не удалась. В короткую секунду, до невероятия короткую, будущее представилось ему совершенно ясной, пронзительно четкой формулой: борьба за мнимое спасение и мучительный конец. Обязательный конец. Последнее было самым четким.

Когда его вели все те же дюжие молодцы, когда усаживали в машину, серую, дико-серую машину, в нем все еще жила мысль о самоубийстве. Нервным, торопливым взглядом он обегал окружавшие его предметы, отыскивая что-либо, способное прервать жизнь.

Потом желание мгновенной смерти угасло. Угасло, как только началось следствие. Ритмичный, напряженный допрос. Пришлось работать. Работать так, как работали следователи — до усталости, до изнеможения порой.

Он вел счет дням. Вначале запоминал их от момента ареста, затем от первого вызова на допрос. Потом по календарю, что лежал на столе следователя. И еще — по погоде. За окном кабинета следователя шла жизнь и шел счет времени. Менялось что-то: моросил дождь, плыли облака, вспыхивало солнце в скупых прогалинах и даже заглядывало в комнату, падало на ноги арестованного, осторожно касавшиеся цветастого, дерзко-малинового ковра. И тогда он шевелил ими робко, находя что-то приятное в этом наивном движении.

Однажды совсем неожиданно и даже без причины он вдруг ясно представил себе торопливо бегущее время. Его время. И близкую пустоту впереди. Он отшатнулся от этой пустоты, стал искать опору, ощупывая, как в потемках, вокруг себя все и ничего не находя. Инстинктивно потянулся к прошлому. И там, среди нагромождения событий, нашел желаемое. В какой-то счастливый момент оно подвернулось под руку. Он торопливо заслонился находкой, как щитом. Поставил перед собой, отгораживаясь от пустоты.

Вот таким, заслоненным, и увидел его Язев. Рука со щитом была выброшена вперед и отделяла Лоуренса-2 от чекиста. Не давала приблизиться, понять, что там, за седыми волосами, за припухшими веками. Разоружился Доихара? Или это кажущееся умиротворение?

Но шит надо было принять. То, что поведал Лоуренс-2, составляло тайну второго отдела генштаба. Важнейшую тайну. И тайна касалась родины Язева. Его самого касалась.

Когда Доихара изложил все и смолк, несколько смущенный тем впечатлением, которое произвел на чекиста его рассказ, майор вдруг спросил:

— Вам известно, что Маратов убит?

Вопрос был нелепым, неуместным в разговоре, который они начали сейчас. Даже кощунственным в некотором смысле. Доихара открыл тайну, значение которой для советской контрразведки исключительно. Надо уметь пережить удар (да, это удар), и не только пережить, найти в себе мужество признать поражение. А он спрашивал о Маратове. Или не почувствовал удара или просто не оценил важности происшедшего.

Доихара досадливо поморщился:

— Убит во время штурма Дайрена?

— Нет, убит за два дня до взятия города... По приказу генерал-лейтенанта Янагиты...

Вопрос, оказывается, имел отношение к разговору, начатому только что. Янагита Гендзо один из немногих, посвященных в тайну. Ему передал ее Лоуренс-2, как говорится, из рук в руки. Но почему генералу надо было убрать Маратова? Майор что-то путает, соединяет совершенно разные вещи. Вот так терпят поражение не умеющие мыслить.

— Значит, вы не знали об убийстве Маратова? — спросил Язев.

— Нет. В последние дни войны связь с японскими миссиями прервалась. Почти прервалась. Мы с трудом передавали в Маньчжурию приказы, связанные с решением императора о выходе из войны.

— Но то, что Маратов был срочно переправлен из Токио в Порт-Артур, а оттуда в Дайрен, вы могли знать. Это же решалось здесь, в генштабе.

«Нет, контрразведчик мыслит явно не в том направлении. Дался ему этот Маратов!»

— Решали, конечно, в генштабе. Маратов был референтом по русским вопросам, прежде всего — дальневосточным вопросам, и самовольно не мог покинуть Токио. В переброске его на территорию Маньчжурии, видимо, возникла какая-то необходимость...

Голос Доихары звучал ровно, но в нем уже угадывалась нотка раздражения.

— Видимо? Точно вы не можете сформулировать причины?

— Нет, я не соприкасался с теми инстанциями, которые контролировали и направляли Маратова. Последнее время, естественно. Прежде он сотрудничал со мной при разработке некоторых планов...

— Операции «Большой Корреспондент» тоже?

— Большой Корреспондент появился, как я уже сказал вам,

сразу после нашего укрепления в Маньчжурии, когда Амур стал пограничной рекой Японии.

— Но операция длилась несколько лет, и последний период Маратов захватил?

— Да.

— И был посвящен в детали всей акции?

— Я не посвящал.

— Другие?

— Другие, наверное... Обязаны были посвятить, поскольку Маратов являлся референтом по Приамурью, а Большой Корреспондент базировался в Хабаровске...

— Значит, Янагита?

— Безусловно.

— И он же приказал ликвидировать Маратова... Тут какая-то нелогичность? Не находите?

Язев понуждал Лоуренса-2 к размышлению. Ненужному сейчас, да и вообще ненужному. Все, о чем говорил советский контрразведчик, лежало за гранью настоящего. Уже проведена черта и, может быть, даже подведена. Подводится, во всяком случае. Следствие в самом разгаре. Ежедневно Доихару возвращают в прошлое. Он устал от этих постоянных прогулок по тропам тридцатых годов. Ему хочется здесь, наедине, избежать анализов прошлого, затушить упрямое любопытство собеседника согласием с ним.

— Нахожу.

Не затухает любопытство — ошибся Доихара.

— Да, явная нелогичность, — продолжает развивать свою мысль Язев. — Так просто не убирают единомышленников, это вы знаете хорошо. Убирают доверенное лицо лишь в том случае, когда возникает опасность раскрытия тайны. Элементарный закон буржуазной разведки.

На серое, испещренное морщинами, как зарубками, лицо Лоуренса-2 набегают волной беспокойства. Одна за другой следуют волны, и все мрачнее и тревожнее. Тревога и в глазах. Надо бы смежить веки, заслониться от чужого любопытства, а что любопытство присутствует, нет сомнения. Зачем же иначе эти настойчивые вопросы? Но Доихара не успевает опустить веки, и в узких, как амбразурная щель, просветах Язеву видны тревожные огоньки.

— Тут что-то личное, — сделал предположение Доихара. Ему так удобнее отстраниться от необходимости участия в разгадке тайны.

— Вряд ли, — отбросил легкое решение Язев. — Янагита не скрывал своего приговора, а передал его официально начальнику Дайренской военной миссии. Как приказ. И все сотрудники узнали о нем. Личное тут исключается.

— Вы правы, пожалуй, — снова попытался затушить чужое любопытство Доихара и снова безуспешно.

Язев торопливо подхватил согласие своего собеседника:

— Вот и получается, что Янагита убирает Маратова с определенной целью и цель эта связана с акцией «Большой Корреспондент».

— Произвольное заключение. Вы прибегаете к нему, чтобы усложнить вопрос. А он довольно ясен. Операция «Большой Корреспондент» для каждого, кто был к ней причастен, представлялась как крупнейший стратегический и уж, конечно, тактический удар в тайной войне на Дальнем Востоке. Удар достиг сейфов советского генштаба и пробил их. Мы знали все, что осуществлялось и что будет осуществлено командованием Особой Дальневосточной армии. Мы читали здесь, в Токио, приказы Блюхера, указания Сталина, видели на картах дислокацию советских войск и следили за перемещением частей вдоль Маньчжурской границы. Информация была точной, а если выражаться деловым языком, то документальной... Бросить тень на эту блестящую операцию подозрением о какой-то связи «Большого Корреспондента» с судьбой Маратова, значит, не понять значение удара. Вы, как контрразведчик, должны оценить событие по его значимости и своим донесением о состоявшемся у нас разговоре помочь быстрой ликвидации крупного агента. Он в самом штабе Дальневосточной армии. В самом сердце...

— Сообщение уже сделано.

Тень с лица Доихары как-то легко и быстро сошла. Успокоенный, он глянул на Язева с прежним снисходительным сочувствием: как там, в Хабаровске, да и в Москве отнесутся к сообщению? Поедутся небось. Японская разведка сильна. Сильна и талантлива,

— Благодарю, — склонил голову Доихара. Величественно склонил. Он должен был играть пленника, но не побежденного врага. И играл с вдохновением. — Миссию свою я, кажется, выполнил...

Или нет? Не испытывает Язев смущения, в глазах его какое-то наивное любопытство и даже озорное легкомыслие — этот майор отказывается вроде признавать победу противника, очевидную победу.

«Да, теперь совершенно ясно, что Доихара перебрался через Амур. А мы считали его только потенциальным противником, — подумал Язев, — покрутился, мол, на чужом берегу, посмотрел из Сахалина на Благовещенск и ушел на юг. Ошибка. Какой-то ночью, невидимый, неугаданный, он вышел на наш берег. Символично, конечно. В облике этого самого Сунгарийца, как назвал резидента Лоуренс-2. Потом перевоплотился в Большого Корреспондента».

Сунгарийца Язев помнил. Однажды зимой, где-то за полночь, на льду Амура пограничники перехватили связного, направлявшегося к маньчжурскому берегу с донесением. Случайно перехватили. Была метель, злая февральская метель, тучи снега

неслись по Амуру — ни земли, ни неба не видать. В такую погоду не то что до чужого берега, до своего дома не доберешься. Закружила связного пурга, завертелся он на одном месте как юла. А тут еще полынья — отсырел лед перед метелью, сдал кое-где, а может, и рыбаки попытали счастья, прорубили круги для неводов. К ночи затянулись просветы, занесло их снегом, но укрепнуть не успели — нога связного так и пошла в воду. Закричал бедняга, позвал на помощь. Тут закричишь, хоть и не велено, если под лед тянет, а руки скользят по кромке, не находя опоры. Услышали дозорные. Как уж услышали — неведомо, порывом ветра, должно быть, принесло крик. Поспешили на помощь. Успели вытянуть человека, почти подо льдом был, едва живой.

Что он связной, никто не знал, сам, конечно, не открылся — охота ли сидеть в тюрьме? Стал плести обычное. Заплутался, мол, в буран, забрел на лед. Не поверили. Тогда не верили случайностям: граница, как передний край, каждый день нарушение, да и не одно. Время к тому же было суровое — бдительность обострена до крайности. Обыскали, распоролы одежду по швам, всю, даже портки не обошли, хотя ясно было, что в складках тонкой бязи ничего не скроешь. Нашли все же — не в полушубке, не в кителе и не в нижнем белье, в подкладке левого голенища. Записка крошечная, в кошачью лапу: «В полночь Большой выходит из игры». Вот так просто и так таинственно резидент сообщал о выходе из дела одного из агентов. Было ли это истинное намерение или ложное — не поймешь. Посчитали открытый текст шифрованным. Тоже ничего не поняли. Но ломать голову над бумажкой в кошачью лапу не было смысла. Принялись искать Большого. Связной вначале вроде попытался помочь, что-то выдал через стон и хрип, потянулась ниточка, да тут же оборвалась — впал в забытие. Крепко обожгла его полынья, загорелся ледяным огнем, а он горячее обычного, бред от него тяжелый. Врачи в те времена антибиотиками не располагали, с пневмонией боролись старыми способами, впрочем, и антибиотиками не удалось бы спасти связного. Слишком шибко ожег его Амур. Сгорел, так и не придя в себя. Поэтому искали Большого уже без связного. Не нашли. По записке разве найдешь, да еще такой крошечной, в кошачью лапу? Осталась она в деле как след.

На этот след и наткнулся как-то Язев, тогда еще совсем молодой сотрудник ОГПУ, случайно, не в связи с Большим, по другому поводу. Заинтересовался. Ну а если заинтересовался, то и запомнил.

Была в записке какая-то закорючка, подпись, что ли, или знак какой, похожий на букву «с», а может, на «е» или «о» недописанное. Теперь представилось как «с», только «с». Сунгариец! К нему легко пристегивался и Большой. Все на своем месте. Пригодилась записка, а многие над ней тогда посмеялись...

— Настоящая фамилия Сунгарийца?

Они вроде закончили беседу. Так понял Доихара. Даже поблагодарил майора за любезность. Можно было встать и уйти. Не как обычно уйти, конечно. Где-то за дверью Лоуренса-2 ждал конвой — американский солдат в очень красивой фуражке с кокардой, вежливый и предупредительный, как бы извиняющийся за необходимость сопровождать японского генерала. И все же сопровождающий, своим присутствием напоминая о неволе, в которой содержится теперь почти легендарный Доихара.

Уйти, однако, нельзя. Даже встать нельзя. Майор вопросом задерживает Лоуренса-2. Ох, эти вопросы. Они не содержат ничего коварного, ничего унижительного. Но они снижают значение встречи, они приглушают ее торжественный тон: ведь Доихара сделал важное, очень важное заявление. Оно само по себе обязывает к какой-то особенной обстановке. Вопросы же мельчат все, тянут в обыденность, элементарную деловитость. А сейчас не допрос. Даже намек на допрос недопустим. Доихара по собственной воле сделал заявление и по собственной инициативе снизошел до встречи с майором. Генерал Доихара и майор Язев. Возможно ли было такое до августа 1945 года?

— Не знаю фамилии Сунгарийца.

— Не знаете или не помните?

— Не помню...

Доихара сделал усилие, проверяя себя. Память у него была хорошая, и среди множества следов прошлого могли сохраниться и следы Сунгарийца. Но их не оказалось.

— Была, наверное, какая-то фамилия. Люди не рождаются с псевдонимами. Веспа представлял его мне накануне переброски в Благовещенск и называл как-то...

— Амлето Веспа?

— Да.

— Этот китаец итальянского происхождения причастен к операции «Большой Корреспондент»?

— В какой-то степени... — Доихара подсадовал на себя за оброненное имя. Веспа хорошо известен в Европе и как секретный агент Японии вызывал любопытство.

— Он вербовал Сунгарийца?

— Не то чтобы вербовал, — скривил губы Доихара, — нашел где-то... Кажется, в Сахалине, среди эмигрантов.

— А не в Харбине? Там вы встретили Веспу.

Доихара отшатнулся — такой неожиданной была справка Язева. Майор вроде бы уличал Лоуренса-2, во всяком случае, приближал к тому, от чего тот хотел отойти.

— Почему там?! Из чего вы заключили, что я встретил Веспу в Харбине?

— Так пишет сам Веспа.

— Ах, да... Я упустил из виду стряпню моего бывшего аген-

та относительно его успехов в Маньчжурии. Он не всегда был точен, пожалуй, всегда неточен и, главное, неискренен.

— Нам показались его характеристики почти что фотографиями.

— Кроме самого Веспы, — с раздражением заметил Доихара. — Себя он изобразил рыцарем разведки.

Язев вспомнил книгу Веспы, которая в свое время наделала много шума в Европе да и в Америке, попытался представить себе страницы, где шла речь о самом авторе. Признался:

— Он обходит себя.

— Это так кажется, — загорелся Доихара. — Явных откровений нет, зато, осуждая японскую секретную службу, Веспа отстраняет собственную персону от всего, что могло казаться европейцам коварным и жестоким. Он льет слезы по поводу судьбы китайских агентов, лишенных возможности делать свое дело в присутствии японцев, в то же время сам Веспа был китайским агентом, и именно мы, японцы, привлекли его к секретной работе, и именно он создал для нас агентурную сеть среди белоэмигрантов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕРВОЕ

Харбин, 14 февраля 1932 года

«В штаб-квартире военной миссии после пятиминутного ожидания я был введен в кабинет полковника Доихары. Доихару я знал уже давно. Он всегда был со мной подчеркнуто любезен. Иностранные журналисты часто называют его «японским Лоуренсом». Я думаю, однако, что если бы его сестра не была наложницей японского наследника, то большая часть «успехов» Доихары осталась бы лишь плодом его собственной фантазии.

Он встретил меня улыбкой, не то саркастической, не то издевательской.

— Итак, мистер Веспа, — проговорил он по-русски, пронизывая меня взглядом, — мы друг друга знаем, не так ли? Не припомните ли вы, где мы с вами встречались в последний раз?

— Если не ошибаюсь, это было в Тяньцзине?

— Совершенно верно. У вас хорошая память. Мне говорили, что вам никогда не приходится что-либо объяснять дважды. Приступим к делу... В прошлом японские военные власти не раз предлагали вам оставить китайскую службу и перейти к нам. Вы постоянно отказывались, но теперь положение вещей изменилось. Я не приглашаю вас, я заявляю: отныне вы будете работать на японцев! Я знаю, что, если вы захотите, вы сможете сделать многое и сделаете это хорошо. Если будет сделано мало и плохо, это будет значить, что вы работаете

с неохотой. Так вот, — добавил он медленно и угрожающе, — я предпочитаю расстреливать тех, кто проявляет к нам недружелюбие. — Затем уже более спокойным тоном он продолжал: — Идет война, мистер Веспа. То, что официально она не объявлена, никакого значения не имеет. Всякую вашу попытку к бегству мы будем расценивать как дезертирство, а дезертирство мы караем смертной казнью. Разумеется, при ваших обширных дружеских связях в Маньчжурии и в Монголии вам ничего не стоило бы перебраться в Китай. Но вы не один, у вас семья. А для семьи, состоящей из пятерых человек, пересечь огромные степи Маньчжурии и Монголии — дело нелегкое. Вы меня поняли? А потому советую вам, взвесив все сказанное мною, взяться за дело. Жалеть вам не придется.

Я выразил удивление по поводу его тона и заявил, что хотя у меня нет особого желания работать на японскую разведку, так как я сберег немного денег и приобрел пай в нескольких театрах, все же, если мне предложат достаточное вознаграждение и не будут разговаривать со мной тоном угрозы, я могу обдумать такое предложение.

Доихара нахмурился:

— Я не делаю вам предложений, мистер Веспа, я уже объяснил, что отдаю вам приказание. Полагаю, что нет нужды останавливаться на этом. Завтра, в 11 часов, вы должны быть у меня: я познакомлю вас с начальником японской разведывательной службы в Маньчжурии. Уверен, что вы с ним прекрасно сойдетесь и вообще привыкнете к японцам. Будьте осторожны, не сделайте опрометчивого шага. Не забывайте о том, что произошло с вашим покойным другом Суайнхартом. Ведь вы помните? Он утонул, мистер Веспа. Не так ли?

Суайнхарт был американским гражданином, служившим китайским властям в Маньчжурии. Во время поездки в Японию он был убит японцами, а труп выброшен в море. Токийские газеты сообщили, будто Суайнхарт утонул случайно.

На следующий день, в 11 часов, я явился в назначенное Доихарой место...

— Веспу принудили к сотрудничеству, — заметил Язев.

— А кто добровольно берет на себя трудную и опасную обязанность тайного агента? — в свою очередь отметил Доихара. — При разоблачении это смерть.

— При отказе от обязанностей — тоже смерть.

— Да, — определенно и довольно твердо ответил Доихара.

Язеву захотелось порассуждать о принципах мобилизации чужих усилий.

— Страх — единственный стимул. Надежно ли это?

— Страх и заинтересованность в хорошем вознаграждении, — добавил Доихара. — На этом держится мир...

— Свою японскую агентуру вы подбирали по другому принципу. Материальная заинтересованность не играла почти никакой роли.

— Пожалуй,— опять не сразу ответил Доихара. Прежде подумал, взвесил одному лишь ему известное и только тогда согласился с доводом Язева. — Но страх играл ту же роль, что и при вербовке иностранного агента.

— Страх?

— Именно страх. Ну и потом воспитание. Мы со школьной скамьи готовим юношу к самопожертвованию, к служению долгу. — Доихара посмотрел на Язева как-то снисходительно, будто вдруг понял, как высок он, «японский Лоуренс», и не столько он, сколько страна, родившая его и тысячи, тысячи других солдат невидимой армии.

Доихара не сказал о тайном обществе «Гэнъёся» («Черный океан»), которое поставляло шпионов и диверсантов второму отделу генштаба. Опытные торговцы душами следили за молодыми японцами, заносили в свои карточки все, что характеризовало каждого, и, накопив нужное количество «жизненно-го» материала, представляли его совету общества для вынесения решения: годен или не годен кандидат к вступлению в ряды «Черного океана». И когда совет произносил «да», подопечный автоматически вводился в общество. Его приглашали на заседание совета и объявляли о выпавшем на его долю счастье служить великой цели. Конечно, он должен был дать согласие стать солдатом тайной армии, его не принуждали к жертве. Но отказ мог рассердить божество, покровительствующее обществу, и неизвестно было, как оно поступит с неблагодарным избранныком. Туманное, выраженное высоким стилем предупреждение совета могло получить довольно конкретное воплощение в виде ножа, воткнутого между лопатками, или яда, всыпанного в чашку с чаем. Поэтому «нет» исключалось, в лучшем случае он вымаливал время на обдумывание своего будущего шага. Советоваться ни с кем не разрешалось, даже с семьей. Он мог лишь проститься с близкими, и то мысленно. Исчезновение из дома происходило внезапно. Человек растворялся, как «утренний туман при восходе солнца».

Перед «путешествием» избранный в присутствии членов совета произносил собственный приговор:

«Клянусь богиней Солнца, нашим священным императором, который является высшим священнослужителем великого храма Исэ, моими предками, священной горой Фудзияма, всеми реками и морями, всеми штормами и наводнениями, что с настоящей минуты я посвящаю себя службе императору и моей родине и не ищу в ней личной выгоды, кроме того блаженства, которое ожидает меня на небесах...»

Рука избранного была поднята и как бы символизировала решимость отдать себя во власть небесных сил.

«...Я торжественно клянусь, что никогда не разглашу ни одному живому человеку того, чему общество научит меня или покажет мне, того, что я узнаю или обнаружу в любом месте, куда буду послан или где окажусь. Исключение из этого будут составлять мои начальники, которым я обязан беспрекословно повиноваться, даже тогда, когда они прикажут мне убить себя. Если я нарушу эту клятву, пусть откажутся от меня мои предки и пусть я вечно буду гореть в аду!»

Не мог сказать Доихара о «Черном океане» потому, что это была не личная его тайна, и еще потому, что сам он когда-то давал клятву богине Солнца. Нарушение ее, как известно, вело в ад, который не рисовался грешникам чайным домиком в Симбаси, где глаза услаждали грациозные движения гейш, а слух — душевная мелодия кото.

— Национальная черта, так сказать, — обобщил мысль собеседника Язев.

— Можно назвать это национальной чертой, — кивнул Доихара. Он еще пребывал в блаженном состоянии избранного, когда все вокруг существует лишь для того, чтобы подчеркнуть его превосходство. Взгляд Доихары был надменен, губы, жестко очерченные, втянуты и оттого казались мертвыми. «Я из иного мира, — говорил своим видом Доихара. — Мы — разные люди, если считать меня только человеком...»

Поднимался ли он в мыслях до такой высоты, которая читалась в его внешнем облике, или это было лишь обличье бутафорское, приобретенное не по особенно дорогой цене. В среде военных многие считали Доихару выскочкой с довольно заурядными способностями. Именно так характеризовал Лоуренса-2 Комуцубара Юкио, один из видных разведчиков Дальнего Востока, сталкивавшийся не раз с Доихарой Кендзи при выполнении заданий второго отдела генштаба. Наоборот, генерал Нанао, стоявший у истоков карьеры Доихары, называл его талантливым разведчиком, яркой звездой на фоне секретной японской агентуры двадцатых годов. Являясь советником Чжан Цзолина, генерал Нанао никак не мог обойтись без своего адъютанта полковника Доихары при осуществлении той акции, которая решила судьбу Северного Китая и открыла дорогу японской армии на континент. «Он умел не только выдвигать удивительные планы, но и блестяще их осуществлять, — говорил Нанао. — И планы были до того смелыми, что мы порой испытывали растерянность и даже тревогу».

Возможно, Нанао, подчеркивая роль адъютанта в разработке и осуществлении планов диверсий, тем самым как бы отводил от себя обвинение в совершении террористических актов на Дальнем Востоке, которое в свое время предъявляла да и сейчас предъявляет мировая общественность японской военщине. Это, мол, все смелый и изобретательный Доихара.

Это его инициатива, его творчество. Мы тут ни при чем! Так позже отвечал и японский генштаб на уведомления и протесты Советского правительства по поводу провокаций на границе: «Нашему командованию ничего не известно...» Нанао, конечно, было все известно, но инициатива вроде бы исходила не от него. «Слишком самостоятелен, слишком независим Доихара. Что я мог поделаться с ним!»

Впрочем, это домысел.

Ни Комуцубара, ни Нанао, ни многочисленные авторы повествований о «героях» японской секретной службы, в том числе и Амлето Веспа, не дают точного портрета Доихары. Каждый ретуширует его по своему вкусу и в соответствии со своими целями. Когда начальник японской разведывательной службы в Маньчжурии сказал Веспе: «С тех пор как европейцы называли его (Доихару) «японским Лоуренсом», он стал вышемерен и хвастлив», он хотел только подчеркнуть новую черту в характере Доихары, но не развенчать его как разведчика. Правда, Лоуренсом он его не считал. «Я, ни минуты не колеблясь, могу сказать, что он меньше всего похож на Лоуренса, — заметил шеф секретной службы. — Разумеется, никто не станет отрицать, что в ряде случаев он добился определенных успехов». Об успехах говорил постоянно близкий друг и почитатель Доихары военный атташе в Берлине Хироси Осима. Он называл Доихару разведчиком экстра-класса, современным Вильгельмом Штибером, а не Лоуренсом.

Хироси Осима видел свой идеал только в немецком обличье, он был, как выражались при дворе микадо, больше нацистом, чем японцем. Сама Япония представлялась ему третьим рейхом, одетым в кимоно, а Токио — расцветенным фонариками Берлином. В 1936 году его усилиями осуществился сговор с нацистами и стало торопливо расти здание тройственного союза. Генерал Хироси Осима своими маленькими, но старательными руками помогал ковать пресловутую ось Рим — Берлин — Токио. В акции против Чжан Цзолина он увидел стиль чернорубашечников и не отказал себе в удовольствии отметить это. «Старая Европа негодует, и что же? — менторски заключил он. — Мы не можем действовать старыми методами, они малоэффективны. Бояться выстрелов и крови, значит, бояться смелых и решительных шагов. А нам нужны решительные шаги в Азии!»

Хироси Осима мог бы сравнить Доихару с Отто Скорцени, с этим любимцем бесноватого фюрера, но тогда еще для мира и для самого Хироси не существовал полубогатый «человек со шрамом», на крыльях планера вынесший из альпийской тюрьмы насмерть перепуганного дуче. Позже такое сравнение он сделал бы, это соответствовало духу японского нациста, но время и события избавили Хироси от рискованных сопоставлений. К ним прибегли другие много лет спустя и не на родине Доихары, а далеко за океаном.

Все эти противоречивые мнения никак не открывали Доихару и тем более не давали возможности решить вопрос: поднимался он в мыслях до такой высоты, которая чудилась в его внешнем облике? «Я — из иного мира!» — он мог так думать и имел на это какое-то право. Легенда о «японском Лоуренсе» создана на биографии Доихары, а не другого разведчика. Ямагути, например, вцепившегося мертвой хваткой в морское министерство Соединенных Штатов в 1934 году, или главу японской шпионской сети там же в 1938 году — секретаря посольства Тэрасаки. Или Хата Хикосабуро, осуществившего ряд смелых акций в Маньчжурии перед второй мировой войной, наконец, Канда Масатона, начальника второго отделения генштаба Японии, причастного к провокациям, решившим судьбу Северного Китая, и уже названного нами Комуцубара Юкио, чье имя хорошо известно на Дальнем Востоке. Другие не получили права называться «японскими Лоуренсами», Штиберами, Скорцени. Даже если считать, что сам Доихара складывал слова легенды, то не из одних же слов она состояла? Вокруг чего-то плелся этот словесный плющ, на что-то нанизывался? И на что-то значительное, для японской разведки хотя бы, для генштаба Японии тех времен.

Доихара оказывался почти всегда у истоков главных событий тридцатых годов на Дальнем Востоке. Талантливо или не талантливо играл он свою роль, об этом можно говорить, оценивая события, но он играл ее. Не вычеркнешь Доихару из перечня действующих лиц в Мукдене, Тяньцзине, Харбине. Теперь уже — в Харбине, если принять за факт операцию «Большой Корреспондент», открытую Доихарой советской контрразведке. Генеральную операцию, если можно так выразиться. Она в течение почти десятилетия питала секретную службу Японии данными о советском Дальнем Востоке, о боевой готовности Особой Дальневосточной армии. На основе этих данных строилась стратегия и тактика японского генштаба, формировалась и дислоцировалась самая многочисленная и самая агрессивная Квантунская армия. К разработке и осуществлению акции «Большой Корреспондент» были причастны многие сотрудники второго отдела, весь разведцентр Маньчжурии какое-то время занимался «Большим Корреспондентом». Но первый ход в игре был сделан Лоуренсом-2. Как же исключить после этого Доихару из списка главных действующих лиц японской секретной службы и согласиться с Комуцубарой Юкио, что это просто выскочка с заурядными способностями, или признать вывод Амлето Веспы, будто во взлете Доихары повинна лишь сестра его, оказавшаяся наложницей японского наследника, без которой «большая часть «успехов» Доихары осталась бы лишь плодом его собственной фантазии»?

Доихара был крупным японским разведчиком и, главное, типичным японским разведчиком, если иметь в виду характерные черты, культивируемые секретной службой Японии трид-

цатых годов. Пожалуй, он имел право требовать к себе внимания и поднимать высоко голову, когда был окружен почитателями. Сама по себе голова его не возвышалась в силу элементарных положений физики — Доихара был среднего роста, поэтому он не любил стоять рядом с подобными же. Держал их на дистанции. Зато грузная фигура его легко выделялась среди шуплых и низеньких, как правило, японских офицеров, и Доихара казался высоким, солидным, производящим впечатление. Лоуренс-2 учитывал это.

Низкий, басовитый голос его звучал повелительно, понуждающая нотка улавливалась в каждом слове. Он не терпел возражений и не умел выслушивать чужие доводы. То, что было им решено, не менялось и не корректировалось, оно осуществлялось, и осуществлялось настойчиво, ломая преграды, подавляя сопротивление.

Во втором отделе знали характер Доихары и не мешали ему. Даже когда действия Лоуренса-2 грозили неприятностями для министерства иностранных дел и даже для самого правительства в целом, операции его не приостанавливались. Некоторое смущение и порой замешательство испытывали и в штабе и в кабинете министров: уж слишком громкий резонанс получали акции Доихары, однако ему никогда не ставилось это в вину. Резкие и торопливые повороты нужны были генеральному штабу — сами генералы торопились с выполнением планов создания великой Азии. Как модно было говорить тогда в воинственной Японии: «Не опоздать на автобус!» Не опоздать бы!

Доихара не опаздывал. Удивительно вовремя звучали выстрелы, взрывались поезда, менялись главы правительств, воздвигались троны, создавались новые государства. Вовремя! Мовет быть, в этом и секрет славы Доихары Кендзи.

А как с «Большим Корреспондентом»? Не опоздал ли Доихара или не слишком ли рано осуществил эту акцию? «Интенсивный шпионаж должен предшествовать интенсивному вооружению для подготовки к войне» — так, по выражению одного из теоретиков разведки, устанавливается время активных разведывательных акций агрессора. Японский генералитет готовился к большой войне на континенте. Первая фаза была завершена вводом войск в Северный Китай, вторая завершалась — возникла империя Маньчжоу-го и появился плацдарм на правом берегу Амура. На очереди третья фаза — удар по советскому Дальнему Востоку. Планировался тотальный шпионаж. Значит, время для большой разведывательной акции созрело. Доихара, как всегда, поспел к началу событий. Чутье не изменило ему.

Он обычно действовал на освоенной территории — освоенной японскими войсками, или на территории, находящейся под их контролем. В худшем случае — в вакууме, где местное правительство уже не имело силы для поддержания порядка и

власть фактически отсутствовала. Тут Доихара ходил вооруженный до зубов и в сопровождении телохранителей. Иногда ему, как, например, в Тяньцзине, приходилось прибегать к фарсу с переодеванием. Правда, это мало помогало Лоуренсу-2, его всегда узнавали, и едва приземлялся самолет или пришвартовывался катер со странным пассажиром, как газеты поднимали шум: «В городе Доихара Кендзи! Положение критическое».

Он был вестником перемен, и перемены наступали сразу — Доихара не отличался терпеливостью. Небо заволакивали тучи, словно их гнал ветер, и начиналась буря. В этом Доихара напоминал настоящего Лоуренса, Томаса Эдуарда. Появление «некоронованного короля» всегда приносило перемены на Востоке. Его, как и Доихару, легко узнавали, хотя на нем был то тюрбан бедуина, то цветастая шаль цыганки, то ряса буддийского монаха. Его разоблачали пресса, контрразведка. С ним начинали борьбу дипломаты. Чего стоит знаменитый протест правительства Афганистана с требованием отозвать Лоуренса из пограничных районов Индии! И даже отозванный, он делал свое дело, вернее, дело, начатое им, завершалось нужным результатом. То самое правительство Афганистана, которое послало ноту протеста Англии, было уже обречено. Понадобились лишь дни, чтобы оно пало.

Правда, Доихару не отзывали, протесты были, но безрезультатные, он доводил до конца начатое. Только удостоверившись в удачном завершении операции, Лоуренс-2 покидал место действия. Как говорили, придавив ногой пепел. Пепел был горяч, всегда горяч. Даже вился дымок. Не случайно пресса Запада легко узнавала о содеянном. Начиналась кампания посярмления японской секретной службы.

Доставалось всегда генеральному штабу или кабинету министров. Доихара исчезал. Неторопливо, даже слишком неторопливо. Чего ему было бояться на территории, контролируемой японскими войсками, или в вакууме? Исчезновение, увы, не мешало западной и китайской прессе точно определить виновника событий, и имя Доихары не сходило с газетных полос.

Операция «Большой Корреспондент», кажется, первая операция Доихары, не получившая огласки. О ней не узнали журналисты, тайна не коснулась ушей досужих репортеров. Наверное, потому, что проводил ее Лоуренс-2 за пределами японских владений и документы, связанные с ней, хранились в папке с грифом «кио ку мицу» (совершенно секретно). Надпись выводилась ярко-красными чернилами или была оттиснута такого же цвета типографской краской. Да и не только папка. На каждом документе горели эти предостерегающие слова: «Совершенно секретно!» Даже теперь, когда смотришь на них как на свидетельство прошлого, ушедшего навсегда и потому потерявшего свое значение, понимаешь, какую робость испытывали перед этим «кио ку мицу». Прикосновение чужой руки к бумаге

с подобным грифом было связано с риском. Чужой интерес расценивался кемпейтай — японской контрразведкой как проявление недобрых чувств к Стране восходящего солнца. «Я предпочитаю расстреливать тех, кто проявляет к нам недружелюбие», — говорил Доихара.

Сейфы надежно хранили тайну. Посторонние к ней не прикасались, посвященные молчали, связанные клятвой. Круг посвященных постепенно сужался: кого-то уносило бесжалостное время, кто-то падал на дорогах войны, кого-то убирали... Последнее было непонятным. Непонятным опять-таки для непосвященных. Посвященные знали, почему это делается. Генерал-лейтенант Янагита, например, знал. И, убирая Маратова, руководствовался определенной целью. Не знал Доихара. Удивительнее всего, что не знал именно он, планировавший и осуществивший операцию.

— Национальная черта... — повторил Язев почему-то раздумчиво и несколько иронически. — Однако для операции «Большой Корреспондент» вы прибегли к услугам иностранцев, в частности к Веспе и Сунгарийцу. Последний, как я понял, был русским эмигрантом из амурских казаков.

— Выбор диктовался условиями, — не снижая торжественности и несколько не ставя под сомнение сказанное прежде о японской разведке, пояснил Доихара. — Работать Сунгарийцу приходилось на советской территории. Этими соображениями руководствовался и Веспа. Белую эмиграцию он знал отлично.

— Но ведь прежде ваша секретная служба имела резидентов на левом берегу из числа японцев. Помните Абэ Чута?

Доихара с явным недоверием глянул на Язева. Ему почудился подвох в словах собеседника.

— Кто такой Абэ Чута?

— В вашу бытность начальником Харбинской военной миссии он выполнял обязанности вице-консула Маньчжоу-го в Благовещенске. Правда, под вымышленной фамилией.

— Он был вице-консулом? — уточнил Доихара.

— Он был японским резидентом.

— И советская контрразведка это знала?

— Узнала... Мы напали на след агентуры, а агентура привела к резиденту.

Недоверие во взгляде Доихары сменилось досадой. Сообщение майора разрушало горделивое звание, воздвигнутое только что в честь японской разведки.

— Его предали агенты — русские или корейцы, — попытался отвести обвинение Лоуренс-2.

— Он выдал себя грубой работой, — дал справку Язев.

Это касалось уже самого фундамента: камни вынимались прямо из-под стен.

— Он не был разведчиком, — заслонился Доихара и тем самым заслонил секретную службу.

Язев мягко, даже чуточку извиняясь, улыбнулся:

— Абэ Чута — разведчик, прошедший специальную школу, долго готовившийся к работе в России. Он знал в совершенстве русский язык, а это нелегкое приобретение, вы должны согласиться со мной.

— Да, — вздохнул Доихара.

Ему самому пришлось потрудиться несколько лет, прежде чем стали выговариваться правильно русские слова. Лоуренс-2 специализировался как зарубежный агент с прицелом на советский Дальний Восток. Работа в Китае была лишь стажировкой будущего резидента на левобережном Амуре. Время, однако, изменило планы японской секретной службы — Доихара застрелял в Маньчжурии.

— Провал Абэ Чута и других резидентов, — продолжал мысль Язев, — вынудил вас обратиться к помощи иностранцев.

— Нет-нет! — отрубил Доихара. — Я ничего не знал о вице-консуле и его провале, как вы называете случай с Абэ Чута. Мы руководствовались совсем иными мотивами. Нам нужен был информатор из самого центра, а проникнуть в центр, не вызывая подозрений, мог только русский, и не просто русский, но хорошо знающий Приамурье, имеющий связи с местными жителями. Им оказался Сунгариец.

— Белоэмигрант?

— Белоэмигрант — это общо. Амурский казачий офицер, — дал свое определение Доихара.

— И вы считали это достоинствами, вполне подходящими для человека, собирающегося проникнуть в штаб Дальневосточной армии?

Доихара скептически улыбнулся: сомнения майора показались ему наивными. Чересчур наивными. За кого он принимает руководителей японской секретной службы?!

— На том берегу белый офицер превращался в коммерсанта, — азбучно пояснил Лоуренс-2. — Версия разрабатывалась специалистами, хорошо знающими обстановку в тогдaшнем Благовещенске...

Теперь мог улыбнуться Язев, и не скептически, а откровенно насмешливо.

— Версия не гарантирует возможности, она дает лишь право, причем формальное, на легализацию агента. Не любоваться же Амуром посылали вы Сунгарийца? Он должен был пробиться в центр, а центр слишком далек от торговых дел, которыми занимался резидент.

Грузное тело Доихары качнулось, он словно бы отстранился, чтобы глянуть на Язева со стороны: так ли в самом деле наивен этот контрразведчик, не лукавит ли, не прикидывается ли простачком? Или действительно простак, не разбирается в самых элементарных вещах? Неужели на континенте так плохо

готовят кадры секретной службы? Ему стало как-то неловко за своего собеседника.

— Вы полагаете, что резидент должен быть лично знаком с командующим армией и даже участвовать вместе с ним в боях? — кольнул собеседника иронией Лоуренс-2. — Разведка знает резидентов, выступавших в качестве официантов, полоторов и даже содержателей публичных домов.

— Да, но знающих нравы и обычаи той среды, в которой вращаются, органически связанных с ней. Белогвардейский офицер, почти двадцать лет проведенный за границей, оторванный от родины, — это инородное тело на левом берегу.

Доихара подумал: «Пожалуй, он не так уж наивен, но все же примитивен. Мысль его шаблонна».

— Существует способность к ориентации, фантазия, дарование, если хотите, — сказал Доихара — он решил немного проświetить контрразведчика. — Этими качествами обладал Сунгариец... Между прочим, он был сапожник.

Следовало ахнуть, развести в удивлении руками, на крайний случай поднять брови. Ни того, ни другого Язев не сделал. Справка Доихары не поразила его, хотя, честно говоря, она прозвучала неожиданно.

— Стал сапожником? — заменил слово Язев и тем самым выявил суть. — Офицеры тоже хотят есть. Эмигрантов не держать на даровых хлебах даже в Париже, а о Харбине и говорить не приходится. Там довольно жестокие законы существования.

— Не мы их ввели, — пресек возможное обвинение в адрес японцев Доихара. Просто пресек, как это делается в официальных опровержениях. — Китайцы не обещали армии Семёнова райские сады на правом берегу Амура. Их нет там. Пустыня Гоби. — Доихара критически взглянул в прошлое, и оно показалось ему разумным, даже мудрым в какой-то степени. — Хорошо обеспеченный эмигрант быстро стачивает зубы на обильных ужинах. Известно ведь, что вечно голодный волк сохраняет клыки острыми.

Уже не китайскую, а собственную точку зрения высказывал Доихара. Это было кредо селекционера, который культивирует определенную породу. Выращивать ее начали еще задолго до него, он принял дело и создал идеальный по его представлениям человеческий материал для секретной службы: голодные, острозубые, готовое к прыжку существо.

— Сунгариец был голоден? — Язеву очень хотелось обнаружить изъян в этой хорошо скованной цепи логических умозаключений Лоуренса-2. И не только умозаключений. Существовала система, реально действующая система, и ни одно звено в ней не отказывало, не выпадало...

— Голоден... Не в обычном понимании, естественно. Сапожное дело приносило ему доход, приличный доход. Заказчиком Сунгарийца, как говорил мне Веспа, был даже Чжан Цзолин...

На этом имени Доихара вдруг споткнулся, неожиданно для себя и для Язева тоже. Больше — для Язева: майор в то мгновение никак не соединил фамилию диктатора с Лоуренсом-2. Это была только фамилия, знаменитая, конечно, но всего лишь фамилия, пример, подтверждавший особые успехи Сунгарийца в сапожном деле. И только. Но Доихаре почудилось, что соединение произошло. Он осекся и выдал себя и свои опасения. На какую-то долю секунды в глазах Язева мелькнуло недоумение. И тут же сработала память. Он поставил рядом Доихару и Чжан Цзолина. Лоуренс-2 убил маньчжурского диктатора! Убил, и это знали все.

Доихара заторопился:

— Веса тоже носил сапоги, сшитые Сунгарийцем...

— На фотографии он в них? — спросил Язев, не глядя на Лоуренса-2 и тем избавляя его от необходимости скрывать растерянность.

Доихара, кажется, попытался вспомнить страничку из «Секретного агента Японии», где изображен этот итальянец. Именно попытался. Ему вовсе не нужно было подтверждение чужой догадки, он ухватился за возможность сыграть роль занятого мыслью человека. Доихара широко распахнул глаза, тяжесть, всегда таившаяся в них, будто истаяла, открылась какая-то прозрачная глубина, бесцветная, ничего не говорившая, мертвая будто. Язеву показалось, что в пустоте трудно отыскать прошлое, и Доихара напрасно пытается это сделать. А Доихара не искал. Он играл в поиск. Ответ был готов еще в ту секунду, когда прозвучал вопрос. Лоуренс-2 отходил от глупой кочки, о которую споткнулся, назвав имя Чжан Цзолина.

— В них... Такие голенища кроил один Сунгариец. Особый силуэт. Бутылочный...

Подробность примечательная. Ее мог зафиксировать лишь требовательный к проявлению моды глаз. Был ли таким глаз Доихары? Существовала ли в самом разведчике потребность видеть причудливую линию, ощущать игру красок? Или здесь профессиональное умение примечать деталь, чувствовать конкретность, складывать из приметного, особенного образ и запечатлевать его? Что-то схожее с дарованием художника. Если так, то Доихара носил в себе портреты людей, чем-то поразивших его. Сунгариец должен был попасть в незримую папку с эскизами. Не слишком заурядная личность, надо полагать. Рядовому агенту такую роль не поручили бы. Сделав такой вывод, Язев решил тут же проверить способности Доихары.

— Жаль, что рядом на фотографии нет самого создателя этих сапог.

— Резиденты не фотографируются. А уж если нет возможности избежать этого, становятся спиной к объективу. — Доихара опять просвещал бедного майора.

— Жаль, — повторил с огорчением Язев.

В широко распахнутых глазах Доихары, рисовавших толь-

ко что поиски и еще не избавившихся от этой задачи, мелькнула тень беспокойства: не то искал он! Майору нужен портрет Сунгарийца — так надо понимать интерес к фотографии. Какой-нибудь портрет. В Хабаровске намерены искать резидента. Сигнал Доихары принят.

А портрета нет. Нет никакого портрета. Такой в сущности пустяк: картонка девять на двенадцать, шесть на девять, в конце концов. Сколько этих картонок прошло через руки Доихары и сколько лежало в сейфах и столах! Была, наверное, и та, с изображением Сунгарийца. Конечно, была. Дело резидента существовало: с фотографиями, анкетами, отпечатками пальцев, приметами. И возможно, где-то есть. В том же Харбине или Дайрене. Или здесь, в Токио. Хотя мало вероятно. Приказ от 15 августа требовал уничтожения всех документов. Секретных в первую очередь... «Предать огню! Под личную ответственность...»

Веки сами по себе опустились. Никакого поиска. Что блуждать в пустоте. Он не помнил лица резидента, ничего не помнил. И не потому, что устал мозг или время стерло образ, просто встреча с Сунгарийцем была слишком короткой, причем единственная встреча. Если бы Сунгариец отличался чем-либо особенным, какая-то черта редкая, приковывавшая глаз, была в его облике, Доихара, конечно, зафиксировал бы ее.

Веспа привез Сунгарийца, тогда еще не Сунгарийца, а казачьего подъяесаула, тачавшего сапоги для харбинских чиновников, на конспиративную квартиру. Где точно находилась эта квартира, Доихара не помнил: у сотрудников японской военной миссии было множество конспиративных квартир. Сеть расширялась, и места явок агентов буквально усеяли Харбин. В Фуцзяне, кажется. Старый китайский район с его узкими, слепыми переулками, бесчисленными харчевнями и опиумокурильнями хорошо оберегал тайну любой встречи.

В небольшой комнате с задернутыми занавесками при свете жалкой керосиновой лампы казачий офицер показался Доихаре очень высоким, голова едва не упиралась в потолок. Впрочем, потолки в китайских домиках низкие — поднятой рукой свободно достанешь камышовый настил. Просто подъяесаул был выше Доихары — вот в чем дело, а себя Лоуренс-2 считал высоким человеком.

Около окна стояли табуреты, и Доихара поспешно сел. Для «гостя» он подчеркнул этим свое начальствующее положение, а себя избавил от неприятной необходимости чувствовать разницу в росте... Унизительную в некотором смысле разницу. Сел и отвернулся. Стал смотреть на желтый язык пламени, что приплясывал в стеклянном пузыре лампы. Так Доихара делал при встрече с агентами: лицо собеседника его не интересовало. Да и существовало ли вообще лицо? Агент! Человек, который куплен.

Молодой, старый, красивый, некрасивый — какое это имело значение? Когда приобретали его, оценили качества, возможно, смотрели даже зубы, как у лошади на торгах. Все оказалось подходящим. Веспa не взял бы плохой товар. Этому итальянцу с китайским паспортом Лоуренс доверял. Опытный скупщик!

Теперь Доихара пожалел, что поручил вербовку Веспе. Как быгодились сейчас приметы Сунгарийца.

— Высокий... Он был высокого роста, — виновато произнес Лоуренс-2 и глянул на майора так, будто просил извинить за слишком скупое сообщение. «Вы должны учесть, — мысленно добавил он, — что в обязанности начальника военной миссии не входит вербовка резидента для Благовещенска. Я мог интересоваться лишь его деловыми качествами, легендой, с которой он пойдет на левый берег, наконец, произнести напутственную речь... Остальное — дело подчиненных». Высказав все это взглядом и убедившись, что Язев понял, Доихара несколько успокоился. В душе, однако, жила досада на себя, на всех. На того же амурского казака. Надо же было ему пройти мимо начальника миссии непримеченным!

Язев, кажется, вздохнул. В такую трудную для Доихары минуту высказал свое огорчение и тем столкнул Лоуренса-2 с его пьедестала, высокого, сооруженного усилиями стольких лет. Доихара почувствовал, что падает...

«Не поверили!» Он не подумал о майоре. Майор мог не поверить. Пусть! Не поверили там, в Хабаровске и в Москве. Руки стали влажными. Холодная испарина выступила на ладонях, и Доихара провел ими по сухой ткани брюк, стараясь избавиться от раздражающего ощущения влаги.

— Высокого... Я должен поработать. Должен вспомнить.

Предательская влага не оставляла его рук, они стали еще мокрее, и холодок сковал пальцы. Доихара принялся перебирать ими, постукивая по коленям, как по клавишам. Ему сделалось страшно. Страшно, как в минуту ареста, когда перед ним открылась чернота бездны. Вечная чернота. Защититься от нее нельзя. Можно оттянуть мгновение, и только. Все эти месяцы приходилось заглядывать в бездну. Вначале редко, сейчас — все чаще и чаще. Изменившийся ритм стал пугать его: как бы ощущение падения не стало постоянным. Другие, сидящие рядом в камере, пытались принять эту необходимость, приучить себя к неизбежному. Он не мог. Ужас охватывал его при одной лишь мысли о конце.

Ему говорили, что он самурай, слуга императора, наконец, просто японец, долг которого принять смерть как дар неба. Напоминали об уходе из этого мира военного министра Анами, добровольном уходе. Он слушал и молчал. Будто бы соглашался. Но в глазах был протест, боль была. Не принимал смерти Доихара. И они, сидящие рядом, видели это.

Боль заставляла его искать выход, торопила. Кажется, он нашел просвет в глухом кольце: тайна «Большого Корреспон-

дента». Широкий просвет, через него можно было вернуться в мир, тот прежний мир, который находился за стенами тюрьмы Сугамо и ежедневно заглядывал в решетчатые оконца арестантской машины.

Доихара уже шагнул в просвет. Так, во всяком случае, ему представилась встреча с советским контрразведчиком. И тут вдруг выход заслонил Сунгариец, этот сапожник в чине казачьего подъесаула. Заслонил своим бесформенным телом, да-да, бесформенным: не было в нем ничего определенного, ясного, запоминающегося. Безликое существо, тень какая-то. И как тень — нематериальна. Легенда, идея, мечта. Выдумка Доихары!

Вот чего он испугался.

Он встал грузный, измученный беседой. Последними минутами измученный, словно была проделана непосильная работа. Ей отдано все, даже вера в завтрашний день. А это ли не самое большое из того, что он имел и чем жил?

ПАУЗА, КОТОРАЯ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ НАЙТИ УТЕРЯННОЕ

Выдумка! Легенда!

Об этом тоже подумал Язев. В какую-то секунду, когда Лоуренс-2 растерянно смолк и стал искать в лабиринтах своей памяти приметы Сунгарийца, Язев испытал досаду: старый, опытный разведчик потерял то, что не имел права потерять. Не имел права. И если уж потерял, то не должен был идти сюда, на встречу с представителем советской контрразведки. Без примет, без фамилии, без каких-либо опознавательных деталей трудно, да и просто невозможно отыскать резидента. Располагая лишь общими сведениями о Большом Корреспонденте и Сунгарийце, в Благовещенске, Хабаровске и Москве не продвинутся ни на шаг. Условные обозначения, псевдонимы! А что за всем этим?

Пустота!

Доихара заполнить ее не в силах. Никто, видимо, не в силах восстановить прошлое.

Язев пытается.

Прежде всего начало.

Вот что история может предложить Язеву:

Документ 393

«26 июня с. г. на участке заставы Даурского погранотряда к пограничному знаку № 47 подъехали со стороны Маньчжурии две легковые машины, из которых вышло 6 чел., одетых в военную форму, 1 в штатском. Указанная группа пересекла границу, углубившись на территорию СССР на 500 метров...»

Документ 416

«22 декабря на советской территории, западнее г. Турий Рог, были задержаны два китайца шпиона, из которых один

оказался командиром отделения 15-го полка 3-й пехотной бригады Маньчжоу-го Хан Минфа, а другой — жителем пограничного маньчжурского пос. Оренбай.

Оба показали, что выполняли приказания японского офицера — разведать местность восточнее горы Пропась (на запад от Турьего Рога), а именно — состояние дорог, строительство казарм и расположение воинских частей. По делу производится строгое расследование».

Правда, 25 декабря 1934 г.

Документ 418

«27 декабря с. г. в 13 ч 40 мин японский самолет типа разведчик на высоте 600 м перелетел границу у отметки 450 (6 км южнее заставы Сиянхе, участок Градековского погранотряда). Взяв курс на северо-восток, самолет углубился на 12 км советской территории и, достигнув отметки 284, повернул на северо-запад. Самолет пересек границу в районе истока реки Большой Ключ и скрылся на территории Маньчжурии...»

Язев расставил факты в нужной ему последовательности, связал с тем пунктом, где впоследствии оказался Сунгариец и где он акклиматизировался. Сочетания не получалось. Если даже кто-то из военных 26 июня застрял на нашей территории, то, находясь под наблюдением, не смог бы далеко уйти. Притом все военные были японцами.

По той же причине не представляло интереса и сообщение «Правды» о двух шпионах. Допустим, было не двое, а трое лазутчиков, один не попал в поле зрения пограничного поста и скрылся на нашей территории. Задержанные рано или поздно сообщили бы о нем. А такого сообщения не последовало. Отпадал и третий факт. Самолет мог, безусловно, сбросить парашютиста. Но в зоне, примыкающей к границе, небо хорошо просматривается, да и высота в 600 метров малоприспособна для выброски. К тому же за нарушителем следили и с заставы и с автомашины, которая шла по курсу самолета. Участок был тщательно прочесан.

Но вот четвертый документ заставил Язева призадуматься.

Документ 548

«С июня-июля чрезвычайно усилилась деятельность белоэмигрантов-фашистов в закордоне; создавались новые белобандитские формирования; под руководством и по заданию японских военных миссий белобандиты стали подбрасываться к границе; участились случаи их переброски на нашу территорию с диверсионными, разведывательными целями, в том числе крупной банды (Маслакова)...

Начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности 1-го ранга Дерибас».

Не был ли Сунгариец причастен к белоэмигрантской фашистской организации в Маньчжурии, которая поставляла штабу Квантунской армии живой материал? Организация-то ведь поддерживалась и финансировалась японскими военными миссиями.

Лихорадочная работа мысли. Попытка сцепления фактов. Доихара не говорил о причастности Сунгарийца к фашистской партии, но он вообще не упоминал о политических симпатиях или антипатиях своего резидента. Он их просто не знал. Логически же Сунгариец мог оказаться среди харбинских нацистов, это естественно для казачьего подьесаула, заброшенного событиями в Маньчжурию и вынужденного служить японцам. Беляки-фашисты тоже служили оккупантам и тоже выполняли секретные задания второго отдела генштаба. Значит, связь логична. Сцепление возможно.

Особенно заинтересовал Язева пятый документ. Он не только подкреплял его предположения, но и открывал путь для разработки целой версии. Кажется, теперь становилась ясной картина появления Сунгарийца на левом берегу. Кто-то нарисовал ее беспристрастными четкими линиями.

«Формирование банды началось... в Харбине и проводилось фашистами под руководством Харбинской военной миссии. Глава РФП Радзаевский через своих начальников отделов и районов приступил к вербовке отдельных фашистов в Хайларе и на ст. Яблоня КВЖД из числа охранников лесной концессии.

В июне формирование банды было закончено. Завербованные 35 чел. съехались в Харбин, где были размещены в двух общежитиях. Содержалась банда строго конспиративно.

В первых числах августа подготовка банды была закончена, и вечером 5 августа все бандиты были собраны в доме майора японской военной миссии Онаучи, куда явился Радзаевский с несколькими фашистами. Онаучи и главарь банды произвели переключку. Радзаевский произнес напутственную речь. После этого банда была посажена на грузовые автомашины и отправлена на ст. Санкашу Лафа-Харбинской железной дороги. Здесь бандиты были пересажены в товарные вагоны, которые были затем закрыты и запломбированы. Со станции поезд с бандой убыл в направлении Сахалина (на границе против нашего Благовещенска).

В ночь на 8 августа на перегоне Боганцзы — Сахалин банду высадили из вагонов в степи и направили походным порядком к берегу Амура, куда она прибыла к 24 ч 8 августа и была принята на борт японо-маньчжурской канонерской лодки. Бандитов поместили в трюм, запретив выходить на палубу. Утром 9 августа канонерская лодка в сопровождении двух японских бронекатеров двинулась вверх по Амуру.

...В целях конспирации и для связи с закордоном на случай, если кто-либо из бандитов останется на территории СССР, каждому бандиту были присвоены кличка и личный (порядковый) номер. Здесь же банда получила оружие, снаряжение и обмундирование. После этого банду с канонерской лодки пересадили на бронекатера и доставили в г. Мохэ, где на один из катеров сел начальник японской военной миссии, находящейся в этом городе. В 16 ч 23 августа катера направились далее вверх по Амуру и в 23 ч того же числа подошли к советскому берегу в районе устья реки Амазар, где банда и была высажена на наш берег. От Харбина и до места высадки на нашу территорию ее сопровождали японцы: Судзуки, Ямада, Накаси́ма и фашист Носов.

Банде Харбинской военной миссией и главой РФП Радзевским были поставлены следующие задачи: выйти на железнодорожную линию и организовать крушения нескольких поездов с целью добыть документы для бандитов, получивших задание осесть в СССР; часть документов должны были отправить в Харбин; разрушить телеграфную и телефонную связь на линии железной дороги; фотографировать железнодорожные и оборонные объекты.

Кроме того, часть участников банды получили особые задания, должны были осесть на территории СССР с целью насаждения фашистских ячеек, организации вредительства, диверсий и для совершения террористических актов в отношении членов правительства и руководителей партии. Получившие особые задания были вооружены лучшими револьверами, им рекомендовалось вначале попасть в центральные районы СССР, ассимилироваться в советских условиях, а затем уже осесть в определенных местах...»

Кажется, это начало. Среди намеченных к оседанию в Хабаровском крае мог быть и амурский казак по кличке Сунгариец, тот самый подъесаул, что поразил Донхару своим ростом. Язев живо представил себе идущих по тайге беляков и среди них высокого статного подъесаула, одетого в суконную куртку, подбитую мехом: был сентябрь, а в Приамурье в это время уже прохладно, дуют северные ветры. Идут не тропой хоженной — как бы тонка ни была, пусть в нитку, берегись ее. Там, где прошел человек раз, пройдет и второй, и именно сейчас, когда беляки оседлали стезю. Глухоманью пробираются, стайкой, чтобы рассыпать след, не протоптать одну стезю. Семьдесят ног — шаг в шаг — легко выбьют траву, какая бы густая да высокая ни была. А потом по голой земле, по вмятинам кому надо пересчитает банду и отыщет без труда. Для собак так это просто указка — беги по тропе, как на привязи, не даст она сбиться, свернуть в сторону.

Давненько не хаживал по тайге подьесаул, с самого детства, небось тяжело воевать с разлапистыми елями: лезут колкими ветвями прямо в лицо, хлещут по рукам. Еще тяжелее одолевать бурелом: пока не раскидаешь сушь, не пропустит. Руки в ссадинах, смола жжет кожу, тело ноет от усталости. Передохнуть бы, да нельзя. Каждый час рассчитан. Продовольствия — в обрез. Кончится — околеешь. Тайга не накормит. Тут опытный охотник и тот не надеется на поживу, берет с собой что надо...

Нет, это не умозаключение Язева. Документ рассказывал о голоде, который настиг банду на девятый день похода. Слишком отклонились диверсанты от прямых дорог, слишком вытянули тропу. Завела она их в безлюдье. А безлюдье — это все равно что пустыня. Восемь человек отказались идти дальше — немоготу. Пока еще есть силы, лучше вернуться назад. С ними, малодушными, Сунгарийца не было. Ему нельзя было возвращаться, не для того перебрался на левый берег. И он шел, усталый, голодный, через тайгу, мучаясь, проклиная все на свете и в том числе Доихару, пославшего его на гибель.

Здесь уже предположение Язева. Подьесаул мучился, конечно, испытывал, как и все, голод, с ног валился от усталости, но проклинать ему было некого. Сам выбрал тропу, по которой шел сейчас. Ни Веспы, ни Доихары не понуждали его к жертве. Да и можно ли принудить человека жить и работать за кордоном? Там страх бессилён, рука карающая не дотянется до отступника. Только интерес, только высокое вознаграждение способны удержать от нарушения клятвы. И еще долг. Ненависть, наконец. Все беляки жили надеждой на расплату с Советами за потерянное. Ненависть могла вести на левый берег и подьесаула.

И это — предположение. Одни предположения. Язев блуждал среди расставленных им же самим вешек, не зная, на какую ориентироваться. Чувство мести вряд ли руководило Сунгарийцем при решении вопроса о будущем. В Маньчжурию он попал почти мальчишкой, не способным оценивать события, происходившие на левом берегу. Не воевал. Чин достался ему от отца, по наследству вроде. Символический, так сказать, подьесаул. Да и все символическое. Ненависть отпадает.

Остается заинтересованность в высоком вознаграждении. Ради этого Сунгариец мог терпеть лишения.

Язеву пришла мысль: почему, собственно, Сунгариец должен терпеть лишения? Почему необходимо делить тяготы, павшие на банду, совершать преступления ради куска хлеба. Ему не надо было убивать стрелочника станции Амазар Верхотурова, грабить рабочих прииска Калтагай и жителей поселка на перегоне разъезд Потайка — разъезд Колокольный, ютиться в шалашах зимовья вблизи устья реки Ушман и потом отстреливаться от настигавшего банду отряда лейтенанта Галатина, спасать себя и своих дружков, ползти раненому по мокрой от

дождя земле. Умирать. Да, умирать. Почти все диверсанты нашли свой конец на левом, чужом берегу. Не надо было.

Банда рассеялась, как только почувствовала опасность. Сунгариец мог оказаться в числе тех, кто таинственно исчез где-то между Сахалином и устьем реки Амазар. Или еще где-то. Ведь группа при перекличке состояла из тридцати пяти человек, а 29 августа, в момент разделения, в ней оставалось всего тридцать два диверсанта: двадцать четыре плюс восемь. Вот где Сунгариец! Он и не блукал по тайге. Он шел своей дорогой, известной ему одному, и добрался до нужного пункта. На худой конец мог оторваться от группы при первом столкновении с пограничниками. Рассыпались диверсанты, каждый по собственному разумению решал задачу — как спастись. Решил ее и Сунгариец.

Решил! Если существовал вообще Сунгариец, резидент японской секретной службы...

ДЕЛО ВТОРОЕ

НЕОЖИДАННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

ПАССАЖИР С ГРУЗОВОГО КАТЕРА

— Осенью 193... года, не то в октябре, не то в начале ноября, во всяком случае, было холодно, мы с полковником Янагитой отправились в порт, надев плащи с теплой подкладкой. Кажется, шел дождь, мелкий, почти невидимый, обычный в Примурье. Янагита сказал, что в такую погоду удобно приземляться на берегу. Он не имел в виду самолет. Разговор шел о речном причале. Со стороны Благовещенска должен был подойти грузовой катер и высадить нужного нам человека.

Я не знал, что это за человек и почему он едет не на пассажирском, а на грузовом катере, но поскольку его появление определялось конспирацией, такой способ переправы казался вполне естественным.

Янагита был целиком занят предстоящей встречей. Втянув голову в высоко поднятый воротник плаща, он шагал размеренно по мокрому тротуару и сосредоточенно думал. Не о том, надо полагать, как вечером, в шесть тридцать по токийскому времени (мы всегда улавливались так со своими людьми — местное время игнорировалось), в международном отеле он будет разговаривать с «гостем» с левого берега. Встречи с агентами — я не сомневался — случались не раз, к ним давно привык Янагита. Его беспокоило другое — появление «гостя» на берегу. Полковник был уверен, что город наводнен русскими разведчиками и они обязательно зафиксируют визит нужного нам человека. Возможно, Янагита был прав. Без причины

к нему не приходила тревога, а в это утро он проявлял нервозность и как-то подозрительно ко всему присматривался. Даже дорогу к причалам выбрал необычную — через военную площадь, где проходили муштровку маньчжурские солдаты. Это был крюк, и довольно большой, но он давал нам возможность войти в порт с тыла и застать врасплох наблюдателей.

На берегу мы оказались минут за двадцать до подхода катера. Амур был по всему плесу затянут серой пеленой дождя, и противоположный берег, хорошо просматривавшийся в ясную погоду, теперь исчез. Не был виден и катер, наверняка уже отошедший от Благовещенска. Глухо звучали басовитые сирены судов, вспыхивали прожектора пограничных дозоров.

У причала мы никого не встретили. Здесь были только грузики-китайцы и таможенные чиновники. Полковник сказал:

— Это хорошо. Грузовой катер не возбудит любопытства, а если кто-то и решит следить, ему неловко будет появиться тут среди портовой obsługi.

Мы прошли мимо причала и остановились у скверика, рядом со штабом Маньчжурского гарнизона.

Катер vyplыл из тумана, когда до берега осталось каких-нибудь сорок—пятьдесят метров. Он сигнализировал без конца, предупреждая о своем движении, и смолк лишь у самого причала. От катера приняли канаты, и его легко пришвартовали на спокойной воде — ветра не было, и волна почти не приплескивала. Это был советский катер — не помню, как он назывался, но по всему борту светлела надпись на русском языке, да и флаг на корме был красный.

Мы следили не столько за катером, сколько за берегом. Полковнику надо было точно установить, кто встречает грузовое судно. Я помогал ему, оглядывая подходы со стороны складов. Сам же он контролировал мост, соединяющий берег с улицей Ван-Юан-лу, точнее, с городом. Ничего подозрительного мы не обнаружили. К катеру приблизились лишь трое таможенников и поднялись на борт.

Янагита пояснил:

— С этой стороны, кажется, все в порядке. Не было бы только «хвоста» на самом катере.

Таможенники управились довольно быстро. Через полчаса примерно они покинули судно и следом за ними сошел на берег человек, которого мы ждали. Я видел его впервые и потому не мог определить, он ли это, но по выражению лица и какому-то настороженному взгляду Янагиты догадался: именно он. Еще в отеле полковник предупредил: «Будьте внимательны. Возможно, вам придется встретиться с ним еще раз без меня. Особых примет у «гостя» нет, фиксируйте облик!»

Примет особых действительно не было. «Гость» ничем не отличался от известных мне по Харбину и Дайрену русских эмигрантов. Позже, правда, я заметил кое-что, но в то утро это кое-что отсутствовало. Сразу взгляд отметил только одно —

стройность и высокий рост «гостя». Стройность подчеркивалась темным пальто, перехваченным, как тогда было модно, поясом с большой пряжкой. Поднятый воротник закрывал затылок до самого кепи, надвинутого на лоб, но не слишком, а в меру, как это делают при дожде, скрывая чуточку глаза и вместе с тем не заслоняя дали. Ни чемодана, ни портфеля у «гостя» не было, в левой руке он держал кожаные перчатки, небрежно снятые только что: на берегу ему показалось не так-то холодно. А возможно, это был условный жест. Для Янагиты. Лично я не был предупрежден о деталях. Паролем мне показалась и папираса, раскуренная тут же. «Гость», прежде чем закурить, смял одну и бросил в урну. Это что-то означало. Опять-таки для Янагиты. Я был непосвященным.

Пока «гость» занимался папирсой и зажигалкой, я фиксировал его облик. Нас отделяли каких-нибудь пятьдесят метров. Прежде всего я установил, что «гость» блондин. Неяркий. Волосы почти пепельные, усы и борода — тоже. Борода не клинышком, а овальная, повторяющая линии строгого, чуть крупноватого подбородка. Лицо из-за этой бородки казалось удлиненным, да и на самом деле было вытянуто. Острый нос, некрупный, без горбинки, но и не вдавленный, а ровный, соединенный одной линией со лбом, делал профиль «гостя» четким. И был этот профиль характерным для амурских казаков. Во всяком случае, мне часто приходилось видеть такие лица. В нашей миссии работал переводчик, похожий на «гостя» с левого берега, только тот был шатен и не носил бородки. Для запоминания общая характеристика ничего не давала. Необходима была особенность сочетания линий. Даже одинаковые черты комбинируются на лице по-разному. Я принялся искать это своеобразие. Расстояние между нами сокращалось: «гость» шел к мосту, который начинался как раз у сквера, где мы стояли, но все же несколько десятков метров — интервал слишком большой для изучения внешности человека. К тому же условия для «поиска» были малоподходящими: пасмурная погода, кратковременность встречи. Я растерянно глянул на полковника: что делать? Он понял меня и направился по аллее сквера к каналу.

Нас отделяла от дороги цепь деревьев, уже облетевших, и живая изгородь — какие-то чахлые кустики, посаженные как попало. Символическая ширма. При желании ее можно было считать глухим забором. Так и сделал Янагита. Он смело шагнул по аллее, предполагая, что нас со стороны дороги никто не видит, и тем более пассажир с грузового катера. Я следовал его примеру. Что еще оставалось мне делать в присутствии начальника? В конце концов ему лучше знать, видят нас или нет. Возможно, отсутствие маскировки его вовсе не беспокоило. Позже я убедился, что предположение мое не было ошибочным.

Мы проследовали по аллее до того места, где сквер оканчивается, и вышли на дорогу перед мостом. Здесь же оказался

и пассажир катера. Он двигался нам навстречу под углом градусов в шестьдесят. Через минуту мы должны были встретиться и вместе взойти на мост. Свернуть некуда: слева и справа — канал, сзади — порт. Возвращаться никто не собирался, да и зачем.

Янагита делал вид, что увлечен разговором со мной и вовсе не интересуется каким-то прохожим. Получалось это у полковника довольно плохо. Он вообще не умел играть роль. Как и другим руководителям секретной службы, ему не приходилось самому проводить операции. Практическую разведывательную работу проводили мы — рядовые сотрудники. Янагита ограничивался указаниями. И когда вдруг обстановка требовала личного участия шефа в осуществлении акции, он проявлял полную беспомощность и вел себя как последний дилетант. Вот и сейчас попытка изобразить делового человека, решающего на улице какие-то вопросы со своим спутником, выглядела как сцена из плохо срепетированного спектакля. Вовлеченный в игру, я изо всех сил старался поддерживать партнера: кивал, разводил руками, улыбался...

Так бездарными актерами мы и предстали перед «гостем» с левого берега и дали возможность ему посмеяться над нами. Правда, внешне он не выразил ничего, что могло быть истолковано как осуждение, но в глазах его я заметил издевку. Черт возьми, он был насмешником, этот человек с бородкой!

Вот она деталь, нужная мне. Характер всегда проявляется в чем-то. В ту минуту настроение «гостя» запечатлелось в выражении глаз. Особый прищур. Полусмеженные веки создавали сумеречность какую-то, и в этой сумеречности становились приметными веселые, насмешливые огоньки. Возможно, они всегда там горели, но лишь в полумраке становились видимыми.

Я увидел их. Не знаю, коснулся ли свет полковника, почувствовал ли он насмешку прохожего. Вряд ли. Увлеченный своей ролью, старательно трудясь над решением непосильной для него задачи, Янагита не смотрел на пассажира с катера. Да и не надо было ему смотреть. Это возлагалось на меня.

Минута, отведенная на знакомство с прохожим, была израсходована полностью. Даже не минута, а какие-то секунды «Гость» находился против меня всего лишь мгновение, и взгляды наши встретились один раз. Большого мне не надо было. И большего не позволило время.

«Гость» свернул на мост и направился по улице Ван-Юан-лу к зимней таможне. Мы пошли следом, держась от «гостя» на некотором расстоянии. Впрочем, надобности в таком сопровождении не было: мы установили, что «гость» с левого берега прибыл один и один продолжает путешествовать по правому берегу. «Фотографию» я получил. Полковник подал знак, и за мостом мы свернули налево, к штабу пограничного поста. Янагита продолжал что-то говорить — роль словоохотливого дельца пришлось ему по вкусу, и он уже не хотел с ней расстаться.

Лишь за штабом, на улице Да-Син-цзе, наступила наконец пауза, и полковник посмотрел на меня не как на компаньона по коммерции, а как на своего подчиненного.

— Запомнили? — спросил он.

— Так точно! — кивнул я.

— Понравился вам Сунгариец?

Впервые прозвучало имя «гостя», вернее, кличка. Мне следовало удивиться. Во-первых, Янагита не имел привычки по-связать в свои деловые секреты рядовых сотрудников, во-вторых, откровению не предшествовали никакие объяснения. Я выполнял скромную обязанность спутника Янагиты, сопровождал его, как сопровождает слуга своего господина. Но удивления своего я не выдал. Сделал вид, что знаю, о ком идет речь, и вопрос меня не озадачил. Задуматься действительно заставил. Нравится ли мне этот Сунгариец? С какой точки зрения? Как человек? Агент? Чей агент? Абстрактной позиции не могло быть, да и к чему она — мы разведчики.

Он все-таки агент. И наш агент, иначе ни о какой встрече в шесть тридцать не могло быть и речи. Следовательно, впечатление о пассажире с катера — это впечатление о тайном сотруднике японской военной миссии.

С такой позиции я и взглянул на него. Сунгариец мне не понравился. Не могу сразу объяснить, почему именно не понравился. Хорошо сложенный, красивый человек, наверное, красивый, если черты его лица правильные. Держится с достоинством. Весь короткий путь от причала до моста проделал удивительно просто, естественно, как если бы шел не по чужому, а по своему берегу, и шел не в первый раз. Допускаю, что подобные прогулки он уже совершал и достаточно хорошо знал город. Даже в этом случае поведение его было подкупающе безукоризненным. «Гость» чувствовал себя хозяином. Как это лучше объяснить? Хозяином не того места, по которому ступал, а хозяином положения. Не приспособливался, пусть умело, даже талантливо к ситуации, а творил ее. Мы же с Янагитой были в ней чужими. Гостями, актерами на гастролях.

Но не потому мне не понравился Сунгариец, что жил в своей роли лучше нас — это меня как раз восхитило. Не понравился взгляд его. Красноречивый взгляд. Сунгариец, так я полагаю, все понимал, верно оценивал, разгадывал суть. И насмехался над тем, что раскрывалось перед ним. Люди подобного склада не способны внутренне подчиняться тем, кому служат. Они всегда независимы и всегда ненадежны. Лично я не принял бы такого человека под свое начало. Он видит лучше меня, легко понимает то, что я лишь пытаюсь понять. Самое главное, читает мои мысли. Психолог. Отличный психолог.

Я не сказал всего этого полковнику. Не посмел. Янагита мог обидеться. Он задал вопрос, желая услышать похвалу. Я же собирался преподнести огорчение. Да и было ли мое

мнение объективным? Минутной встречи мало для вынесения приговора человеку.

Еще одно соображение останавливало меня. Я не знал, на кого работает Сунгариец, вернее, против кого. Если против нас, он опасен, если против врагов — незаменим. Наверное, он работал против врагов. Это главное...

Я сказал:

— Интересный человек.

Янагита поправил свои круглые, в золотой оправе, очки — он так делал, испытывая волнение:

— Находка.

Высокая похвала. Не всякий наш агент удостоивался такой оценки. Мне подумалось, что это находка самого полковника. Потом узнал: Сунгарийца добыл Доихара Кендзи. Странно, почему Янагита, тщеславный и эгоистичный человек, превозносил чужие заслуги. Значит, «гость» слишком дорого стоил. Прикосновение к нему обогащало.

Теперь уже я не способен был высказать свое мнение о «госте», если бы меня к этому даже принудили. Сунгариец принадлежал второму отделу генштаба.

Дождь не прекращался. Как часовой механизм, небо посылало на Сахалин ровные порции влаги — ни больше ни меньше. Час, два, сутки, неделю могла продолжаться эта процедура, пока все вокруг не намокало, не превращалось в желтый кисель. И сам город становился желтым...

ВСТРЕЧА В ДАЛЕКОМ ЮЖНОМ ГОРОДЕ

Это окончание, вернее, продолжение рассказа капитана японской секретной службы.

Начало было другим. Неожиданным и для Язева и для нас.

Министерству внутренних дел в Ташкенте доставили пакет с заявлением военнопленного Сигэки Мори. Он сообщал, что среди военнопленных японцев находятся два сотрудника Харбинской военной миссии, занимавшихся разведывательной работой против СССР, и что они продолжают оставаться сотрудниками миссии, точнее, секретной службы Японии, хотя и миссия и служба юридически не существуют. Поскольку эти бывшие сотрудники предложили Сигэки продолжить работу, начатую в Харбине и Дайрене, иначе говоря, считать себя, как прежде, секретным агентом, он ставит об этом в известность советскую контрразведку.

«Я сложил оружие 20 августа 1945 года, война с Советским Союзом кончена, — писал Сигэки. — Если говорить откровенно, демобилизовался я раньше и не желаю снова брать в руки оружие, пусть даже тайное».

Спустя три дня Сигэки Мори сидел в кабинете подполковника Н. и рассказывал:

— Никакого поручения генерал-лейтенант Янагита мне не давал. Не помню, чтобы давалось оно другим офицерам перед тем, как покинуть штаб Дайренского военного округа.

— Возможно, Янагита беседовал с офицерами разведки без свидетелей?

— На эту тему вряд ли. Офицеры секретной службы находились в распоряжении второго отдела штаба Квантунской армии или военной миссии, а штаб уже не существовал, как не существовала и сама Квантунская армия.

— Указание могло исходить от генштаба Японии. Как вы считаете, такой вариант допустим?

— Допустим. Однако из Токио никогда не поступали приказы, адресованные непосредственно рядовым офицерам. Все-таки должен быть посредник — начальник миссии или руководитель одного из отделений штаба, ведь дело шло о новой разведывательной акции после объявления капитуляции. Насколько мне известно, такого плана в генштабе не было. Квантунская армия — армия наступления. Это ядро, вокруг которого объединялись остальные силы, способные подчинить себе весь Дальний Восток. Мне часто приходилось читать предписания органам разведки на случай войны, и ни разу я не сталкивался с пунктом, предусматривавшим наши действия в случае поражения и тем более капитуляции. Этот термин я услышал только 17 августа. Он показался мне нелепым, не соединяющимся с Японией, искусственно привязанным к ней. И, возможно, потому невоспринимаемым чувствами. Нам все время говорили о превосходстве нашего оружия, о той высокой миссии, которую мы несли на континенте. Это была не догма — я офицер, поймите, и способен здраво оценивать события и идеи. Мы действительно переделывали мир на свой лад. Нравится или не нравится людям такая переделка — никто не интересовался, в том числе и я. Лишь позже ко мне пришла мысль о каком-то заблуждении... Ну, я отвлекся. Плана секретной работы в тылу противника после выхода Японии из войны не было...

— Предполагаете или знаете точно?

— Предполагаю... Хотя все сказанное мною доказывает отсутствие такого плана.

— Следовательно, двое сотрудников военной миссии, оказавшись в советском тылу, очень глубоко — Фергана находится от Токио на расстоянии более девяти тысяч километров, — по собственной инициативе начали разведывательную работу в интересах секретной службы Японии?

— Именно так.

— По инерции?

— Да.

— Немного наивно, не правда ли?

Пауза. Долгая пауза...

— Пожалуй, наивно.

— Вам, конечно, известно, что немецкая разведывательная служба еще задолго до окончания войны законсервировала свою агентуру в других странах. А Германия, между прочим, тоже не собиралась капитулировать. Помните хвастливые слова Гитлера: «Куда ступила нога немецкого солдата, оттуда он уже не уйдет!» И в это время Шелленберг подписывал секретнейшие приказы о консервации разведывательных точек за рубежом, особенно на оккупированной территории. Эти приказы с перечнем адресов, фамилий, кличек, паролей упрятали так глубоко, что и сейчас их нелегко отыскать. За копиями списков охотится разведка и контрразведка всех государств мира. Как видите, обширная программа побед не исключает лаконичного пункта о возможном поражении и сохранении сил для реванша. Пример гитлеровской секретной службы не уникален, надо полагать. Он, пожалуй, даже типичен. Как вы находите?

Снова пауза...

— Во многом мы подражали немецкой разведке, это верно, даже переняли в свое время систему Вильгельма Штибера, но это лишь истоки. Секретная служба Японии шла своим путем, воспитала чисто японский тип разведчика.

— Суперразведчика?

— Я бы назвал иначе — фанатичного разведчика.

— В этом его сила?

— И сила и слабость... Иногда он становится слепым.

Внимательный, очень внимательный взгляд подполковника. Профессиональный интерес вначале, а потом просто человеческий. Удивительная личность этот Сигэки Мори. Впрочем, настоящий разведчик всегда удивителен. А Сигэки — разведчик, мыслящий критически.

— Предположение, которое я высказал, не противоречит характеристике японского разведчика, данной вами, господин Сигэки, напротив, пожалуй, подкрепляет его. Поражение в открытой войне не всегда является поражением в войне тайной. Солдат складывает оружие, разведчик сохраняет его.

— Если считать, что тот и другой получают соответствующий приказ. Я, господин подполковник, такого приказа не получал. Иначе не оказался бы в вашем кабинете...

— В отношении вас у меня нет никаких подозрений. Они исключены всем ходом событий. Но другие сотрудники секретной службы могли получить такой приказ. Янагита беседовал с каждым в отдельности, так ведь?

— Допускаю... Со мной он говорил в штабе гарнизона.

— Был кто-то третий?

— Нет...

— Янагита не советовал вам, как другим, смешаться с солдатами гарнизона и сдать в плен?

— Я сам просил его об этом.

— Вам отказали?

— Отказали... Янагита требовал, чтобы я скрылся, пользуясь обстановкой, царившей в Дайрене.

— Где скрыться?

— За пределами Маньчжурии.

— В Японии?

— Родной дом для меня был закрыт тем же Янагитой. «Если уничтожены все секретные документы, — говорил он, — не должны остаться и люди, их готовившие и тем более писавшие. Врагу нельзя знать нашу тайну — так он мне сказал. — Пусть пройдет время всеобщего любопытства. Когда нас забудут, мы вернемся».

— Какой же адрес предлагал вам Янагита?

— Первый раз, 15 августа, он назвал Южный Китай, портовые города. «Оттуда легче, — рассуждал он, — перебраться в Гонконг или Сингапур». Во время второй беседы была названа Формоза.

— Тайвань?

— Да... Лицо мое не слишком типично для японца, это сыграло определенную роль в моей специализации как разведчика. Я предназначался для заброски на левый берег Амура, в корейские районы.

— Вы знаете корейский язык?

— Достаточно, хотя главным для меня был русский, ему я отдал пять лет, занимаясь в институте иностранных языков. Практику проходил в Харбине, у эмигрантов.

— Переброска не состоялась?

— Янагита не отпустил меня. Слишком удачливыми для нас обоих оказались первые годы работы в Маньчжурии. Лишь однажды мне довелось побывать в Хабаровске в качестве дипкурьера японского консульства. Больше на левый берег я не попадал.

— Не посылали?

— И не посылали, и сам не проявлял желания оказаться в неудобной для меня обстановке. Понял, что не смогу акклиматизироваться...

— Но вы же готовились к этому?

— Долго готовился. На границе весь настрой пропал. Как объяснить вам? Россия была та же, что в лекциях и на фотографиях, и в то же время не та. Уверенности в собственных силах я не ощутил... Это удивительно. Благовещенск по описаниям знал лучше, чем Сахалин и Харбин, даже лучше, чем Токио, где родился. Меня нельзя было смутить вопросом: где такая-то улица или такое-то учреждение? По Хабаровску я мог пройти с завязанными глазами. Но лишь только ступил на берег — Благовещенск расположен на Амуре против Сахалина, — как все мои познания вроде бы улетучились. Заблудиться я не мог, разоблачить себя — тоже, способен был осесть в том же Благовещенске или Хабаровске и выполнить задание нашего Центра.

Однако именно на левом берегу передо мной ясно вырисовался конец моего пути, и конец скорый...

Интерес к Сигэки Мори усилился. Не одна лишь склонность японского разведчика критически осмысливать события занимала теперь подполковника, внутренний анализ перемен, происшедших во взглядах Сигэки, проделанный им самим с такой беспощадной объективностью, был примечателен. Сигэки пытался понять самого себя. И хотя этот процесс начался, надо полагать, еще до встречи с работниками советской контрразведки, наибольшей активности он достиг теперь. Так казалось подполковнику, и так, вероятно, было на самом деле. Желание быть понятым заставило Сигэки соединять самое доступное и простое со сложным и отвлеченным.

— Я не видел своего противника, вернее, видел, но он был совсем не таким, каким нарисовали мне его в Токио и Харбине и какого я сам представил себе, находясь на правом берегу. Если изобразить все это наглядно, то моя предварительная работа напоминала игру в разборный домик. Мой противник был разобран на детали, рассмотрен, прошупан, детали были пронумерованы мысленно и получили свое наименование. Затем я их собрал по схеме. Вышел домик, то есть мой противник. Так повторилось несколько раз, пока руки и глаза не научились производить операцию автоматически. Я знал его характер, привычки, наклонности, вкусы, мог угадать, как он поведет себя в том или ином случае, как будет реагировать на мои поступки, как оценит их. Вооруженность моя была универсальной.

И она мне не понадобилась. Ну как если бы я вовсе явился безоружным, с пустыми руками, что ли. Мы изучали условного русского человека, а он оказался конкретным. Он был связан с датой своего рождения и существования, дышал воздухом совсем другого мира, чужого и непонятного мне. Иначе говоря, я не знал этого человека, я не мог сложить тот самый домик, детали которого были в моих руках. Получался, в общем-то, совсем не тот домик. Или совсем ничего не получалось. Я растерялся...

— Вы поделились с Янагитой своими мыслями?

В третий раз пауза...

— Можно считать, что поделился, хотя мысль моя была несколько иной, чем сейчас. Я сказал ему, что не готов к акклиматизации на левом берегу. Я солгал... Уже тогда мне было ясно, что готовности никогда не будет. Надо родиться там, надо жить в мире своего противника...

— Но вы же разведчик по профессии, по призванию, наконец. К чужой обстановке приспособляются.

— Должно быть, я плохой разведчик.

Это не было признание собственной безнадежности. Так, исходная точка для размышлений о пределах человеческих возможностей. Поэтому подполковник не откликнулся на слова Сигэки.

— Вы остались в Харбине?

— Меня оставил Янагита: вначале во втором отделе штаба Квантунской армии, потом в Харбинской военной миссии. Он считал меня специалистом по русским вопросам...

— А ваше мнение?

— Янагита ошибался... Россию я знаю, но не как разведчик. Бывает другая степень определения. Ее иногда именуют любопытством, иногда — симпатией. Более точным, мне кажется, удивление. Это не профессиональное отношение к объекту, в котором тебе надо работать...

— Янагита не разделял вашей точки зрения?

— Нет, конечно.

— Осуждал ее?

— Открыто — никогда. Но оно существовало, это осуждение, и скрывалось как возможная мера воздействия при критической ситуации.

— Критическая ситуация наступила?

— 15 августа.

— Когда решался вопрос о выезде из Маньчжурии?

— Бегстве... Мы должны были тайно покинуть Дайрен. Я уже говорил об этом. Янагита не хотел оставлять меня в городе. Причин особых для этого не было — я имею в виду обычные причины. Я догадался: он не доверял мне. Слишком долго нам пришлось быть вместе. Дважды напоминал о поездке в Сахалин, пытался выяснить, помню ли я о резиденте из Благовещенска. Первый раз подошел к этому издали и ничего не добился. Интерес Янагиты к прошлому был настолько неожиданным, что озадачил меня, и я из тактических соображений прикинулся забывчивым. Мне надо было узнать, что беспокоит шефа. Но лишь наивный человек мог надеяться на откровенность Янагиты — он не раскрывался ни при каких обстоятельствах. Это был сам Янагита, со своей вечной тайной. Я оказался перед закрытой дверью.

Второй раз генерал-лейтенант совершил открытое нападение. Он сказал: «Сигэки-сан, мне известна ваша феноменальная память, потрудитесь напрячь ее!» Ему зачем-то нужен был резидент или, вернее, моя мысленная фотография «гостя» с левого берега. Инстинктивно я замкнулся. Жестокий огонек в глазах Янагиты напугал меня. Это был знакомый огонек. «Ты ничего не знаешь, — стал я убеждать себя, — абсолютно ничего!» Но как высказать такое шефу? Он никогда не поверит в забывчивость подчиненного, заподозрит обман. А это равносильно приговору.

Не знаю, стоило ли мне умирать из-за какого-то резидента, как умер мой друг Идзитуро Хаяси. Наверное, не стоило. Значит, изображать забывчивость опасно, опасно и признаваться в том, что хорошо помню «гостя» с левого берега. Я избрал полуправду. «Верно, — ответил я шефу, — какого-то человека из Мохэ мы встречали, но разве он был резидентом? Вы назвали

его тогда агентом Комуцубары, завербованным фашистской партией Радзаевского». Сначала Янагита открыл глаза в удивлении, потом смежил веки и стал недоверчиво разглядывать меня, будто я был тем самым агентом, которого он пытался воскресить. «Откуда появился катер?» — спросил шеф. «Я увидел его в нескольких метрах от причала. Амур был скрыт дождем и туманом...» «Да, кажется, шел дождь,— согласился Янагита.— В самом деле, шел дождь, на мне был плащ. Серый плащ, который я брал с собой в поездки». — «Я тоже был в плаще. А «гость» приехал в пальто...» — «Вы это помните?» — «Конечно, мне надо было все замечать — такой вы дали мне приказ. Я следил за «гостем» внимательно, особенно за его спутниками. По вашему отношению к «гостю» легко было догадаться, что вы ему не доверяете. Или мне так показалось. Для себя я сделал вывод: агент будет убран!» Глаза Янагиты снова открылись, кажется, он видел все по-новому. Видел то, что я говорил ему. Шефу хотелось верить в это новое. Во всяком случае, оно ему нравилось.

И все же, когда я кончил, Янагита погрузился. Он догадался, что это сказка. «Вы называли его агентом Комуцубары?» — переспросил Янагита. «Так мне представили «гостя» вы...» Я лгал беззастенчиво. Это была наглость. В другом случае шеф оборвал бы меня самым бесцеремонным образом и, возможно, даже подверг аресту. Сейчас он проглотил все и сделал вид, что доволен ответом: «У вас феноменальная память, Сигэки-сан».

Вторая беседа, принесшая будто бы успокоение Янагите, в действительности расстроила его. Недоверие ко мне возросло. Я понял это из решения шефа взять меня с собой. Твердое решение. «Вы мне понадобятся там...» Где там, не пояснил.

— Формоза больше не упоминалась?

— Вообще ничего не упоминалось. Янагита ждал какое-то судно, кажется рыбацье, которое должно было взять его и, следовательно, меня на борт. Курс судна был известен лишь капитану и Янагите. В таких случаях о маршруте не распространяются. Главное было в том, чтобы покинуть Дайрен вовремя — советские войска подходили к городу.

— Он назвал час и день отъезда?

— Нет. Приказал быть готовым каждую минуту. Я понял, что все решится той же ночью...

Вот начало истории Сигэки Мори. О Сунгарийце он рассказал уже позже, при второй, третьей и четвертой встрече с сотрудником госбезопасности далекого южного города.

ТАК ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ШЕСТЬ ТРИДЦАТЬ ПО ТОКИЙСКОМУ ВРЕМЕНИ?..

Весь день шел дождь. И вечером тоже...

Город затянуло густой мокрой пеленой, и кто знает Сахалин, его слепые серые улицы, поймет, каково в сумерках отыскать нужный дом. Благо все здесь прямое, будто расчерченное по линейке. Улицы от берега поднимаются параллельными рядами к линии железной дороги, к так называемым Южным и Западным воротам. Сахалин обнесен крепостной стеной, когда-то защищавшей его от хунхузов, теперь разрушенной и жалкой, не способной ни от кого и ни от чего защитить. Прежде всего от нищеты. Голодные, бездомные собаки как бы символизируют эту нищету. Они всюду. Это тень Сахалина, ваша тень, следующая по пятам через весь город. Здесь их называют собаками, за городской стеной — шакалами. Наверное, потому шакалами, что там они воют, наводя тоску и уныние.

Грязь и темень...

Светло только перед клубом охранного отряда и на коротенькой Сяо-Дун-лу: слева горят окна огромного здания жан-дармерии, справа, у верхнего моста, — фонари сахалинской почты. Есть еще светлая улица — Син-Лун-цзе, там банк, телеграф, японское консульство, магазины и отели. Наш отель, вернее, отель, в котором должна была состояться встреча моего шефа с пассажиром грузового катера, тоже находился на Син-Лун-цзе. Он именовался громко — международный отель, но это всего лишь провинциальная гостиница со скрипучими полами и отсыревшими стенами. В городе были и другие отели, более приятные и более современные, но международный считался нашим, и мы чувствовали себя в нем спокойно. Начиная от хозяина и кончая швейцаром, все были платными информаторами Сахалинской военной миссии и, следовательно, секретной службы вообще.

К шести мы возвратились в отель, вернее, возвратился один я — Янагита был в отеле с обеда. Он беседовал с агентами, закрепленными за Сахалином, а их тут тьма-тьмущая, не знаю, как не перепутают своих людей военные миссии и второй отдел штаба. По-моему, сахалинские агенты следят друг за другом и за своими хозяевами, дерутся из-за ничтожных сведений, которые удастся кому-нибудь добыть. Такое впечатление, что весь Сахалин работает на секретную службу и этим только и живет. Во всяком случае, кормится этим. Кому не перепадает от разведки — так это бродячим псам. Им не на кого доносить, и потому они дохнут с голоду.

Мой номер рядом с номером шефа. Ровно в шесть я заглянул к нему. Не для того, чтобы узнать, чем он занимается, — подобное любопытство исключалось в принципе. Просто я подчеркнул свою пунктуальность: приказано явиться в шесть — и я на месте, жду указаний. В номере никого, кроме шефа, не

было. Он просматривал какие-то бумаги, именно какие-то, потому что никогда не узнаю я их содержания,— это тоже исключено в принципе. Полковник просит меня пройти в комнату, и, когда я оказываюсь перед его креслом, он, не глядя на меня, произносит:

— Вы запомнили его лицо?

— Да, господин полковник.

— Узнаете даже в темноте?

— Да, господин полковник! (Конечно, я никогда не узнаю ночью пассажира с грузового катера, но как в этом признаться?)

— Ваше зрение, как и память, удивительны,— продолжая глядеть в бумаги, делает мне комплимент полковник.

Я слишком хорошо изучил шефа, чтобы принять его похвалу как оценку моих способностей. Это не комплимент, это угроза. «Вы не имеете права ошибиться!»— так надо понимать полковника. Или еще хуже: «Не вздумайте ошибиться!» Последнее самое верное.

Мой кивок подтверждает, что предупреждение принято.

— Используйте свою память и свое зрение, Сигэки-сан,— оторвался наконец от бумаг полковник и посмотрел на меня так, будто увидел впервые. Точки его зрачков, как булавки, искололи мое лицо. Я чувствовал это физически. Каждый раз, давая задание, он исследовал меня своими уколами, словно печатал на мне план действий.— Я должен знать,— продолжал шеф,— какое впечатление произведет на «гостя» наша беседа — утомит ли она его или останутся силы для продолжения разговора еще с кем-то?

Классической формой намека полковник владел в совершенстве: он умел в одно слово вталкивать девять понятий и каждое понятие окрашивать в девяносто оттенков. Из девяноста девяти я научился, к счастью, выбирать одно. Это тоже было моим преимуществом.

— В котором примерно часу мне следует начать испытание зрения и памяти?

На губах шефа мелькнуло что-то схожее с улыбкой. Условной, естественно. Улыбку тоже надо было разгадывать. Другим она казалась гримасой брезгливости. Не знаю, кто был ближе к истине — я или другие.

— Наша беседа продлится не больше двух часов,— пояснил шеф.

— Значит, в восемь тридцать?

— Наверное... Испытание может быть долгим, Сигэки-сан, поэтому пусть вас не смущает потушенный свет в моем номере. Я не сплю даже в темноте...

Я вышел от шефа десять минут седьмого. Переоделся в своем номере, учитывая погоду и время, проверил пистолет, захлопнул дверь и спустился вниз, в холл. Мне надо было подыскать подходящее место для наблюдения.

**ОФИЦИАНТКА МЕЖДУНАРОДНОГО РЕСТОРАНА,
КОТОРОЙ СУЖДЕНО СЫГРАТЬ ВАЖНУЮ РОЛЬ
В СУДЬБЕ СУНГАРИЙЦА И НЕКОТОРУЮ РОЛЬ
В СУДЬБЕ СИГЭКИ МОРИ**

Так что же произошло в шесть тридцать по токийскому времени? Узнал ли кто третий о цели приезда в Сахалин Сунгарийца и содержании беседы между ним и Янагитой? Вряд ли. Третьим мог быть я, но не стал. Полковник не считал нужным посвящать меня в свою тайну (как потом выяснилось, это была тайна генерального штаба), он вообще не имел обычая делиться чем бы то ни было и с кем бы то ни было.

Могла оказаться третьей официантка международного ресторана Катька-Заложница. Странное имя, не правда ли? Но странность исчезает, как только познакомишься с биографией этой женщины. Катька-Заложница была агентом Харбинской военной миссии. Давним агентом, во всяком случае, приобщение ее к секретной службе состоялось раньше, чем мое и моего друга Идзитуро Хаяси.

Почему я предположительно назвал ее третьей? Катька-Заложница пересекла в тот вечер, и не один раз, тропу, по которой шел «гость» с левого берега. Пересекла не случайно: ей было известно, я в этом убежден, и время, и место встречи, даже цель, во имя которой появился в Сахалине человек в сером кепи. Катька, как и мы, ждала его.

До шести тридцати и даже до девяти тридцати я был еще далек от подобного подозрения. Просто мне в голову не могла прийти такая мысль, хотя все эти два часа я находился рядом с Катькой-Заложницей. Рядом, имея в виду пространство сравнительно небольшого ресторана в первом этаже отеля. Я сидел за столиком около входа и мог обозревать зал, через который пролетали официанты и официантки с подносами.

Позиция моя была достаточно удобной: кроме зала в поле моего зрения попадал и вход — застекленная дверь, дававшая возможность контролировать лестницу, ведущую на второй этаж. Чтобы попасть к Янагите, «гость» должен был пройти мимо этой двери. Не существовало другого пути и для возвращения на улицу. Конечно, самым лучшим местом был бы подъезд, но, честно говоря, мне совсем не улыбалось мокнуть под дождем в ожидании «гостя», который черт знает как собирался распорядиться своим временем. К тому же общество бездомных сахалинских собак, жавшихся к подъезду, тоже было не слишком приятным. В общем, я выбрал ресторан, как выбирают меньшее из зол обреченные на скуку в течение целого вечера. Да что вечера, ночи. «Гость» был гостем Сахалина, и почему бы ему не отдохнуть как следует в этом пышно расцветченном значными местами городишке.

Среди официанток, мелькавших между столиками, была и Катька. Грубо звучит это слово — теперь я сам чувствую ос-

корбительность окончания, которое, видимо, нарочно соединили с именем. Тогда оно казалось мне естественным, и всем тоже, возможно, и самой Кате — она откликалась и никогда не вызывала протеста. Однако я разрешу себе в нашей беседе называть ее Катей.

Катя была в числе обслуживающих мой ряд. Это порадовало меня, как радует всякого встреча со знакомым за пределами родного дома... Пусть даже случайным знакомым, никогда прежде не интересовавшим вас, не нужным попросту. Такой, собственно, знакомой была Катя-Заложница. Я видел ее несколько раз в Харбине, в ресторане «Бомонд», где она так же порхала между столиками и так же обворожительно улыбалась. Впрочем, «порхала» не подходит к Кате: она двигалась плавно, с достоинством неся себя и свою черноволосую голову над шумной и пестрой толпой посетителей. Не обратить внимания на эту красивую казачку было нельзя. Слишком яркие и выразительны были ее глаза, слишком черна коса, собранная на затылке в тугой узел, чуть спадавший на плечи. Иногда она распускала этот узел, и коса змеилась вдоль спины или, обогнув плечо, падала на грудь. Так бывало в русские праздники. Посетители ресторана — амурские казаки устраивали вечер воспоминаний, требовали, чтобы вся обслуга наряжалась и причесывалась по-станичному. В Сахалые Катя вряд ли могла нарядиться на казачий манер, не устраивались здесь пасхальные и рождественские банкеты. Другого сорта эмигранты жили здесь, не похожие на харбинских: тихие и деловитые, забывшие, откуда вышли, и молившиеся неизвестно какому богу.

Чужим для Кати был Сахалян, не сживалась она с людьми, которым служила и которым так приветливо улыбалась. Бросить бы ей этот город, вернуться в Харбин, да не могла. Слово «заложница» не просто пристегнуто к ее имени. Куплена она была хозяином «Бомонда» у какого-то генерала, вернее, получена в залог. Уже официанткой ее перепродали японской разведке. Сумма была большая, и второй отдел выплачивал ее в рассрочку. Собственно, Катя сама расплачивалась за себя, так как на погашение долга генерала шла большая часть вознаграждения, получаемого ею за секретную информацию.

Амурская казачка оказалась талантливым агентом. Она умела вытягивать из посетителей «Бомонда» такие сведения, которые приводили в восторг харбинских резидентов. Способности Кати первым обнаружил небезызвестный Амлето Веспаси. У него был особый нюх на людей. Он так и слыл на Дальнем Востоке международной ищейкой. Связи его казались фантастическими. Не было, пожалуй, человека в Китае, которого он не знал бы и к которому не подобрал бы ключей. Различия национальности, вероисповедания, профессии не считалось для Веспаси препятствием. Он владел множеством языков, в том числе и русским. Нам говорили, что Веспаси бывал в России и участвовал в какой-то акции. Авантюрист по духу и разведчик по

профессии, он служил разным хозяевам и умудрился ни разу не провалиться. В критический момент Веспa исчезал, поймать его никому не удавалось. Даже мы не смогли предотвратить его побег из Харбина, хотя были приняты все меры. Объявив честно о своем разрыве с японской секретной службой, Веспa в один прекрасный день улетучился. Ни угроза смерти, ни репрессии в отношении его семьи не заставили его вернуться.

Веспa открыл Катьку-Заложницу и привлек ее к работе Харбинской военной миссии. На Цицикарской улице, где помещалась миссия, она, конечно, не появлялась. Явочным пунктом для нее как агента был магазин «Муцуми», принадлежавший коммерсанту Сакаи Иосио, а в действительности — штабу Квантунской армии. Коммерческие способности Сакаи приносили мало пользы секретной службе, даже наоборот, купца приходилось то и дело выручать из беды, зато он оказался отличным резидентом. Фирма его процветала и давала немалый доход в виде обстоятельных отчетов агентуры с ценными разведывательными сведениями. В процветании фирмы была заслуга и Катьки-Заложницы. Это заметил полковник Комуцубара. «Я покупаю агента», — заявил он начальнику второго отдела, как только получил назначение в Сахалинскую военную миссию.

Он знал историю официантки ресторана «Бомонд» и не мог не подумать о расплате с хозяином. Долг был погашен лишь наполовину, и оставшуюся часть Комуцубара взял на себя. Болтливые люди говорили, что не одни способности к секретной работе пленили в Кате полковника. Было что-то другое. Уж слишком часто пропадал он в банкетном зале «Бомонда». Но кто мог поручиться за точность подобных слухов. Во всяком случае Комуцубара получил Катьку-Заложницу и отвез ее в Сахалин, в самое горячее место разведывательной работы. Тогда Сахалин считали передним краем.

И вот Катя между столиками международного ресторана. Официантка-агент. Для несведущих только официантка, красивая женщина, приятный собеседник. Для меня — АГЕНТ. Знакомый человек, которому хочется улыбнуться по-приятельски, дать понять, что скупаю и рад встрече.

Я не был поклонником черноволосой казачки. И не потому, что она мне не нравилась, — это была бы неправда. Катя нравилась мне, и даже очень, но в первый же день после знакомства я понял: жизнь ее сложна и трудна, она не хозяйка собственной судьбы и чувства далеки от ее сердца. Она вступила в страшную игру, исход которой никому не ведом. И выйти из нее нельзя. Мы, влюбленные, для нее не существуем. Мы или гости ресторана, или сотрудники секретной службы, а уже потом люди. И чтобы разобраться в этих людях, нужны были силы и время, а ни того ни другого у нее не оставалось. Она трудилась и трудилась, пытаясь вырваться из кабалы, в которую попала по чьей-то злой воле. Это я понял и отошел в

сторону. Многие отошли. Слишком чужой была она для нас. И мы для нее тоже чужие.

И все же в тот вечер я обрадовался встрече с харбинской казачкой. Она прошла мимо, бросила короткий взгляд в мою сторону, узнала и кивнула по-приятельски. Только кивнула, без улыбки, которая, в общем-то, была необязательна, но привычна. Катя всем улыбалась — так уж заведено в наших ресторанах. Неожиданное озадачивает. Я воспринял отсутствие улыбки как событие. Что-то произошло с Катей. Сердиться на меня она не могла, мы не виделись с ней целый век, да если бы и виделись: не существовало ничего общего, способного людей обрадовать или огорчить и тем более рассорить. Не во мне дело. В каких-то событиях, коснувшихся Кати. Может, чувствах? Могли наконец родиться в этом проданном и перепроданном, живущем, как автомат, существе чувства. Да, все дело в чувствах. Короткий ее взгляд, брошенный в мою сторону, был отмечен грустью. Такой несвойственной Кате, ненужной, нелепой даже. Никто не знал официантку ресторана «Бомонд» грустной или плачущей, во всяком случае, не видел.

Грусть прозвучала как откровение. Катя вроде бы поделилась со мной чем-то, доверила мне затаенное, личное, и я проникся вдруг благодарностью к ней за эту доверчивость. Мне стало почему-то больно за Катю, жаль ее и захотелось избавить чужую душу от тяжести. Все это, конечно, мимолетное, короткое, как ее взгляд, но не бесследное. Будто ранила меня легко Катя. И я стал думать о ней, попытался разгадать причину грусти.

Маленькое, случайное и, возможно, ошибочное впечатление развлекло меня. Предстоящая тяжелая работа, а слежка — это тяжелая работа, уже не казалась мне такой неприятной и унижительной, как прежде, я попросту забыл о ней. Мне было предоставлено право отключиться на два часа (с шести тридцати до восьми тридцати, как сказал Янагита), не думать ни о чем, и прежде всего о пассажирах с грузового катера. Я решил поговорить с Катей.

Ждать пришлось долго. Или так показалось. Изучая маршруты казачки, я мысленно все сворачивал ее к себе, и безуспешно. Катя, будто нарочно, обходила меня. Должно быть, считала, что я на работе и просто расходую время — чем дольше просижу в ресторане, тем больше выиграю. Она была, увы, опытным агентом и все понимала и все учитывала. Я действительно отбывал повинность — два часа надо было на что-то убить. Ей и в голову не приходило, что работник разведки способен интересоваться официанткой и тем более ее настроением.

Катя все-таки подошла. И теперь улыбнулась. Привычно, как улыбаются посетителю, намеревающемуся поужинать. Я тронул ее руку и шепнул:

— Что случилось?

Она изобразила удивление, подняв высоко свои тонкие брови и пожав плечами:

— Ничего.

Попытка перешагнуть через загородку, которую Катя давно соорудила вокруг себя, не удалась. Она была высока и крепка. И чтобы напомнить об этом, Катя добавила смешливо:

— Разве со мной что-нибудь случается?..

Загородка не пускала меня, но я все же попытался одолеть ее.

— Значит, я напрасно забеспокоился?

— Напрасно.

Тут она посмотрела на меня почему-то серьезно и с недоверием и задержала взгляд на какие-то секунды. Они показались мне долгими и трудными. Человеку, которого изучают, всегда трудно, как на экзамене.

— А я подумал...

— Вы ошиблись,— прервала меня Катя.— Что бы вы хотели заказать, господин капитан?

Никаких иллюзий и сомнений! Она хорошо знала меня и дала понять, что играть в обычного посетителя ресторана не нужно.

— Принеси что-нибудь трудоемкое, часа на два.

Она снова посмотрела на меня, теперь — вопросительно. Сразу я не понял, что именно ее интересует: точность заказа или точность времени? Глаза спрашивали с какой-то тревогой, и я догадался: время! Ассортимент блюд не заботил Катю.

— Я жду друга. Он должен приехать с восьмичасовым поездом.

Объяснение было лишним. Катя сама произвела какие-то расчеты и сделала выводы. Я же говорю: это был опытный агент. Даже подавая закуску, Катя продолжала работать на секретную службу. Автоматически.

Вот только почему тревога?

— С вином?

— Нет... Хотя рюмочка коньяку не помешает.

Мысль Катина читалась легко: «Он на работе, кого-то ждет. И не друга. Для друга столик не занимают за два часа до встречи. Главное, ему надо быть трезвым, потому что самое ответственное предстоит после ужина...» Нет, она была умным агентом. Не случайно ее переманил к себе Комуцубара.

Удовлетворенная собственным анализом, Катя улыбнулась и ушла. Улыбнулась необычно. Ей надо было что-то скрыть. По-моему, озабоченность.

Грусть Кати тронула меня, заставила отозваться, искать способ утешения, а вот озабоченность прошла мимо. Я не придал ей никакого значения. Не подумал, что спустя два часа, эти нелепые два часа, все объяснится и самым удивительным образом.

Ровно в восемь я почувствовал какую-то притягательную силу, идущую от двери. Без каких-либо побуждений мозг мой приступил к выполнению задания полковника. Я слышал шум зала, видел людей вокруг, следил за Катей, но все это жило самостоятельно и не касалось меня. Существовала реально только дверь.

Мимо нее должен был пройти пассажир с грузового катера. Точнее, Сунгариец. Пройти и остановиться у вешалки, получить свое пальто, темно-серое, с широким поясом и огромной пряжкой, дать на чай швейцару и покинуть отель. Время, которое потребуется Сунгарийцу для всех этих процедур, я посвящаю выполнению своего плана: одеваюсь (деньги официантке уже уплачены, пальто висит на краю вешалки) и иду следом.

Если Сунгариец наймет извозчика и даст адрес в западном районе, тот поедет влево, ссылаясь на плохую дорогу и темноту, обогнет здание телеграфа и управления Южно-Маньчжурской железной дороги и выберется на Да-Сан-цзе или проследует до почты и свернет на Сяо-Дун-лу. Оттуда он, совершив круг, вернется на Ин-Юан-лу, и здесь я встречу его на своей пролетке и как бы случайно поеду следом. Адрес в восточном районе заставит извозчика свернуть вправо. Повторится круг, но только по Третьей улице и мимо японского консульства. Тогда я встречу Сунгарийца на Да-Сан-цзе. Прогулка пешком менее удобна для меня. Придется идти по пятам «гостя», скрываясь все время в подъездах домов, прыгать через выбоины, купаться в лужах — льет дождь, а тротуары в Сахалине отвратительные.

Мне не повезло. План мой полетел вверх тормашками. В восемь пятнадцать дверь отворилась, и в ресторан вошел Сунгариец. Не проследовал мимо, не задержался у вешалки, не перекинулся парой слов со швейцаром о той же погоде, а прямо — в зал!

Я опешил. Почему-то такой вариант не пришел мне в голову, и я к нему, естественно, не подготовился. А вариант был прост. Он был логичен: Сунгариец решил поужинать в ресторане, отдохнуть после деловой встречи с полковником. Никаких отрицательных эмоций беседа у него, видимо, не вызвала, и искать утешения где-то на задворках Сахалина не было необходимости.

Предположения мои строились на явной ошибке. И откуда она взялась — не знаю. Должно быть, тон шефа, его намеки вселили в меня сомнения относительно мирного исхода встречи. Потом приказ последить за «гостем». Все должно было насторожить. И насторожило.

Я ожидал увидеть испуганного беглеца, а в зал вошел спокойный, даже слишком спокойный человек. Лицо, как и утром, было оживленным, а во взгляде светилась плохо скрываемая насмешка. «Гость» смотрел как-то брезгливо, словно ему все приелось и только необходимость заставляла мириться с этим и терпеть. Меня снова поразило его хозяйское отношение

к окружающему. «Он бывал здесь,— подумал я,— и бывал не раз, и все эти прелести китайского города не способны ни удивить его, ни привлечь его внимания».

Он шел через зал, не видя его, не слыша звуков, не выбирая дороги. Просто шел, легко и как-то грациозно, огибая столики, отстраняясь от летящих навстречу официантов, пригибая голову под склонившимися лапами огромных пальм, расставленных в зале. Шел никуда, потому что столиков свободных не было, и в то же время движение его было устремленным и привело к цели. Оказался свободный столик. Словно в сказке, под одной из пальм появился белый квадрат, уставленный приборами. Возможно, он не появился, а был там всегда, но почему-то я его не видел. Не видел, хотя считаю себя человеком весьма наблюдательным. Ну пусть проглядел. Возникла вторая загадка: каким образом столик сохранил свою неприкосновенность, когда кольцо вокруг него было плотным и открыто агрессивным? Посетители теснились на дополнительно приставленных стульях, искали свободное место. Кто-то оберегал стол. Этого стража я тоже не заметил.

«Гость» сел, взял карточку с перечнем блюд и стал равнодушно разглядывать ее. На одной из рук «гостя» был дорогой перстень, и, когда рука двигалась, камень вспыхивал крошечным, но ослепительно ярким пламенем.

С момента появления в ресторане Сунгарийца я изо всех сил старался заслонить себя: то вазой с цветами, то ладонью, то салфеткой. Мне надо было раствориться среди сотен лиц, быть незамеченным, во всяком случае, неузнанным. Утром мы столкнулись с пассажиром грузового катера, и не только я, но и он тоже мог изучить прохожего. Теперь память легко восстановит схваченное на лету, и портрет спутника Янагиты будет сличен с подлинником. Тут и неразведчик догадается, что за ним следят, и следят люди полковника. Все труды Янагиты, все его добрые заверения и лстивые улыбки (Янагита умел, когда надо, улыбаться) будут перечеркнуты. Пока не поздно, исчезни, Сигэки Мори, сбереги дело своего шефа!

Не оглядываясь, я поднялся и вышел в холл. Со спины меня вряд ли мог узнать Сунгариец: все мы, японцы, затылками одинаковы. За дверью любопытство все же заставило меня посмотреть в зал. «Гость» сидел под той же пальмой, в той же позе. Мне следовало мысленно проститься с ним и уйти. Я так и поступил бы, но что-то заставило меня задержаться. Что-то мелькнувшее между столиками. Платье Катя-Заложницы. Она шла к Сунгарийцу, неся поднос с вином и закусками. «Именно к нему», — решил я, хотя она могла спешить совсем к другому посетителю. Мне, вероятно, надо было увидеть Катю рядом с «гостем», оправдать вдруг родившуюся догадку. Ничем не объяснимую пока. И я увидел. Катя подошла к Сунгарийцу. Поставила перед ним бутылку, тарелки с салатом, колбасой, сыром. Потом стала вкручивать штопор в пробку. Движения ее

были медлительными, вернее, замедленными, словно она сдерживала себя, боясь сократить время, предназначенное для этой нехитрой процедуры.

Я не видел ее лица, но хорошо видел лицо «гостя». Он смотрел на официантку. Не с интересом и не любуясь ее чертами, а будто спрашивая что-то или пытаюсь угадать. Молча притом. И, должно быть, получил ответ. Тоже молчаливый. Они разговаривали. Они понимали друг друга.

Меня охватила радость. План мой осуществлялся. Собственно, это был не план, а предписание к действию, отданное мысленно. Игра! Она забавляла меня некоторое время. Однако скоро мне стало ясно, что не я руководил чужими поступками, — они совершались не по моей воле и имели какую-то собственную пружину. Официантка подошла к гостю не потому, что так хотелось мне или маршрут ее случайно совпал с местом, где находился столик. Ей надо было что-то сказать Сунгарийцу, и она сказала. Причем очень важное. Для них обоих.

«Катя и Сунгариец знают друг друга,— подумал я.—И давно знают...» Это было опять-таки предположение, и не последнее в тот вечер. Кажется, я был в ударе. Открытие следовало за открытием. Если бы хоть на мгновение передо мной предстали последствия этих открытий и трагический финал кажущихся пустяковыми и даже смешными событий, я отстранился бы от всего. Но я не видел будущего, не знал его и потому легко, с каким-то увлечением, даже радостью присоединялся к чужой игре, пытался понять ее тайный смысл.

Вечер я провел все-таки в компании бродячих псов. Их была сотня, не меньше. И откуда они брались в этом городе, нищем и голодном, не способном прокормить себя? А собаки жили и плодились, ни на что не похожие и не предполагавшие, что существует на свете родословная и надо на кого-то быть похожим, если называешься собакой. Ни ушей, ни хвостов. Насчет хвостов не утверждаю категорически, возможно, они и были, но их так искусно прятали между ног, что я ни одного не увидел. Животов тоже не было. Они им просто ни к чему. Живот существует для того, чтобы его наполняли. А чем наполнишь такое устройство в Сахалине? Если за целый день попадет на язык корочка хлеба, то считай себя королем, среди псов, естественно.

Лаять они тоже не лаiali. Забыли, как это делается, да и на кого здесь лаять? На прохожих? Так по какому поводу? Порога твоего он не переступал, нет этого порога, как нет забора, калитки, конуры. Ничего нет. Следовательно, и охранять нечего. Не ветер же? Этого добра в Сахалине, правда, много, даже слишком много. Но в какие это времена ветер охранялся собаками?

Мне он, сахалинский ветер, изрядно надоел. Собакам — тоже. Мы прятались в подъезде отеля, за стеной, жались к забору. Я ждал Сунгарийца, а чего ждали собаки — неизвестно. О куске хлеба можно было только мечтать. Мало на белом свете чудиков, которые выносят с собой из ресторана булку или отбивную в надежде встретить голодного. Не вынес и я, не предполагал попасть в общество четвероногих. Следовательно, хлеб отпадал, отбивная тем более. Оставались отбросы, которыми, собственно, и жили сахалинские псы. Но время появления на свалке свежих объедков еще не наступило — ресторан работал, посетители насыщались, отбивные лежали на тарелках вместе с косточками, которые по закону принадлежали четвероногим джентльменам.

Да, это были джентльмены в самом прямом смысле слова. Предупредительные, внимательные, осторожные, тактичные. Никаких оскорблений, ссор, драк. Они были выше мелочности. Когда кто-то из посетителей ресторана, выйдя на улицу, швырнул одному из псов конфету, остальные не кинулись на нее. Они даже не сошли со своих мест. Правила приличия не допускали проявления инициативы, когда дело касалось личного преподношения. Конфету съел тот, кого угостили. Девяносто девять (я все же считаю, что там была сотня собак) только облизнулись, а может, и не облизнулись. Будучи джентльменами, они скромно потупили очи или отвели их в сторону. А как им хотелось есть! Можете себе представить настроение не завтракавших, не обедавших и не ужинавших собак. Причем не сегодня лишь.

Я так подробно рассказываю о сахалинских собаках, потому что никакая другая компания меня в тот вечер не принимала. Четыре часа, которые мне выделили на ожидание «гостя» с левого берега, надо было чем-то заполнить. Хотя бы знакомством с четвероногими обитателями Сахалина. Для точности — псам я отдал три часа, оставшиеся шестьдесят минут провел в пролетке, куда меня почти насильно затолкал кучер, сжалившийся над бездомным господином. Ну, тут, конечно, роль сыграла не одна жалость, вернее, вовсе не жалость: за дежурство у отеля извозчику было уплачено вперед, и уж если стоять, то почему порожним? Верх пролетки был поднят, сиденье сухое, и я, забившись в угол, дал своему телу возможность отдохнуть и отогреться. Ночь была холодная и, как известно, дождливая...

Из ресторана доносилась музыка, шум голосов, в редкие минуты, когда дверь распахивалась, чтобы выпустить очередного, перегрузившегося вином и закусками посетителя, можно было расслышать даже отдельные слова. В такие минуты я напрягался, ожидая появления Сунгарийца. Фонари подъезда горели ярко, и миновать этот светлый круг было нельзя, как нельзя было оказаться на улице, не обратив на себя моего внимания. Я держал круг под неослабным наблюдением. Я трудился, как говорят, в поте лица.

В это время «гость» с левого берега отдыхал и веселился.

Наверное, веселился. Нельзя же четыре часа подряд есть и пить — на это никого не хватит. Танцевал. Пригласил какую-нибудь даму и танцевал. Кстати, о даме. У хозяина отеля всегда были в резерве миловидные особы, умеющие занимать одиноких посетителей. В обязанность особ входило разговаривать, пить вино и танцевать. Что касалось вина, здесь их вкусы не отличались разнообразием: они пили все, что заказывал гость, другое дело — беседа. Международные рестораны предполагали появление за столиками людей разных национальностей, отсюда и специализация дам. Одни предназначались для англичан и американцев, другие — для немцев, третьи — для русских, четвертые — для китайцев. Были и «француженки». Эти котировались особенно высоко, так как вербовались из высшего круга — из жен и дочерей бывших русских офицеров и чиновников дворянского сословия. Французский, который они учили в гимназиях и пансионах, открывал им дорогу в рестораны Харбина, Дайрена, Сахалина. Особые рестораны, контролируемые секретной службой. Дамы являлись нашими агентами. За интересные сведения, добытые у посетителя, им выплачивалось вознаграждение.

Так вот, одна из таких дам наверняка развлекала сегодня моего подопечного. Разве упустит хозяин ресторана возможность прошупать «гостя» с левого берега? А то, что он с левого берега, ему известно. Об этом позаботился начальник Сахалинской военной миссии Комуцубара. Ну и мой шеф тоже. Если он поручил мне следить за Сунгарийцем, почему бы ему не подключить к делу и штат ресторана. Катя-Заложница уже приступила к выполнению задания...

Тут моя мысль осеклась. Не по-обычному вела себя амурская казачка. Не так стояла перед Сунгарийцем, не так говорила. Впрочем, ее, Катю, можно отделить на время от пассажира с грузового катера. Четыре часа он пробыл с кем-то другим, с дамой, говорящей по-французски. Почему-то мне представился именно такой вариант: дама, говорящая по-русски и по-французски. Облик Сунгарийца подсказывал такое сочетание. «Гость» интеллигентен, из дворян, офицер белой армии. Именно «француженка» могла быть рядом с ним.

Видите, сколько предположений, и весьма логичных, родилось в моей голове. Я был убежден в том, что сделал очередное открытие. Требовалось только подтверждение.

В двенадцать тридцать ночи (по токийскому времени) из подъезда вышел Сунгариец. Вышел один. Ни «француженка», ни «англичанка», ни «немка» его не сопровождали. В темно-сером пальто и светло-сером кепи. Как утром. Ноги тверды, походка уверенная. Такое впечатление, что он не пьян.

Говоря откровенно, я был несколько разочарован, даже огорчен: где же приметы падения моего подопечного? Где схема, начерченная мною?

Он постоял некоторое время у выхода. Поежил, поднял воротник, закурил. Черт возьми, он собирался идти пешком!

Так поступают лишь отчаянные люди или вконец истратившиеся гуляки, нормальный человек не вступит в единоборство с сахалинскими лужами. Вначале извозчик, потом рикши продвинулись к подъезду: авось человек наймет их! Они принимали его все-таки за нормального посетителя ресторана. Ошиблись. Как и я...

Папироса затлела, задымила, и Сунгариец пошел по Син-Лун-цзе в сторону японского консульства. Он не пожалел меня, моего мокрого плаща и сырых ног. Предложил прогулку через Сахалин. Это было равносильно приглашению под душ на открытом воздухе в январе месяце. Но что делать? Я солдат. Пошли! Он впереди, я сзади, на расстоянии ста метров.

Мне нужен был темп, стремительное движение моего подопечного, иначе холод одолеет меня. Он не желает торопиться, прогулка под дождем доставляла ему удовольствие. На углу Сунгариец остановился и стал разглядывать небо. Это было похоже на издевательство. Прижмись к забору и жди, когда твой подопечный насладится созерцанием туманного неба и соизволит сделать шаг вперед.

Минут десять—пятнадцать длилось это нелепое стояние. Шел дождь, дул ветер с Амура, где-то далеко-далеко были шакалы. Глухая, сиротливая ночь. Внутри у меня что-то заныло от тоски. Или от сознания униженности своей. Я все больше и больше убеждался в том, что делаю какое-то нелепое, глупое дело. Туманные намеки полковника никак не вязались с реальностью происходящего. Настороженность, которая возникла у меня вначале, постепенно угасла. Не улавливал я тайны. Поведение Сунгарийца было естественным, даже шаблонным, если можно определить так поступки человека. Он ничего не скрывал, не затушевывал, не маскировался под разведчика, как маскировались многие иностранные агенты.

Главное, у Сунгарийца не было хитрой схемы, способной сбить с толку, повести по ложному следу. А я предполагал существование такой схемы и готовился раскрыть ее. Первый неожиданный шаг «гостя» — появление в ресторане — принял за вход в лабиринт и остановился. На самом деле это оказался вовсе не лабиринт. Сунгариец хотел есть, у него было свободное время, а где провести его, находясь в чужом городе, как не в ресторане? Четыре часа выброшены. На такую щедрость способен лишь человек, не обремененный никакими заботами, во всяком случае, не подчиненный жесткому графику. Устраивать деловые свидания в международном ресторане глупо. Там все фиксируется, все прослушивается, все доносится разведке и контрразведке. Разведка там просто живет. Свидание возможно только с агентурой японской военной миссии.

Что-то похожее на встречу с агентом я усмотрел в безмолвной беседе Сунгарийца и Кати. Хотя смешно вести деловой разговор на виду у всех. Да и что скажешь официантке, когда минуту назад закончилась исповедь у самого Янагиты, а Катя

лишь рядовой агент секретной службы? Если она подослана Комуцубарой, тогда свидание у столика под пальмой приобретает иной смысл. Соперничество двух руководителей разведки может выразиться в такой комбинации. Надо поставить шефа в известность о контакте «гостя» с агентом Комуцубары.

И это все. Все, что я добыл за четыре часа. Есть от чего впасть в уныние и разочароваться в самом себе.

Через пятнадцать минут из ворот отеля, а не из главного подъезда, вышла женщина в пальто с меховым воротником, в шляпе и с зонтиком и застыла в нерешительности у ограды. Должно быть, в темноте она не увидела «гостя». И тут он окликнул ее: «Люба!» Банальнее не придумаешь. Встреча с дамой на панели.

Они пошли. По темной улице, по лужам, прикрываясь от дождя зонтиком. Пошли рядом, как влюбленные, возможно даже под руку.

Двинуться следом или повернуть назад, в отель? Меня подмывало плюнуть на все это, объявить полковнику, что затея со слежкой за пассажиром грузового катера бессмысленна. Глупа просто.

Но это была только мысль. Тогда я не умел еще превращать желания в действия. Я подчинялся силе инерции.

Мои подопечные — их теперь было двое — шли к японскому консульству, о чем-то мило переговариваясь. Иногда до меня долетал сдержанный смех дамы — «гость» рассказывал ей что-то смешное. На Ин-Юан-лу они свернули направо, в сторону Амура. Река была близко, метрах в двухстах, и шум волны, гонимой к берегу северным ветром, явственно слышался.

У Амура ночью делать нечего, особенно в такую погоду: тьма, дождь, холод, а они шли именно к Амуру. И это меня смущало. Пугало даже. После четырехчасового душа мне никак не улыбалась прогулка по берегу под шквальным ветром. Мои бедные зубы жалобно постукивали, и весь я продрог, как тот бездомный пес у подъезда.

Совершенно измученный этой борьбой с холодом, я доплелся кое-как до конторы золотопромышленной компании и здесь остановился, решив для себя, что шаг больше не сделаю. Они поняли, видно, мое состояние (чего только не придет в голову отчаявшемуся преследователю) и тоже остановились. Но не у конторы, а на тротуаре, под облетевшими деревьями. Дальше была кромка берега, дальше был Амур.

«Зачем? Почему, — спрашивал я себя, — эти люди ночью пришли к реке? Есть ли тут какая-то причина?» Я все еще пытался определить смысл поступков Сунгарийца. Тайный смысл, интересующий нас, полковника Янагиту и меня. То, что люди ходят по земле, едят, пьют, любят, мечтают, относилось к ряду обыденных явлений, стоящих по ту сторону интересов секретной службы. Это был иной, не наш мир. В нашем же мире все подчинялось скрытой цели, опасной для дела, которому мы

служили. Обыденное, если оно вдруг встречалось, полковник, ну и я, следовательно, воспринимали как маскировку.

Но маскировка не вечна. Где-то она должна быть сброшена, как костюм актера после спектакля. Где сбросит ее Сунгариец? Не на берегу же Амура? Более неподходящего места трудно придумать.

А есть ли костюм?

Что-то не верилось в его существование. Передо мной были просто люди с обычными человеческими слабостями, которые проявлялись к тому же слишком наивно. Они искали уединения в дождливую осеннюю ночь, как ищут ее юные существа, стесняясь своих чувств и желаний. Мне было отчего-то жаль их...

Когда они сели на скамейку под голыми ветвями осины, на мокрую скамейку, и, опустив зонт прямо на головы и плечи, замерли, мне захотелось подойти к ним и сказать шутливо: «Как же глупы вы! Как вы глупы!» Или в сердцах обругать за мучительную ночь для меня, за то, что я мок на дожде и зяб на ветру. И ничего-ничего не узнал.

Но они целовались, наверное целовались, и я не подошел к ним. Я повернулся и зашагал назад к отелю, шлепая по глубоким холодным лужам...

В два часа ночи я постучал к полковнику. Осторожно, одним пальцем, чтобы не привлечь внимания консьержки, дремавшей в кресле в конце коридора.

Полковник не спал. Он умел не спать по ночам, доводя до изнеможения своих подчиненных. Они вынуждены были по его примеру до рассвета иногда не смыкать глаз.

Шеф сидел за столом в той же самой позе, что и в шесть десять вечера, когда я покинул его, и изучал через свои маленькие, в золотой оправе, очки все те же бумаги. Или мне так показалось. Во всяком случае они были секретными, потому что, когда я вошел, он прикрыл их газетой. Мы не доверяли друг другу. Все не доверяли...

— Выпейте коньяку! — сказал шеф и достал из шкафа бутылку.

Я расценил это как проявление заботы о подчиненном. Вид мой был слишком красноречивым. Чего стоила одна шляпа, превращенная дождем в тряпку! И весь я походил на утопленника, только что извлеченного из воды.

Шеф нацедил в стакан коньяку и подал мне. Я выпил топорливо, и зубы мои при этом, кажется, стучали. Потом я разделся и сел в кресло против стола полковника. Он и здесь, в отеле, расставил мебель, как в своем кабинете.

— Это или слишком глупый или слишком умный человек, — сказал Янагита, глядя на меня и читая довольно легко мои мысли. Он говорил о Сунгарийце. О ком еще можно было

говорить после возвращения подчиненного с задания? Шеф понял, что я ничего, ровным счетом ничего интересного не узнал и зря убил вечер. Да что вечер, ночь почти. — Вы не находите?

Я не ответил. Насчет умственных способностей «гостя» с левого берега у меня не было никакого мнения. Я неопределенно пожал плечами, только и всего.

— Вам трудно судить о нем, — объяснил мое молчание Янагита. — Вы его просто не знаете...

Это шеф говорил для себя — чужое мнение в данном случае не играло никакой роли. Полковник умел сам задавать вопросы и сам отвечать на них. Обычно такая беседа продолжалась довольно долго. На этот раз неожиданно оборвалась.

— И не узнаете... Я не вижу необходимости поручать кому бы то ни было встречу с нашим «гостем»...

Он снова нацедил в стакан коньяку и протянул мне. Я, видимо, слишком медленно возвращался в свое нормальное положение, и полковник решил поторопить это возвращение с помощью вина. Меня задело такое открытое признание моей слабости, и, приняв стакан, я поставил его на край стола.

— Возможно, мои сегодняшние наблюдения имеют какую-то ценность, — сказал я, собрав силы и заставив зубы не клачать. Признаться, сделать это было не так-то просто. Должно быть, я основательно продрог на проклятом сахалинском ветру. — Ценность хотя бы для характеристики «гостя»...

— Вы беседовали с ним?

— Нет... Но я узнал имя человека, с которым он провел вечер.

И я рассказал все, что видел и слышал. Полковник, как и следовало ожидать, не проявил никакого интереса к моему сообщению, будто я повторял уже много раз слышанное им и набившее оскомину. Раздражения и недовольства, правда, он не изобразил на своем всегда постном лице, но в его равнодушии было что-то тягостное. Я с трудом довел рассказ до того места, где «гость» произнес имя Люба. Это место должно было раскрыть человека, с которым провел вечер пассажир грузового катера. Произнеся слово, чрезвычайно важное по моему разумению, я смолк и посмотрел вопросительно на шефа. Мне хотелось увидеть довольную улыбку или поднятые в удивлении тонкие брови полковника. Ничего не увидел. Лицо словно не жило. Тогда, выдержав паузу, я продолжил рассказ и закончил его скамейкой на берегу Амура. Внутри у меня родилось то самое чувство досады на самого себя, которое я испытал уже три часа назад, дежуря у подъезда отеля.

Наконец Янагита очнулся.

— Люба — это Катья-Заложница, — произнес он сухо, будто давал официальную справку.

Я был убит этим открытием. Не потому, что существовало второе и, возможно, настоящее имя у официантки международного ресторана. Мало ли у людей имен, и тем более у людей,

причастных к секретной службе! Я не узнал Катю, когда она вышла из ворот отеля. Принял ее за даму, приставленную к «гостю» хозяином ресторана. И не это самое поразительное. Катя разделила с ним вечер. Она любила Сунгарийца!

Последнее должно было потрясти и Янагиту. Ведь Катя наш агент. Агент второго отдела штаба Квантунской армии. Она, черт возьми, агент Комуцубары! Это что-то да значит для того же Янагиты. А он сонно выслушал меня и даже зевнул. Он ничего не понимал. Или, напротив, многое понимал.

Да, кажется, Янагита все хорошо понимал. Он сказал и теперь с лукавой усмешкой:

— Как-то спится сегодня Комуцубаре... Не позвонить ли ему и не пожелать ли спокойной ночи?

Вот что понял Янагита.

Меня передернуло от этой циничной шутки. На Комуцубару мне, конечно, было наплевать, но грязь, брошенная в Катю, вроде бы оскорбила и меня. Я думал о ней всегда хорошо. Я любовался ею. Издали, правда.

В моих глазах Янагита прочел, наверное, осуждение или недоумение. Что-то, во всяком случае, прочел, и это «что-то» свидетельствовало о серьезных пробелах в моем познании мира. Янагита пояснил:

— Они давно знакомы, еще с Харбина... О симпатиях мы не подозревали. Упущение, конечно, но не такое уж великое. Простим себе его...

Он прощал себе, я в счет не принимался. Я был сторонним в этом деле и выполнял обычное задание. Случайное к тому же. Мне полагалось забыть вечер в Сахалине, Катьку-Заложницу и пассажира с грузового катера. Помнить мог только дождь и еще ветер. Холодный ветер с Амура, который пробрал меня до костей.

Когда я встал, намереваясь покинуть номер — пора было подумать о сне, ночь уходила, — Янагита бросил пустяковую фразу:

— Будьте осторожны с этой казачкой... Она красива.

Пошлость присутствовала всегда. Янагита не умел говорить о человеческих чувствах без цинизма. Достоинства людей оценивались лишь практически, словно это были признаки вещей.

Спустя время, уже не в Сахалине, а далеко от него, Янагита напомнил мне о красоте Катьки-Заложницы и снова цинично, но не шутливо, как первый раз, и не предостерегая, а призывая к стойкости. Мне поручалось приведение в исполнение смертного приговора агенту японской секретной службы Любо-ви Шелуновой.

— Вы спросили, откуда появилась убежденность в том, что Янагита намерен убраться меня? И почему я понял это именно 19 августа?

Второе легче объяснить, чем первое. 19 августа генерал-лейтенант объявил мне о нашем отъезде и приказал быть готовым в любую минуту. Не получив такого приказа, я, наверное, оставался бы в некотором сомнении относительно целей шефа. Цели же раскрылись передо мной раньше, необходимо было лишь соединить то и другое, чтобы ясно представить себе будущее. Тон, которым приказ был произнесен, не оставлял места для иллюзий. И в глазах Янагиты при этом горел холодный огонек, такой знакомый мне. Огонек вспыхивал всякий раз, когда Янагита программировал чью-то смерть.

— Это чисто психологический момент, господин Сигэки. Программа действий Янагиты могла касаться кого-нибудь другого.

— Других уже не было. Из пятерых, знавших Сунгарийца, остались мы двое: я и генерал. Себя, надо полагать, он не вносил в список приговоренных. То, что нас двое, я узнал, правда, не 19, а уже 20 августа, на рассвете, но от этой разницы во времени дело не менялось.

В полночь Янагита зашел ко мне в комнату и спросил:

— Вы готовы?

Я решил, что настала минута, о которой генерал предупреждал меня, и стал собираться. Собственно, все было собрано, оставалось только одеться и взять чемодан. Шеф вдруг оставил меня:

— Не надо.

Вероятно, он имел в виду совсем другую готовность. Вещи не играли тут никакой роли. Защелкнув замок, я отодвинул чемодан от себя и посмотрел недоуменно на генерала.

Он должен был объяснить причину внезапной перемены в своих планах. Но объяснения не последовало. Янагита заговорил совсем о другом:

— Вы испытывали когда-нибудь желание быть выше по званию?

Это можно было расценить как шутку, хотя сейчас ни я, ни генерал не были расположены шутить. Слишком невесело складывалась наша судьба в Дайрене, да и вообще судьба японцев. Мы доживали свои последние дни в том мире, который именовался нашим. Я был совершенно подавлен.

— Простите, капитан,— продолжал Янагита.— Мы мало думаем о тех, кто рядом с нами. Вы заслуживаете большего, чем имеете.

Шеф, оказывается, не шутил. Он размышлял о жизни и о путях, которыми идут по ней люди. Янагита философствовал в эту, совсем неподходящую для высоких взлетов минуту. Философствовал перед подчиненным, собравшимся в далекий и страшный для него путь. Меня не занимали ни чины, ни блага, приносимые ими, я хотел избавления от тяжести.

По выражению моего лица Янагита догадался, что я далек от всего, что говорит он. Неизмеримо далек. Мне нужен был

приказ, сигнал к действию. Когда нервы напряжены до предела, только обычный, грубый толчок способен восприниматься, остальное мешает, путает, раздражает.

— Мы едем сегодня? — перебил я Янагиту.

Он вздрогнул от этой нетактичности: его доверительный тон, его раскаяние были отвергнуты.

— Нет... Еще не ясно, будет ли принят ультиматум Запада. Еще ничего не ясно, хотя конец уже предопределен всем ходом событий. Видимо, неделю мы продержимся здесь, если русские продолжают движение первоначальными темпами...

— Дайрен будет защищаться? — спросил я.

— Способен, во всяком случае. Но до этого вряд ли дойдет. Мне не хотелось бы видеть конец... Скажите, Сигэки-сан, есть ли у вас адреса явок в Китае и на островах?

Вот о чем он беспокоился.

— Я не занимался этим последнее время... Все передано в военную миссию. Они держат связь с агентурой на южном побережье. Если, конечно, не поторопились уничтожить списки по приказу генерального штаба...

При упоминании миссии Янагита почему-то помрачнел, глаза его беспокойно забегали. Я расценил это как проявление недовольства моими действиями. Мне и в голову не пришла истинная причина волнения шефа. Да и как могла прийти, когда я не ведал о событиях, происходивших в это время в здании японской военной миссии? Даже торопливый взгляд Янагиты, брошенный на часы, не внушил мне никакого подозрения. Лишь утром я понял, почему шеф вел себя так. Наш разговор совпал с моментом приведения в исполнение его приказа о ликвидации одного из пятерых, посвященных в тайну «гостя» с левого берега.

— Это было бы печально, — произнес Янагита.

Я снова ничего не понял.

— Уничтожение списков еще не полная потеря явок, — попытался я вернуть надежду шефу. — Они сохранились в памяти сотрудников. Частично, естественно...

— Весьма печально, — повторил Янагита. Мой довод никак не окрылил его, напротив, привел в еще большее уныние.

— Разрешите, я поговорю с капитаном Аримицу, — предложил я спасительный выход.

Янагита поднял предостерегающе руку:

— Никакого Аримицу... Нет-нет...

При полковнике Такеока, начальнике Дайренской военной миссии, Аримицу был кем-то вроде доверенного лица и ближайшего помощника. Все, что знал капитан, становилось достоянием полковника. Поэтому, видимо, Янагита не захотел открывать свои намерения Аримицу.

— А если капитан Андо? — заменил я кандидатуру. — Он очень порядочный человек...

— Андо?! — задумался Янагита. — Это маленькое лысое существо с наивными глазами...

— Да. С наивными глазами.

— Что ж, Андо, пожалуй, подойдет... Поговорите с Андо!

— Можно сослаться на вас при изложении просьбы?

Взгляд Янагиты, обеспокоенный, торопливо обегавший комнату, вдруг остановился на мне.

— Зачем?

Я попытался объяснить:

— Так может спросить и Андо: «Зачем?» Я вряд ли сумею придумать что-либо. В такой обстановке невозможно найти причину. Ее просто нет. Авторитет командира заменит неубедительную версию. Ваш авторитет...

— Постарайтесь обойтись без меня.

— Сумею ли... Я всего лишь офицер для особых поручений.

Янагита почудился в моей реплике намек на слишком медленное продвижение подчиненного по служебной лестнице, хотя я не имел ничего подобного в виду. Просто моя должность не давала мне права на соответствующий разговор с сотрудником миссии, и тем более на категорический тон. Без санкции генерал-лейтенанта или его приказа никто не дал бы мне секретных сведений.

— Моя вина, — склонил покаянно голову Янагита. — И я снова прошу прощения. При первой же возможности ошибка будет исправлена...

Он был неузнаваем, этот Янагита.

— Благодарю... Я забочусь лишь о положительном исходе встречи с Андо... Он не волен в своих поступках, ему нужен хотя бы намек на желание командующего.

Я опять заставил Янагиту задуматься.

— Намек, туманный намек... Этого достаточно для Андо?

— Если нет ничего другого... — пожал я плечами. Предприятие, затеянное генералом, казалось мне по-прежнему сомнительным. Вряд ли один я смог бы добыть нужные сведения.

— Ничего другого нет, — подтвердил Янагита. — Это все...

Он повернулся, чтобы уйти.

А срок? Янагита не назвал время, которое предоставляет мне на выполнение задания.

— Сейчас в миссии никого нет, — напомнил я шефу.

Ему пришлось остановиться и взглянуть снова на часы.

— Пожалуй, нет. Один дежурный... Завтра, то есть сегодня утром, вы найдете Андо. Он человек пунктуальный. — Генерал как-то насмешливо скривил губы: — Маленькое лысое существо с наивными глазами...

Я кивнул. Я согласился с Янагитой, хотя слышать эту насмешливую фразу было неприятно. Грустно было отчего-то...

— Все-таки генерал-лейтенант не отказался от использования агентуры после капитуляции. Я так понял вас, господин Сигэки?

— Не совсем так.

Разве интерес к адресам заграничных явок не об этом говорит? Янагита за пределами войны видел себя разведчиком, и только разведчиком. Не думаю, чтобы на островах или на южном побережье Китая он собирался командовать японской армией. Ее уже не было...

— Безусловно... Янагита строил планы будущего без армии. По природе своей он не был ни стратегом, ни тактиком военного искусства. Он не был ни полевым, ни штабным офицером. Назначение Янагиты командующим Дайренским военным округом — прихоть руководителей генерального штаба. А возможно, и не прихоть, а какая-то уж слишком хитрая комбинация, не понятная строевым офицерам, главное, не оправдавшая себя. Янагита не удивил никого своим полководческим гением, он попросту не воевал. Все свое внимание генерал-лейтенант сосредоточил на контроле за офицерскими кадрами и сборе сведений о настроениях в частях.

Впрочем, в таком же плане проявили себя и другие разведчики в роли полководцев. Известный всем Доихара Кендзи командовал 7-й армией в Сингапуре, Итагаки Сейсиро возглавлял японскую армию в Корее. После оккупации этих территорий роль армии свелась к поддержанию порядка и подавлению сопротивления местных жителей. С этой задачей и Янагита, и Доихара, и Итагаки справлялись отлично. У них был опыт. Превратившись в армейских офицеров, они оставались офицерами разведки. Остался таким и Янагита Гендзо. Поэтому вы правы, считая Янагиту за пределами войны тем же, кем был он во время войны...

— А если Янагита оставался разведчиком, следовательно, действия свои подчинял прежней задаче. Не так ли?

— Это логика, господин подполковник! Вы связываете два самостоятельных конца нити в один узел. Иначе говоря, подводите формулу непрерывности действий секретной службы под все времена и события. Война явная кончилась, тайная — продолжается. И ее ведут те же, кто вел до сентября 1945 года. Второго отдела генштаба нет, но есть его аппарат, и он функционирует вроде по инерции.

— Не совсем по инерции... Скорее, по идее и традиции.

— Старой идее. Но мир переменялся, изменились и идеи. Вечного ничего нет, господин подполковник.

— Для того чтобы переменялись идеи, необходимо изменение образа мыслей. Вы стали другим человеком, господин Сигэки, но Янагита, как я догадался, не изменился. Он собирается воевать...

— Да. Он сказал мне, когда «молодые офицеры» затеяли возню вокруг вопроса о капитуляции: «Недоноски, капитуля-

ция, и причем немедленная, предотвратит разгром наших сил. Если мы хотим снова поднять голову, то должны прежде всего сохранить ее...»

— Видите, сохранить силы! Это, надо полагать, не абстрактная категория. Под силами подразумевается генералитет, офицерские кадры, обученная армия, промышленность, способная быстро возобновить производство оружия. В понятие «силы» входит и разведывательная сеть. Не случайно Янагита заинтересовался адресами резидентов.

— Здесь вы ошибаетесь, господин подполковник. 19 августа перед Янагитой стояла очень примитивная задача — скрыться! Он заботился о пристанище. Рыбацкое судно, если бы оно оказалось у дайренских причалов, не могло болтаться все время в Даляньваньском заливе. Ему надо было рано или поздно выйти в Желтое море и искать берега. А берег без гостеприимной хижины все равно что вражеский форт. Кто даст приют японцу во время войны? Только свой человек. Его и намерен был искать Янагита.

— Ну, хорошо... Предположим, Янагита обрел нужный ему приют где-то на островах. Что дальше?

Можно было ответить: «Ничего!» Так, собственно, и хотел ответить Сигэки Мори. Бегство из Дайрена — грань, за которую он вступал в своих размышлениях и предположениях. Существовал, правда, еще сам Сигэки, спутник Янагиты, но его жизненный путь оканчивался где-то в волнах Желтого моря или ближе — Даляньваньского залива. Что стоило Сигэки упасть ненастной ночью за борт! Ничего не стоило. А со дна моря он не увидел бы уже ни своего шефа, ни берег, к которому пристало рыбацкое судно...

И все-таки Сигэки не сказал подполковнику: «Дальше ничего». Не мог сказать. На какое-то мгновение он представил себе генерала, прогуливающегося по улицам Гонконга. Пусть Гонконга, какое имеет значение название города? Главное, прогуливающегося, беспечного, довольного собой. Представил себе и тотчас мысленно стер картину. Она показалась ему нелепой. Невероятной показалась.

— Дальше, наверное, возвращение в Японию. У Янагиты в Токио семья.

В Японии он немедленно бы предстал перед судом Международного трибунала. Зачем такое кольцевое движение к дому? Капитулировав, Янагита достиг бы той же цели без риска погибнуть в пути.

«Дальше» не получалось. Вернее, получалось, но нелогично. Янагита не мог таким странным способом вернуться домой. Если же в самом деле собирался вернуться, то зачем было бежать из Дайрена? Зачем? Бесконечные «зачем?»!

— Нет, дом не был его целью...

— Тогда что?

— Он уходил из этого мира.

Трудное решение. Отвлеченное весьма.

— Предположение?

— Да.

— Уходил как Янагита или только менял обличье?

— Как Янагита.

— Навсегда?

— Видимо... Рассчитывался с прошлым, с тем, что составляло его жизнь и работу.

— С собственным «я» тоже?

— Естественно...

— Значит, Янагита переставал быть разведчиком...

Сигэки Мори дошел до конца по им же избранной тропе и понял, что оказался в пустоте. Он потерял Янагиту. Того Янагиту, который был знаком ему и доступен в своих намерениях и действиях. Был совсем другой человек. Нереальный. Неожутимый.

— Нет, он не мог не быть разведчиком. Не мог...

— От этого мы, собственно, и шли все время. Но если принять вашу гипотезу о расставании с прошлым, то для какой необходимости сохранять частицу этого прошлого? Янагита брал с собой вас. Он сказал: «Вы мне понадобятся там...» Выходит, он рвал не со всем, что связывало его с минувшим. Прошлое должно было служить будущему.

— Лишь на короткое время. Я был приговорен.

— Янагитой же?

— Им.

— Следовательно, он заметал следы. Какие-то следы, ни мне, ни вам не ведомые. А во имя чего они заматались? Вы предполагали тайну. Я тоже считаю, что была тайна, и весьма важная. Государственная тайна. Тайна японской секретной службы. И Янагита хотел унести ее с собой. В то самое будущее. Наш узел затянулся вопреки вашему желанию. Соединились концы, кажущиеся очень далекими...

— Вы, наверное, правы, господин подполковник.

— К сожалению... Янагита не разоружился и не собирался разоружаться. Прошлое ему необходимо для будущего.

— И тайна тоже?

— Тоже...

Сигэки Мори поднес ладони к вискам и сжал их:

— Не пойму, зачем она нужна ему там... в будущем.

Подполковник встал из-за стола и прошелся по кабинету. Как и Сигэки, он испытывал тяжесть от бесплодных исканий и пытался освободиться от нее.

— Янагита имел награды?

— Множество.

— Были особые, составляющие предмет его гордости?

— Он любил орден Восходящего Солнца, носил его постоянно.

— За что представлен?

— Точно не знаю... За какие-то заслуги по Харбину.

— Разведывательные?

— Конечно... Говорили, будто Янагита осуществил крупную акцию в советском тылу. За нее получили награды несколько офицеров секретной службы, в том числе Итагаки и Донхара.

— До войны?

— Перед Халхин-Голом. На это наступление возлагали большие надежды. Янагита дважды вылетал в Токио с каким-то докладом. Он был вроде бы героем дня, к нему постоянно обращались работники генштаба и командующий Квантунской армией...

Подполковник вернулся к столу, принялся перебирать рукой листки бумаги — это играли нервы. Тяжесть не спадала, но чувство было такое, будто вот-вот она спадет, и надо только изловчиться, сделать нужное движение.

— Кто из офицеров Харбинской миссии или второго отдела штаба был причастен к акции Янагиты?

Сигэки Мори повел плечами:

— Никто... Мы что-то, возможно, делали, но не знали задачи. Определенных, связанных между собой усилий не было. Длительной была акция, началась еще до меня и продолжалась почти все время моего пребывания в Харбине. Ближе других к чему-то важному подошел Идзитуро Хаяси, мой друг. Была ли это частица той акции, судить трудно. Краешек тайны выскользнул однажды — это связано с появлением Маратова в Харбине. Но Маратов перебежал к нам уже после награждения Янагиты. Много позже. Должно быть, тут разные акции и разные секреты.

— А если одна акция?

— Почему вы так подумали?

— Следы разных лет, которые заметал Янагита, чем-то схожи между собой. Вернее, схожи мотивы, понуждающие Янагиту действовать. Он убирает людей по одному признаку — кто знал или мог знать Сунгарийца. Верно?

— Пожалуй, верно.

— Значит, дело в Сунгарийце. В нем тайна.

— Ну, это ясно. Только почему тайна так оберегается? Почему суживается круг посвященных?

— Не суживается, а уничтожается. Не должно быть никого, помнящего «гостя» с левого берега. Даже помнящего!

— Вы повторили мои слова, господин подполковник.

— Повторил.

Подполковник перестал перебирать бумаги, поднял голову и посмотрел на Сигэки Мори:

— Мне казалось, что я пробивал свежую тропу, а она уже торена много раз. Странно... Может быть, тайна вовсе не в Сунгарийце, а в самом генерале? Вы приблизились к ней, и он принял меры защиты...

Тяжести не было, вроде спала тяжесть, мысль легко устремлялась к цели, неясной пока, но заманчивой, угадываемой одним лишь чувством.

— Без Сунгарийца нет тайны Янагиты, господин подполковник. — Сигэки Мори попытался удержатъ чужую мысль вблизи реального. — Янагита убивал только тех, кто знал «гостя» с левого берега.

Подполковник устало вздохнул:

— Маратов знал Сунгарийца?

— Лучше остальных... Он все знал, даже то, что не следовало знать. Я удивлялся, почему свой жребий Маратов вытянул последним...

Деловой день миссии начинался в шесть утра — так предприсывало военное положение. Я пришел в пять, только рассвело, а отделы миссии уже работали. Мне показалось, что никто не покидал здания со вчерашнего дня: сонные, измученные лица, угасшие глаза. Во всех кабинетах горел электрический свет — его не успели выключить.

Посреди двора стояла санитарная машина. Человек в белом халате, распахнув переднюю дверцу, пытался взобраться на сиденье рядом с шофером. Его задерживал начальник миссии полковник Такеока. «Вы не можете так поступить, — говорил он горячо и с обидой. — Вы не должны так поступать... Я настаиваю...»

Увидев меня, Такеока отпрянул от дверцы и смолк. Шофер только этого, кажется, и ждал, включил скорость, и машина, фыркнув, устремилась в ворота. Начальник остановил бы ее, не окажись я рядом, а тут ему пришлось смириться с потерей машины, и он лишь махнул безнадежно рукой.

Я вытянулся и поприветствовал Такеоку как старшего по чину. Он не ответил. Посмотрел на меня настороженно, с испугом даже. И вдруг, не ожидая вопроса, сказал:

— Приказ генерал-лейтенанта выполнен.

Ему казалось, что я обязательно спрошу об этом. Для чего иначе я пришел в такой ранний час? Я не спросил, не мог спросить, так как не знал о приказе генерала. Вообще ничего не знал. Мне нужен был Андо.

— Этот проклятый доктор не желает нам помочь. Никто не хочет марать руки. Только Такеока. Один Такеока!

Он был возбужден и не совсем ясно понимал, что говорит и кому говорит.

Я сделал вид, что в курсе событий, и, слушая торопливую, сбивчивую речь полковника, решал, как вести себя, как реагировать на откровения Такеоки. И тут ко мне пришла спасительная идея.

— Три часа назад в восточном секторе сброшен советский десант, — сказал я.

Это был удачный ход. Он выручил меня. Такеока забыл о враче.

— Три часа назад? — переспросил полковник. — Не может быть! Такого не может быть...

Мое молчание рассеяло родившееся вдруг сомнение Таеки. Он понял, что я информирован и сообщаю официальные данные. Я действительно знал о советском десанте и даже располагал сведениями о количестве сброшенных на Дайрен русских солдат.

— Мы не слышали выстрелов, — досадовал полковник. — Ни одного выстрела не было в течение ночи. — Тут он почему-то осекся и посмотрел на меня испуганно.

— Войскам дан приказ не оказывать сопротивления. Мы капитулируем...

— Боже мой! — закачал головой Таека. — Все в одну ночь... И еще этот проклятый доктор!

Он кинулся в подъезд, и так стремительно, что я едва успел произнести:

— Мне нужен Андо.

Таека не был способен что-либо воспринимать. Он, правда, остановился, но сделал это машинально, не отдавая себе отчета в том, что совершает. Остановился и посмотрел на меня недоуменно:

— Почему Андо?

— Таково поручение генерал-лейтенанта.

На лице полковника отразилась мука.

— Опять поручение генерал-лейтенанта. Ко времени ли все это? С одним не можем распутаться...

— Мне нужен Андо, — повторил я.

— Андо! — зло, словно ругаясь, а не произнося имя, гаркнул полковник. — Андо! Где Андо?

Он распахнул дверь в коридор. Его должен был кто-то услышать. И, наверное, услышали: дежурная комната была рядом, справа от входа. Полковник повернулся ко мне и сказал:

— Проклятие! Все перепуталось... Андо отправили...

— Куда отправили?

— В отель... В отель «Ямато»... Он вернется через час.

Я кивнул.

— К семи я буду здесь снова...

Полковник равнодушно пожал плечами. Ему было абсолютно все равно. На его месте я, наверное, так же отнесся бы к чужим намерениям и желаниям. «Пропади все пропадом! — казалось, говорил Таека. — Все в тартарары! И вы, и ваш Андо тоже!»

В тартарары мне было еще рано — так я прикинул и направился к себе в штаб. Возвращаться без нужного Янагита списка, правда, не хотелось, генерал не принял бы меня, он приказал добыть адреса любой ценой, а должных усилий я не проявил в этом направлении. Вообще ничего не проявил,

кроме обычного житейского любопытства — установил, что полковник Такеока взволнован и напуган. А что мне испуг Таеки? Сейчас все напуганы. Конец!

Поразмыслив так о судьбе начальника миссии и вообще всего человечества, я решил, что возвращаться в штаб рановато, и свернул на главную улицу. Побрел мимо закрытых дверей и калиток — город еще спал — к отелю «Ямато». «Почему бы мне не встретиться с Андо в отеле? — решил я. — Вне стен миссии, без опасения быть подслушанным всегда проявляющими интерес к словам посетителей сотрудниками Таеки я сумею лучше объяснить этому маленькому человеку с наивными глазами желание штаба иметь списки резидентов на южном побережье Китая. Наконец я буду свободен в выборе средств воздействия. Намек на шефа наверняка прозвучит».

Отель «Ямато» напоминал своих собратьев с таким же названием во всех городах Маньчжурии. Почему-то содержателям гостиниц очень нравилось это слово. Видимо, хитрые дельцы старались потрафить вкусам своих новых господ — японских офицеров и чиновников. Какой же это город без японского отеля!

Вестибюль был закрыт, и мне пришлось долго звонить, пока в застекленном проеме двери не показалась встревоженная физиономия дежурного. Он пялил на меня глаза и подавал какие-то знаки руками, что должно было означать его нежелание пускать кого бы то ни было в отель. Видимо, и сюда дошли слухи о высадке в Дайрене советского десанта.

Я вынул комендантское разрешение на хождение по городу в ночное время и показал через стекло дежурному. Широкая цветная полоса поперек листка, означавшая право не считаться ни с какими запретами, возымела свое действие. Дежурный отпер дверь.

— Пусть господин не сердится, — сказал он на плохом японском языке и перегнулся в поклоне. — Хозяин не велел никого пускать до восьми часов. Гости перепуганы...

— Однако ты пустил на рассвете чиновника миссии.

— Господин чиновник имел приказ.

— Тебе нужен приказ?

— Он у вас есть, господин. Я уже видел...

Дежурный принял бумагу с цветной полосой за распоряжение высшего начальства. Глупый человек, над ним можно было посмеяться, будь подходящее время и подходящее настроение. Но подходящего настроения у меня не было.

— Где чиновник миссии? — спросил я требовательно, как делают это люди, имеющие право повелевать.

— В тридцать втором номере.

— Кто с ним?

— Никого. Гость, который приехал десять дней назад, ушел вечером и не вернулся.

«Осматривает чужой номер, — понял я. — Похоже на обыск.

Почему для этой цели выбрали Андо? Он никогда не участвовал в налетах и проверках, и тем более в арестах. Он слишком прост и наивен. Слишком человечен...»

— Номер на втором этаже?

— Да, господин... Только чиновник не велел никого пускать к нему.

— Я его начальник.

Дежурный поклонился, и это значило, что он не собирается вмешиваться в наши отношения и, как бы ни обернулось дело, сочтет себя слепым и глухим.

— Лестница одна?

— Две. Та, что справа, удобнее. Пусть простит меня господин, я не смогу проводить его в номер. Больная нога не позволяет мне двигаться...

Он был хитер, этот китаец дежурный. Весьма хитер. Но я не обиделся на него. Меня вполне устраивало подобное лукавство.

Не знаю, какой была лестница слева, но правая, по которой я шел и которую дежурный назвал удобной, скрипела под ногами как несмазанная телега, перила качались, и казалось, вот-вот сорвутся и полетят вниз вместе со смельчаком, отважившимся на них опереться. Я не оперся и тем самым спас себя и имущество отеля.

На втором этаже, как и на первом, было тихо, коридор пребывал в сонном полумраке, и все двери были наглухо закрыты. Тридцать второй номер попался сразу. Я не стал стучать, чтобы не разбудить соседей, и рывком толкнул створку. Она с шумом распахнулась.

Номер, очень скромный, даже бедный, предстал передо мной со всеми своими прелестями: старым потертым диваном, разномастными стульями и потемневшей от времени деревянной кроватью. Незастеленной кроватью. Тут уж вина была не гостиничной прислуги, а чиновника миссии Андо. Он рылся в простынях и матрасах, отыскивая что-то. Я застал его как раз в тот момент, когда он сунул свою лысую голову в ворох подушек и на свет божий глядели лишь его короткие ноги и та часть туловища, которую обычно не называют в официальных документах.

Услышав стук двери, Андо вынырнул из вороха подушек и испуганно уставился на меня своими большими наивными глазами. Прежде чем вынырнуть, однако, он машинально схватился за кобуру и стал отыскивать пальцем кнопку. Это была запоздалая мера. Вряд ли посетитель, намеревавшийся напасть на чиновника миссии, стал бы ждать появления пистолета. Он ухlopал бы лысого Андо выстрелом в затылок.

Естественно, узнав меня, Андо оставил в покое кобуру и растерянно произнес:

— Господин капитан, как вы попали сюда?

Я улыбнулся. Вид у Андо был забавный. Над ухом белело куриное перо, остатки волос на голове, обычно старательно зачесанные набок, торчали сейчас в разные стороны.

— Подобный вопрос должен задать я. Это мой номер.

— Ваш?! — Андо совершенно растерялся. — Дежурный сказал, что здесь жил... Нет-нет. Вы шутите, Сигэки-сан... Вы всегда шутите.

— Шутил, дорогой Андо. И это было давно... Теперь мне отчего-то грустно.

Я закрыл дверь и прошел в номер.

— Не смотрите на меня так испуганно, Андо. Вам ничего не угрожает. Вообще с двух часов ночи никому ничего не угрожает, если не считать русского плена.

Андо ничего не понимал и тарасил на меня свои большие глаза. Ему хотелось сказать еще раз: «Вы шутите, Сигэки-сан...» Так мне показалось. Но он не сказал. Андо догадывался, что это не шутка.

— Простите, господин капитан, я стал плохо разбираться во всем. Что происходит?

— Если вас интересует судьба Дайрена, то она решена. Ночью высадился русский десант. Если не понятна причина моего появления здесь, уделите мне пять минут — и я объясню. Всего пять минут из тех тридцати, что остались в вашем распоряжении. В семь часов вы должны быть в миссии...

— Вы все знаете, Сигэки-сан,— смутился Андо.

— Не все. Ровно столько, сколько положено знать офицеру для особых поручений штаба Дайренского военного округа. А честно говоря, мне хотелось бы знать еще меньше. Например не знать, что вы здесь, что приказ генерал-лейтенанта выполнен, что проклятый доктор не хочет марать руки...

Я говорил, а глаза Андо расширялись и расширялись, и казалось, они вот-вот вылезут из орбит. Чужая осведомленность напугала его. Он, видимо, считал свое поручение сверх секретным и чрезвычайно ответственным, а тут — разоблачение! Мне стало как-то неловко за ту бесцеремонность, с которой я ворвался в тайну Андо.

Но я ошибся. Бедный Андо меньше всего думал о себе. Он, оказывается, тревожился за полковника Такеоку и своих товарищей по миссии.

— Доктор, значит, отказался... — произнес он со вздохом. — Что же теперь будет? Куда они денут труп?

Труп! Вот почему осекся Такеока, когда сказал: «Мы не слышали выстрелов. Ни одного выстрела не было в течение ночи». Были выстрелы. Во дворе миссии выполняли тот самый приказ генерал-лейтенанта Янагиты, о котором сообщил мне десять минут назад полковник. Кого же они убили?

Я был далек от мысли, что убит известный мне человек. Не только известный, но и связанный со мной своей тайной. Поэтому я довольно спокойно сказал Андо:

— Куда-нибудь денут. Полковник Такеока найдет выход из положения.

— Его надо предать кремации, — пояснил Андо. — Следы не должны остаться. Если русские обнаружат труп в миссии...

Он боялся русских. Именно русских. И страх этот не был лишь страхом Андо. Что ему, рядовому чиновнику, до каких-то событий в миссии. Сам он не стрелял. Не мог стрелять. Андо просто не способен на такое. Это же казнь. Обыкновенное убийство по приказу начальника. Стреляли другие. Он даже не видел ничего. Спрятался в своей комнатке и зажал уши ладонями...

— До сдачи Дайрена еще много времени, — успокоил я Андо. — Следы общими усилиями сотрут. Вы ведь тоже этим заняты. — Я кивнул на разбросанные по кровати одеяла и подушки.

Андо мог смутиться, мог сделать вид, что не понимает меня, мог, наконец, кивнуть: да, мол, приходится заниматься чужим делом. Но Андо был наивен и доверчив, он сказал:

— Здесь ничего нет... Третьего дня вещи перенесли в миссию. Он собирался этой ночью исчезнуть из Дайрена.

Странное совпадение. И мы этой ночью намеревались покинуть город. Янагита намекал на близкий отъезд: «Будьте готовы каждую минуту!» Что еще можно подумать, услышав подобное предупреждение в конце дня?

— И все-таки вы что-то искали.

— Документы... Полковник подозревал, что они спрятаны в столе или кровати.

— Для кого спрятаны?

— Не знаю. Вероятно, для русских. Прислуга могла обнаружить и передать кому следует.

— Сложная комбинация, — заметил я иронически. — Если существовала подобная идея, ее можно было осуществить другим, более надежным способом. Связаться с русскими в Дайрене несложно.

— Может, не для русских...

— Тем более. В городе масса коммерческих представителей, корреспондентов газет, просто иностранцев — отдай кому угодно. Зачем прятать документы в постель? Это же не деньги, прислуга бросит их в урну.

— Я тоже так думаю.

Мне очень хотелось узнать имя человека, занимавшего тридцать второй номер. Спросить у Андо я не решился. Нельзя было спросить. Что после этого стоил бы весь разговор, начатый мною так свободно и так уверенно, с такой претензией на полную осведомленность. Даже намек разоблачил бы меня, унизил, превратил в дешевого провокатора, и я пал бы в глазах доверчивого Андо. А я ценил этого человека, как-то по-своему даже любил. Пусть лучше обман. Уловка, к которой я прибег, оправдывалась необходимостью — мне надо было получить

адреса явок. И Андо мог их дать лишь человеку, посвященному во все тайны военной миссии, знающему даже то, чего не знает полковник Такеока.

— Теперь, когда вы убедились, что здесь ничего нет и не могло быть, — сказал я мягко, но с убежденностью, способной внушить доверие к произносящему такую фразу, — остается только вернуть вещам их первоначальное положение и потопориться в миссию, где вас ждет господин полковник. Вероятно, ждет. Правда, я очень сомневаюсь, что после сообщения о высадке русского десанта он сочтет целесообразным тратить время на выслушивание доклада по поводу состояния тридцать второго номера отеля «Ямато». Надо заботиться не о мифических документах, спрятанных в этой постели, а о реальных, лежащих в сейфах миссии. Если они попадут в руки русских — это будет действительно страшно. И не только для полковника, но и для всей секретной службы. Поэтому давайте приведем в порядок номер и в оставшиеся минуты... — я посмотрел, как Янагита, на свои часы, — поговорим о более важных вещах...

Пока я произносил свою чрезвычайно умную и убедительную, как мне казалось, речь, Андо смотрел на меня не отрываясь и шевеля губами. Он, видимо, считал, что я повторяю слова более высокого по званию человека, и поэтому боялся что-либо пропустить и тем лишить себя возможности выполнить точно волю начальника. Андо был чиновником. Всего лишь чиновником...

— Я уполномочен передать вам личное распоряжение генерал-лейтенанта Янагиты, — продолжал я после небольшой паузы, чтобы Андо смог осознать и прочувствовать услышанное.

— Лично мне? — спросил он с каким-то благоговейным трепетом.

Спросил не потому, что усомнился в достоверности сообщения. Он верил мне, особенно сейчас. Ему хотелось еще раз услышать эту удивительную фразу — личное распоряжение командующего Дайренским военным округом.

— Да, вам.

Будь другое время, благополучное для нас, японцев, слова мои осчастливили бы не только Андо, но и человека более значительного и важного по своему положению. Но шло 20 августа, предпоследний день существования Квантунской армии, канун великого траура, и внимание генерал-лейтенанта к простому чиновнику могло восприниматься лишь как печальное недоразумение. Андо не понимал этого. Он был отключен от времени. Он жил в условном мире с неизменными категориями. Глаза его светились каким-то фантастическим огнем.

Мне стало неловко, даже совестно от того, что я вызвал светлое чувство Андо ложью. Передо мною вроде бы было дитя, наивностью которого я воспользовался. Я подумал тогда: как дурен наш принцип эксплуатации лучших порывов человеческой души! Это была трудная для меня минута.

Но она прошла. Что не проходит!

Уже без волнения и раздвоенности чувств я изложил требование Янагиты о предоставлении штабу адресов секретных явок на островах и южном побережье Китая. Я боялся, что Андо воспротивится и задаст каверзный вопрос: почему свой выбор генерал-лейтенант остановил именно на нем? Андо не задал такого вопроса, он вообще не задал никаких вопросов. Внимание генерала разоружило его полностью. Он только извинился, предупредив о бедности своей картотеки:

— У меня лишь один участок побережья... И тот передан Аримицу.

Ненужная фамилия. Опасная в некотором смысле. Надо обойти Аримицу любыми путями.

— Документация уничтожена! — солгал я или забежал слишком вперед. Возможно, в эту минуту секретная документация вместе с портретами императора уже горела во дворе миссии.

— Вчера она была цела, — виновато посмотрел на меня Андо. — Я вручил ее Аримицу в конце дня.

Чертов Аримицу! Он продолжал путаться под ногами.

— В конце дня был жив и он... — Я кивнул вторично на разбросанные по номеру вещи. Кивок больше убедил Андо, чем все слова, произнесенные до этого мною.

— Конечно, — вздохнул Андо.

— Ваша память — единственный источник информации, — пустился я на лезть. — Единственный! Генерал так и сказал.

Я, кажется, переборщил. Как бы Андо не почувствовал фальшивую нотку и не отрезвел разом. Тогда все пропало.

— Листки картотеки перед вами. Вглядитесь, Андо!

Слишком много внимания уделялось достоинствам этого маленького лысого человека с наивными глазами. Он взлетел. Впервые в жизни, возможно, увидел себя над обыденным и пошлым. Над Аримицу увидел.

— Я хорошо помню свою картотеку, — улыбнулся Андо загадочно и даже торжественно. — В ней было всего двенадцать карточек. Они могли пропасть, сгореть, например. Такое бывает...

— Вы зафиксировали мысленно, — поторопился я с выводом. — Они при вас...

— Да.

Я взял со стола лист бумаги, предназначенный для писем постояльцев, и подал Андо. Молча подал. Он догадался, для чего это сделано, и кивнул благодарно.

— О номере не беспокойтесь, — предупредил я. — Мне доставит удовольствие навести здесь порядок.

Внизу у стойки администратора я задержался, чтобы заглянуть в книгу гостей. Китаец-дежурный не выразил по этому поводу ни удивления, ни недовольства. Только сонно зевнул,

подавая мне потертый в нижнем правом углу, запятнанный чернилами фолиант в ледериновой обложке. Открыл страницу с номером тридцать два и ткнул пальцем в нижнюю строку. Он был опытен, этот китаец-дежурный, он все понимал с полуслова.

Под его кривым толстым пальцем я прочел: «Маратов Н. Из Токио, 9 августа 1945 г.»

Я прикусил губу, чтобы не вскрикнуть. Третий из пяти кончил свой путь этой ночью...

Я не знал Маратова до тридцать восьмого года. Вернее, не слышал о нем. Это неудивительно: он находился в Благовещенске, я — в Харбине. Возможно, и позже до меня не дошли бы слухи об этом человеке, не разоткровенничайся мой друг Идзиту-ро Хаяси. Я уже упоминал его имя. Мы учились вместе в Токио на русском отделении института иностранных языков и оказались вместе в разведшколе. Потом судьба свела нас в одном отделе штаба Квантунской армии и поставила под начало Янагиты. Мы были молоды и тщеславны, мы желали многого, и многое нам было обещано временем. Япония зажигала свое белое солнце над Азией. И это не просто слово. Это история. Она творилась ради нашего счастья. Я собирался прославить себя на левом берегу Амура, Идзиту-ро — в Маньчжурии. Его сразу определили в Харбинский центр русской эмиграции, в так называемый БРЭМ, для контроля и координации действий амурского казачества. Мои планы изменились, я рассказывал об этом, планы Идзиту-ро остались прежними, и он успешно осуществлял их. Он шел быстрее меня к своей цели. Шел легче. Ему, как говорят, везло. Все называли Идзиту-ро удачливым. При его участии разрабатывались интересные операции. Какие — я не знал. Да и мало кто знал о работе БРЭМа. Создавались секретные школы, курсы, формировались группы, отряды, добывалось оружие. Идзиту-ро день и ночь был занят, и я редко видел его.

В июле 1938 года Идзиту-ро вдруг оставил эмигрантов и обосновался в отделе под крылом Янагиты. Это тоже расценили как удачу. Полковник разрабатывал акцию особой важности и привлек к ней самых перспективных офицеров. Контролировал операцию непосредственно второй отдел генерального штаба.

Хотя операцию готовили всего несколько человек, весь отдел жил ею. Напряженная таинственная обстановка взвинтила нервы, напрягла их до предела. Черт знает что лезло нам в голову. Какие только предположения не рождала разгоряченная фантазия! И конечно же, мы завидовали счастливым, причастным к такой важной акции. Я провожал восхищенным взглядом Идзиту-ро, когда он шел по коридору в свой кабинет или кабинет полковника, и мысленно произносил восторженные слова в его адрес. Идзиту-ро был на высоте, и эта высота была прекрасной.

Несколько раз Идзитуро выезжал вместе с полковником на границу, и всегда это превращалось в какую-то загадочную церемонию. Возвращались они еще более важными, чем уезжали. Наконец группа исчезла вовсе. Произошло это в одну из осенних ночей, и мы решили, что она переброшена на левый берег.

Мы ждали вестей, как ждут сводку с фронта. Радиостов одолевали молчаливыми вопросами: «Ну как там? Что слышно?» Те отвечали тоже молча: «Ничего неизвестно. Да и будет ли известно? У нас и задания такого нет — слушать группу...» Интерес возрос: значит, операция под контролем самого генштаба, и лишь Токио в курсе дела.

Группа вернулась на третий день и опять-таки ночью, когда никого в Центре не было. Утром мы узнали, что операция прошла успешно. По лицам офицеров догадались: они были важными и счастливыми. Идзитуро издали улыбнулся мне, как улыбаются своим поклонникам знаменитости после юбилея. Он даже не подошел ко мне.

Таинственность, сопутствовавшая операции, царила еще некоторое время. Более любопытные и энергичные работники отдела узнали как-то, что Янагита привез с границы какого-то русского военного и что этот военный спрятан в одной из гостиниц Харбина, не то в «Нью-Харбине», не то в «Гранд-отеле». Русского охраняют офицеры штаба Квантунской армии, и главный опекун — Идзитуро Хаяси. Его представили к русскому по личному распоряжению начальника второго отдела генштаба. Идзитуро подчинялся непосредственно Токио.

Завеса таинственности спала внезапно. Воскресный номер токийских газет украшали сенсационные заголовки: «Перебежчик из Советского Союза!», «Важные сведения о военных приготовлениях русских!», «Маратов переходит границу», «Небывалый случай в практике секретной службы — портфель с государственной тайной СССР в руках японских разведчиков», «Маратов: «Я выбираю Страну восходящего солнца!». На первых страницах газеты поместили портрет самого перебежчика. Пресса торжествовала, репортеры захлебывались от восторга, превознося заслуги разведки. Надо было понимать, что весь Дальний Восток уже в руках Японии.

Маратов стал популярной личностью. О нем говорили много, говорили долго. А он все жил в Харбине, и его охраняли офицеры штаба Квантунской армии. Боялись, что советская разведка обязательно выкрадет перебежчика и приведет в исполнение смертный приговор, который вынесен ему в Хабаровске военным трибуналом.

Прогулки Маратов совершал в окружении телохранителей, и если он выражал желание пообедать в ресторане, его везли в «Бомонд», где вся обслуга была завербована японской секретной службой. Дважды он вылетал в Токио на собеседования с военным министром и начальником генерального штаба.

Сопровождал его все тот же Идзитуру Хаяси, мой однокурсник. Однако там Маратова не оставили. Его резиденцией оставался Харбин, хотя считался он референтом генерального штаба и по логике легче выполнял бы свои обязанности, живя где-то в столице, а не на территории Маньчжоу-го. Видимо, в Харбине тогда решались главные военные вопросы, и решались при участии Маратова.

Гроза должна была вот-вот разразиться. Мы все это чувствовали. Квантунская армия была приведена в боевую готовность. 29 июля, как известно, начались бои у озера Хасан. Разведка получила приказ активизировать все агентурные точки на территории советского Приморья. Диверсионные группы перебрасывались на линию границы, чтобы по мере наступления наших войск очищать территорию от партизан и советских активистов. Воинственный пыл охватил всю Маньчжурию. Но через десять дней все угасло. 9 августа части Квантунской армии были разгромлены у озера и отступили.

Прошел слух, что в неудаче повинен начальник штаба Квантунской армии, не сумевший воспользоваться сведениями, которые предоставил Маратов. Авторитет перебежчика поднялся. Он себя уже не считал простым пленником, обрел уверенность. Свита из офицеров отпала, остался лишь Идзитуру, который не охранял Маратова, а исполнял роль переводчика и посредника между вторым отделом генерального штаба и референтом по русским вопросам. По традиции Янагита считал Маратова своей собственностью и время от времени вызывал к себе для бесед. Лично я не видел референта у нас в отделе, должно быть, встречи происходили или в доме Янагиты или в номере гостиницы.

Постепенно интерес к перебежчику потерял свою остроту, и его стали забывать, тем более, что никто из сотрудников с ним не сталкивался по работе и в услугах его не нуждался. Все дольше и дольше Маратов задерживался в Токио и все реже и реже появлялся в Харбине. Вместе с ним исчезал и Идзитуру. Дружба наша стала символической, прошлое занимало в ней больше места, чем настоящее. Мы не испытывали горячего желания встретиться, поговорить, излить друг другу душу. Охлаждению способствовала еще и обида, поселившаяся во мне. Хаяси обходился без меня и, возможно, даже тяготился необходимостью выражать симпатии к своему старому другу — так рассуждал я. Зачем же быть навязчивым?

Наверное, не мне одному приходилось расставаться с прошлым и не я один терзался догадками и сомнениями. Юношеские привязанности уходили вместе с юностью. Это было грустно. Но неизбежно. Мысленно я простился с Хаяси.

И вот совершенно неожиданно дружба наша ожила. Верно говорят, друзья познаются в беде. Беда настигла Идзитуру. Удачливому, везучему Идзитуру вдруг не повезло. То есть не то чтобы не повезло: дела его шли хорошо, он преуспевал во

всем, что касалось службы. К нему переменялось отношение начальства, точнее, отношение Янагиты.

Как-то в конце дня, когда я не то чтобы Идзитуро, уже почти забытого мною, никого вообще не ждал, в кабинет заглянул именно он. Притворив за собой дверь, Идзитуро сказал: — Мне очень нужно поговорить с тобой, Мори...

Не будь появление его таким неожиданным и желание таким необъяснимым, я, наверное, ответил бы ехидной остротой насчет сказочного удонгэ, который цветет лишь раз в три тысячи лет. Но внезапность ошеломила меня, и я кивнул:

— Садись!

— Нет-нет, Мори... Не здесь. Разреши мне прийти к тебе домой. Или лучше встретимся где-нибудь в тихом месте.

Это тоже было неожиданным и необъяснимым. Никогда прежде Хаяси не скрывал своей симпатии ко мне и не избегал встреч на людях. Все было новым.

Я глянул в глаза Хаяси. И понял. Он был испуган. Панический страх привел его ко мне. Он искал защиты.

Человек может напугаться, может потерять веру в себя. Это так естественно для живущего. Но для Хаяси? Не было силы, казалось мне, способной внушить страх моему другу. Он шел уверенно по жизни и ясно видел цель, к которой стремился. Хаяси знал, когда достигнет ее. Рядом с ним было легко и другим, мне, например. Чужая убежденность придает силы, окрыляет. Я хочу еще сказать, что Хаяси самой судьбой был определен ведущим для слабых и малодушных. Он был умен, смел, решителен и красив. Даже ростом своим Хаяси выделялся — ему невольно уступали дорогу, на него равнялись в строю. Я никогда не видел его со склоненной головой. Она всегда была гордо поднята.

— Хорошо, — ответил я, — приходи ко мне домой или назови место, где мы сможем встретиться.

— Я постучу к тебе в семь часов... В семь десять уже не жди. Садись на трамвай и езжай на Новоторговую. Дом двадцать девять. Вход со двора. Откинутая занавеска на втором окне от крыльца. Я увижу...

Хаяси был разведчиком и конспиратором. Он умел быть кратким и точным даже в дружеском разговоре.

Я хотел спросить, что все это значит, но не успел. Да и не надо было, наверное, спрашивать. Когда тебе назначают свидание таким тоном и в такой форме, вопросы неуместны.

Дверь хлопнула. Я увидел лишь плечи Хаяси, сутулые, как у старика, и примятый китель. Таким мы никогда не знали Идзитуро.

В семь часов он не постучал. Не смог постучать. Днем, еще в моем кабинете, Хаяси знал, что не постучит. Слишком наивным было желание посетить друга в его доме, осторожная мысль

сразу же отказалась от такого намерения, продиктованного взволнованным чувством. Моя квартира находилась почти в центре Харбина, недалеко от магазина Чурина, и любопытный глаз — а он всегда существует — обратил бы внимание на молодого офицера, идущего не совсем обычной дорогой. Этого глаза боялся Хаяси. Что ж, он прав.

Я сел в трамвай и через пятнадцать минут был на Новоторговой улице, в доме номер двадцать девять.

Я не узнал Хаяси. За эти несколько часов он сник еще больше. Его рука была холодна, словно жизненные силы уже истаяли.

— Ты уверен, что за тобой не следили? — спросил он, когда дверной замок щелкнул и занавеска на окне опустилась, отделив нас от остального дома легкой цветастой тканью.

— Нет, — признался я. — Мне просто не пришло в голову таиться.

— Напрасно... Впрочем, не думаю, что генерал так быстро сориентируется.

Хаяси говорил о вещах, которые в обычной обстановке показались бы мне нелепыми, даже вздорными. На шутку это не было похоже, слишком таинственно и взволнованно все происходило. Здесь же, в чужом доме, при закрытых дверях и опущенной занавеске нелепость приобретала оттенок реальности. Друг мой чувствовал опасность. Она существовала и была, видимо, неотвратимой.

— Это моя новая конспиративная квартира, — объяснил Хаяси. — Она еще не зарегистрирована в отделе, и сюда никто не додумается прийти.

Я не знал, что отвечать Хаяси. Все было непонятным, необъяснимым и, главное, неожиданным. Отсутствовало какое-то звено, связывающее прошлое и настоящее, а без такого звена я не мог принять нового Хаяси, его тревоги и опасения. Сам же он не чувствовал разрыва и говорил со мной как со сведущим человеком.

— Мы успеем обо всем потолковать...

В углу стоял диван, старенький, покрытый серым чехлом, я опустился на него и откинул голову на спинку. Этим мне хотелось показать Хаяси, что я устал от всей этой загадочности и мне тяжело.

— Мори!

— Ну?

— Я знаю, ты не можешь мне помочь, да и никто не в состоянии помочь человеку, выброшенному на скалу волнами... — Хаяси стоял около дивана и смотрел мне в глаза, будто проверял, насколько я близок к тому, что чувствует он сейчас. Тревогу уловил. И только. Мне по-прежнему было все непонятно и оттого тягостно. — Сколько бы я ни прижимался к скале, они снова смывают меня. Или сам брошусь в море. Ожидание нестерпимо...

Я сказал:

— Тебе не нужна помощь... Все умирают в одиночку, так уж заведено. Но не ошибаешься ли ты, вынося себе приговор? Что за вина твоя, Хаяси?

Он опустился на диван рядом со мной и обхватил ладонями собственные колени. Ему надо было сосредоточиться.

— Мы, японцы, в последнюю минуту всегда торжественны...

— Наверное, все люди такие... Мир очищается от мелочей, когда видишь его уже издалека.

— Это страшно, Мори.

Перед тем как поведать причину — а я был уверен, что Хаяси для этого и позвал меня, — друг мой стал говорить о следствии, то есть о своих страданиях. Утешить его вряд ли мог кто-либо, тем более я, не знающий, куда и чем нанесен удар. Я молчал.

—...И страшно не потому, что надо переступить порог небытия, а потому, что, переступив его, вызовешь насмешку людей. Никто не узнает, почему это сделано. Прибегнут к домыслу, а домысел может быть и грязным. Слышать проклятия даже там больно. Я хотел бы оставить свидетеля здесь... Ты можешь быть моим секундантом?

Хаяси говорил не о дуэли. Обряд харакири требует присутствия секунданта, который в последний момент помогает самоубийце расстаться с жизнью без долгих страданий.

Я вздрогнул. Такого еще никто не предлагал мне. Да и не в просьбе было дело. Хаяси должен был умереть на моих глазах. Мой товарищ, единственный близкий человек на чужбине.

— Нет!

Хаяси посмотрел на меня с удивлением и обидой. Он расценил мое «нет» как предательство, как измену клятве. Невысказанной клятве: в настоящей дружбе не клянутся, она где-то в душе. У нее нет слов. Только — чувство.

— Ты отказываешься? — грустно произнес он. — Ты, Мори? Я взял его руку и сжал ее:

— Да... отказываюсь. Я не могу быть свидетелем того, чего не понимаю и что задержну пологом.

— Надо приподнять полог? — усомнился в искренности моего желания Хаяси.

— Может быть...

— И тогда ты решишься?

Он обвинил меня в малодушии и даже трусости, как мне показалось. Я не предполагал, что это лишь дружеское предостережение.

— Да, — как можно тверже произнес я: пусть не думает, что товарищ его трус.

— Вместо одной ты предлагаешь принести небу две жертвы?

— Слишком много пояснений, дорогой Хаяси, — бросил я вызов. — Можно подумать, что за твоим пологом сама преисподняя.

— Ты же знаешь, по соседству с храмом всегда живет дьявол.

— И все же люди ходят в храм.

Видя, что меня не переубедить, вернее, не сломить моего упрямства, Идзитури прибег к угрозе:

— Я оказался на той самой скале, потому что случайно прикоснулся к тайне, даже не прикоснулся — она коснулась меня сама, без моего желания. Теперь я должен толкнуть ее к тебе, сделать своего друга несчастным. Ты требуешь этого?

Конечно, я не этого требовал. Несчастье не украсило еще ни одну жизнь, и никто не протягивал руку, чтобы в нее положили в виде милостыни горсть страданий. Я хотел разделить боль друга, остановить камень, брошенный в него. Если бы даже камень этот поранил меня.

— Требую! — сказал я. Не так твердо, как в первый раз, и не так громко, но все же сказал. И Хаяси, должно быть, почувствовал уверенность в моем тоне.

Он поднялся с дивана и прошел к окну. Мне подумалось, что Хаяси проверяет, нет ли кого у стены, или хочет поправить занавеску. Я ошибся. Ни того ни другого он не сделал. Его больше не интересовало чужое любопытство. Он, кажется, забыл об опасности.

Около самого окна Хаяси повернулся и стал прохаживаться по комнате. Руки его переплелись на затылке, словно бы поддерживали голову или унимали боль. Боль, наверное, была...

— Мори, — произнес он тихо, как бы издавека и с каким-то чувством, — ты должен простить меня. Мне казалось, что я один... Теперь мне легче.

Я не отозвался. Не хотел спугивать павшую на Хаяси решимость.

— Теперь я могу откинуть полог...

Из Токио зашифрованной телеграммой сообщили, что некая М., находящаяся на лечении в Карлсбаде, встретила советником японского посольства и просила установить связь с ее мужем в Благовещенске. Второй отдел генштаба, учитывая необычность и важность этой просьбы, поручал секретной службе штаба Квантунской армии через агентурную сеть установить контакт с мужем госпожи М.

Привлекать к операции агентуру было рискованно: вдруг это провокация и надежные, осевшие в Благовещенске люди окажутся раскрытыми? Поэтому задачу возложили на японское консульство. Там тоже сидели разведчики. Встреча состоялась, и второй отдел получил необходимое подтверждение. Муж госпожи М., находящейся на лечении в Карлсбаде, выразил желание перейти границу с секретными документами. Для осуществления этой акции была создана оперативная группа. Ее возглавил полковник Янагита. Одним из оператив-

ных членов группы стал Идзитуро Хаяси, молодой сотрудник отдела.

25 июля 1938 года группа выехала к границе для встречи перебежчика. Заставу привели в боевую готовность. Наряды пограничников отвели за контрольную полосу и разоружили, чтобы по наивности кто-либо не открыл огонь во время проведения операции. Штабную машину укрыли в небольшом леске возле заставы.

На рассвете 26 июля группа стала на вахту. Четыре бинокля взяли под прицел небольшую проселочную дорогу, пролежавшую по ту сторону границы. В десять утра должен был появиться перебежчик. Но десять — это ориентировочный срок. Человек мог прийти раньше и мог опоздать — граница живет своими законами, которые, увы, подвластны случайностям.

В десять он не появился. Не было его и в одиннадцать, и в двенадцать. Янагита начал нервничать. Потребовал, чтобы связались с отделом по телефону и выяснили, не поступило ли какое распоряжение о перенесении срока или перемене места встречи. Отдел ответил: не поступило. Тогда Янагита заподозрил обман со стороны самого «гостя»: передумал или струсил. Он вылез из машины и принялся кружить по леску. Прошел еще час. Не спавшие ночь офицеры с трудом одолевали дрему. Шофер уже посапывал, положив голову прямо на баранку. В начале второго сонную идиллию нарушил рокот мотора. По дороге, что пролегала за линией границы, бежал крытый брезентовый автомобиль. Бежал торопливо, не собираясь задерживаться у невысокой сосны, обозначенной в схеме операции как ориентир. Здесь для «гостя» было открыто «окно».

Янагита навел на машину бинокль и стал следить за ней. Слева сидел какой-то военный в форме командира, кто был вторым, полковник не разглядел — водитель заслонял его лицо. Машина пролетела на большой скорости мимо сосны и исчезла за сопкой. Янагита разочарованно опустил бинокль и снова принялся кружить по леску.

Минут через пятнадцать тот же мотор затарахтел над сопками — машина шла уже в противоположном направлении. Скорость была сбавлена. Около сосны движение совсем замедлилось, и машина встала. Из нее вышли двое: невысокий коренастый мужчина в полувоенной фуражке — он сидел за рулем — и второй, повыше, тонкий, без головного убора, с полевой сумкой через плечо. Второй обошел автомобиль, отстегнул крышку сумки, вынул листок бумаги, поставил ногу на ступеньку и, используя колено как столик, написал что-то короткое. Несколько минут ушло у него на всю эту процедуру. Первый, прислонясь к капоту машины, ждал. Курил. Второй сложил листок и подал первому. Тот, не глядя, положил записку в карман кителя, сел за руль и дал газ. Машина понеслась по дороге, поднимая тучи пыли.

У сосны остался человек с полевой сумкой.

— Приготовиться! — скомандовал Янагита. — Ни в коем случае не применять оружие. Если даже это провокация.

Он сел в штабную машину рядом с шофером. Жестом указал, куда ехать. Машина развернулась, обогнула заросли кустарника и, покачиваясь на выбоинках и бугорках, двинулась к контрольной полосе.

Человек с полевой сумкой продолжал стоять у сосны. Он почему-то медлил. То ли не знал, кто в машине и куда она направляется, то ли ждал чего-то.

Это был он, перебежчик. Приметы совпадали: сухошавый, с копной черных волос на круглой голове, с маленькими усиками под самыми ноздрями. Он чем-то напоминал популярного артиста кино.

Машина шла уже вдоль контрольной полосы к узкому просвету, что светлел между вспаханнами участками. Шофер вел ее на малых оборотах, подчиняясь руке Янагиты. Взгляд Янагиты в это время был прикован к человеку с сумкой, фиксировал каждое его движение. И остальные офицеры смотрели на перебежчика. Чего-то ждали от него или чему-то удивлялись. Может быть, выдержке, с которой тот осуществлял свой план.

Надо было бежать. Оторвать себя разом от чужой земли — она была ему уже чужая, если он решился на измену. Почему-то никто не подумал о чувствах, способных жить в этом человеке. Все-таки он расставался с прошлым и даже настоящим, с тем, что называется отчизной. А они не думали об этом. Не предполагали даже такое. И были правы, возможно. Повернуть назад он не мог. Жена его в этот час попросила убежища в японском посольстве, и, если бы он вернулся, ей предстояло одной поехать в Токио. Поехать, но не доехать. Посол сегодня же получил бы предписание — лишить госпожу М. убежища и публично объявить об этом. Остальное для нее и для него развернулось бы по логической схеме: попытка измены уже измена. А судьба предателя одинакова во всем мире.

Он не повернул. Но он медлил. И Янагита не понимал, почему это делается. Рука его по-прежнему лежала на локте шофера и сдерживала движение машины. Нервы полковника сдавали. Каждую минуту на участке могли появиться советские пограничники и пресечь акцию. Они могли стрелять, пока перебежчик находился на их территории. Могли убить его. А труп, если бы даже он оказался на маньчжурской земле, не нужен никому. Труп всего лишь труп.

Идзитуро Хаяси рассматривал перебежчика в бинокль. Какими бывают предатели? Не потом, когда освоятся на новом месте, приобретут типичный облик эмигранта, растворятся в массе им подобных. А сейчас, в минуту измены. Перед последним шагом.

Не похожи ли на смертника, идущего к эшафоту?

Нет. Перебежчик был спокоен. Издали, во всяком случае, так казалось. Не суетился, не совершал нелепых поступков.

Стоял и смотрел, как двигалась вдоль контрольной полосы штабная машина. Не торопил ее знаками. Или был чертовски выдержан или слишком уверен в себе, в своем будущем.

Потом только Идзитура понял, что человек с сумкой ждал момента, когда машина подойдет к условной линии и риск попасть под выстрелы сократится до минимума.

Машина свернула в просвет и двинулась прямо на перебежчика. Казалось, она пересечет ту самую линию, что прочертил мысленно человек с сумкой, и окажется на советской территории. Этого не случилось. Машина встала в каком-то метре от черты, и Янагита распахнул дверцу. Наверное, так было оговорено. Или полковник просто напомнил о необходимости действия. Теперь пора было бежать. Человек с сумкой должен был пригнуться, вобрать голову в плечи и помчаться что есть духу на ту сторону. А он застегнул спокойно сумку, поправил на плече ремень, оглянулся, чтобы удостовериться, нет ли кого поблизости, и, убедившись, что один на дороге, неторопливо пошел к машине.

Это было удивительно. Янагита повел плечами, пораженный такой выдержкой.

Через какие-то секунды линия была пересечена. Человек с сумкой остановился у машины, молча вынул из кармана платок и вытер лоб. Лицо его было бледным до синевы. И губы дрожали. Он пережил все, что переживает смертник.

Полковник протянул ему руку. Сказал по-русски:

— Здравствуйте, Маратов!

Перебежчик кивнул и попытался улыбнуться. Улыбки не получилось. Губы как-то мучительно скривились, и офицеры услышали нервный шепот:

— Еще бы минуту...

Когда группа отъезжала от контрольной полосы, на той стороне показалась машина, крытая брезентом, та самая, что доставила перебежчика. Она резко затормозила у сосны. Из кабины выскочил человек в полувоенной фуражке. Растерянный и испуганный, он оглядел дорогу, отыскивая, видимо, своего приятеля, и тут наткнулся на убегающий в лесок японский штабной лимузин.

— Стой! — закричал он истошно. — Стой, тебе говорят!

Лимузин, конечно, не остановился. Да и зачем было ему останавливаться, когда весь смысл происходящего заключался в том, чтобы скрыться поскорее, унося похищенное на границе?

Тогда человек в полувоенной фуражке выхватил из кобуры наган и в порыве отчаяния выстрелил. Раз, другой. В воздух, естественно. Понимал человек: пуля, упавшая на ту сторону, сотворит зло не тем, кто бежал сейчас в лес, а тем, кто охраняет границу у сосны. Провокацией назовут выстрел

и обольют грязью советских воинов. Прокричат на весь мир об угрозе с Севера.

И человек только выплеснул огнем нагана свое отчаяние. Потом он вернулся к машине, уронил голову на капот мотора и застыл так. Может быть, он плакал, а может, черно, не выбирая слов, ругался...

Первый допрос Маратова состоялся в этот же день, вернее, в эту же ночь в штабе Квантунской армии. Допрос называли секретным совещанием. Наверное, это и было совещание, потому что на нем присутствовали начальник штаба и его заместитель. Идзитуро Хаяси выполнял роль переводчика. Русским языком владели почти все присутствовавшие, но их познания не были так глубоки, чтобы разговаривать свободно с перебежчиком.

На столе лежала карта одного из приграничных советских районов, и начальник штаба требовал от Маратова точных сведений о дислокации частей ОКДВА. У начальника штаба был какой-то план, и этот план выверялся с Маратовым. Конечно, перебежчику не выкладывали секретов, но он мог догадаться и наверняка догадался, что готовится какая-то операция с применением танков и артиллерии. Идзитуро Хаяси, переводя вопросы командующего и начальника штаба, например, легко расшифровал задачи совещания и сделал для себя вывод: близка война! Он ошибся лишь в сроках. Ждал в августе — она началась в июле, ровно через три дня.

Идзитуро некогда было приглаждаться к Маратову и анализировать его способности: слишком напряженно шла работа, он едва успевал переводить вопросы и ответы. Но все же какие-то впечатления остались от той ночи. Маратов обладал хорошей памятью, многое знал и легко ориентировался в самых сложных ситуациях. Ум у него был живой, острый. Сбить с мысли каким-либо неожиданным вопросом Маратова никому не удалось. А вот других он сбивал. И это производило впечатление.

Перебежчик всем понравился, и за Маратовым с первого же дня закрепилась репутация мыслящего и, главное, полезного человека. Янагита, присутствовавший на совещании, принимал похвалы, адресованные Маратову, на свой счет: он добыл его, ему принадлежал вроде бы этот полезный человек. Когда командующий отмечал обстоятельный ответ Маратова, Янагита благодарно склонял голову.

Совещание окончилось где-то в четыре часа утра. Янагита попросил Идзитуро Хаяси проводить Маратова до отеля и позаботиться о том, чтобы «гость» хорошо отдохнул.

— С этого часа, — сказал полковник, — вы будете всегда рядом с ним.

Так Идзитуро Хаяси стал тенью Маратова.

Ему хотелось понять человека с усами. Тень иногда любопытна. Задавать вопросы, не связанные с интересами штаба Квантунской армии, неудобно, да и небезопасно. У Маратова слишком внимательные глаза. Он тоже изучает и анализирует. Потом спросит Янагиту: «Меня допрашивают по вашему распоряжению?» Или только с намеком, это у него хорошо получается: «Мой юный друг желает получить образование в русском духе...» И Янагита объяснит Идзитуро его обязанности. Объяснит в приказе, после чего «юного друга» откомандируют в другой город и забудут вернуть.

Он попытался проникнуть внутрь Маратова при закрытых дверях, то есть без вопросов, только приглядываясь, анализируя, строя догадки. Газетная шапка «Маратов: «Я избираю Страну восходящего солнца!» показала ему фальшивой. Конечно, человек с усами избрал Японию, но выбор его был весьма ограничен. Вообще выбора не было. Куда он мог податься из Благовещенска? Не в Австралию же! И не в Америку! О Европе и говорить нечего. Граница пролежала рядом. Появилась возможность бежать. И он побежал.

Итак, Маратов не избирал. Не манили его лазурные берега, не импонировал душевный склад японцев. Когда на второй день начальник штаба Квантунской армии устроил обед в честь «гостя» и приказал обставить комнаты в японском стиле, Маратов отнесся к мебелировке без интереса, он не заметил редких вещей, специально для этого случая принесенных из квартиры командующего. То же самое повторилось и в Токио. Прогулка по Гинзе, посещение театра Кабуки, ужин в обществе гейш не произвели на перебежчика никакого впечатления. Он был далек от Японии, хотя и находился в Японии. Он был вообще человеком без определенных симпатий и привязанностей. Вещи он оценивал с точки зрения их практической целесообразности. И, конечно, стоимости. Дорогое он легко отличал, если даже внешне оно выглядело скромным.

Это огорчило Идзитуро. Обидело почему-то. Он знал, что Маратов перешел границу во имя политических целей, он менял строй. Но где-то в глубине души могла жить симпатия к людям, которых он избрал своими будущими согражданами. Ну за их трудолюбие, ум, наконец, за экзотическую раскосость глаз, такую необычную для европейцев. За что-то...

Существуй такое тепло в душе Маратова, Идзитуро, пожалуй, простил бы ему многое: и голую расчетливость, и эгоизм, и даже вероломство. Последнее если не простил бы, то, во всяком случае, оправдал желанием человека найти свой дом под солнцем. Но тепло душевное никак не обнаруживалось. Возможно, его не было вовсе. Как же тогда жил человек?

А он жил. Не любя, не пытаясь понять окружавшее его, не утруждая сердце сочувствием к чужой боли, он шел вместе со всеми по дороге. не знакомой ему и, в общем-то, не нужной.

Она была удобной, и все. Этого оказалось достаточно для Маратова.

«Зачем ты пришел к нам? — спрашивал мысленно перебежчика Идзитуро. — Или не пришел, а просто зашел, чтобы, передохнув, пойти дальше. Куда? Есть ли земля, которую ты назовешь своей?»

Были ли у Маратова идеалы? Этого не знал Идзитуро. Перебежчик часто говорил о каком-то политическом учении и называл себя троцкистом. Что исповедовали люди, принявшие это учение, к какой цели они шли? Существовал ли бог, свой, особенный, вечный, которому они молились? И где он находился: на небе или в земле? Идзитуро, слушая Маратова, почему-то рисовал себе темный лабиринт без конца и без надежды. Выйти к солнцу из него нельзя было. А Маратов шел...

Возможно, Идзитуро был так требователен к Маратову, потому что не любил его. Не принимал его сердцем, так же как Маратов не принимал сердцем соплеменников Идзитуро. Они были чужими.

Иногда Идзитуро ловил взгляд Маратова, остановившийся на японском лице. Что-то насмешливое, пренебрежительное было в этом взгляде и, главное, печальное. Печаль разочарования или сожаления. Может быть, даже досады. За себя, за необходимость брать хлеб из рук японцев, служить им. Прозвучало даже раздражение. Это когда Квантунская армия оставила озеро Хасан, откатилась под ударами советских войск. Начальник штаба изобразил отступление как тактический ход и преподнес его Маратову. Тот скривился:

— Я так и понял...

Как хлестнул Идзитуро этот ответ! Маратов отказывал японцам в талантливости.

На Новый год, который отмечали в чудесном местечке близ Камакуры, офицеры пригласили Маратова. Штабному начальству хотелось познакомить перебежчика с японскими обычаями. В двенадцать часов раздался первый удар храмового колокола, и все благоговейно смолкли. Ударов должно было быть сто восемь, последний, сто восьмой, извещал об окончании старого года и исчезновении всех неприятностей прошлого. Это были торжественные, возвышенные минуты. И вот где-то на двадцатом ударе Маратов зевнул. Скучно, уныло, опоганивая чувства людей. Заметил ли кто это оскорбительное проявление равнодушия, Идзитуро не знал, но он заметил, и ему стало не по себе.

Сто восемь ударов храмового колокола запомнились навсегда. Особенно тот, двадцатый...

Как-то Идзитуро спросил Маратова:

— А что с тем человеком?

Маратов не понял:

— С каким человеком?
— Что вернулся на машине к сосне... Его судили?
— Надо полагать.
— Кто он вам — друг, родственник?
— Подчиненный.
— Он умер?
— Не думаю. Тюрьма всего лишь.
— Но он же невиновен?
— Какое это имеет значение? Ветер сбивает с ног тех, кто нетвердо стоит или не видит, откуда налетает вихрь.

Идзитуро тоже не видел, откуда налетает вихрь. Он просто не предполагал о его существовании. Он был наивен.

Последний разговор произошел в загородном особняке Янагиты. У генерал-майора (в тридцать девятом году Янагите присвоили новый чин) был для конфиденциальных встреч такой особняк. Что-то вроде дачи в японском стиле. Здесь он принимал гостей, с которыми не следовало показываться на людях, — штаб-квартира и даже отель всегда у кого-нибудь на примете, а здесь полная изоляция.

Последнее время Маратов для бесед с генералом приезжал только на дачу. Он был важным лицом и претендовал на внимание и почет. Главное, он был нужным лицом. Токио отпустил Маратова в Маньчжурию лишь после настоятельных просьб штаба Квантунской армии. С Янагитой он держался на равных и разрешал себе иногда даже подтрунивать над шефом маньчжурской секретной службы.

В тот день они обсуждали план заброски диверсионных групп в Приамурье. Второй отдел намечал цикл таких ударов по советскому тылу с помощью эмигрантских организаций. Разведшколы готовили в различных городах группы подрывников и террористов, которые должны были дезорганизовать работу транспорта, связи, обезглавить советские и партийные органы. Янагите хотелось узнать у Маратова, насколько крепок советский тыл и какие средства защиты против диверсий там существуют. Проще говоря, он искал уязвимые места, и места эти должен был указать Маратов.

— Назовите мне пункты высадки групп и схему движения по территории! — потребовал перебежчик.

— Ориентировочно?

— Нет, точно. В противном случае я не смогу назвать препятствия, с которыми столкнутся группы в том или ином месте.

Это требование ущемляло как-то Янагиту, и он сразу принял оборонительную позу:

— Хорошо... Я покажу на карте маршрут и назову цель. Но тогда вы будете ответственны за безопасность операции.

— Ответственность за безопасность операции лежит на том, кто ее разработал. Я же призван только оценивать ее.

Янагита вспыхнул. Его умение думать и действовать стало вроде бы под сомнение.

— Предоставьте нам эту возможность оценивать, — осадил «гостя» генерал. — Нам по силам такая миссия. От вас же требуется консультация...

— Беспредметная..

Маратов не желал сдаваться и имел на это какое-то основание. И поддержка, видимо, была там, в Токио. Развалившись в кресле, он свысока смотрел на Янагиту. Много воды утекло за год, Маратов был уже не тот, которого Янагита подобрал на границе. Он сам, кажется, способен был «подобрать» шефа секретной службы в критический момент. Генерал понял это.

— Вот схема. — Он протянул карту с нанесенными на ней синим и красным карандашами линиями движения групп. Синие линии — к цели, красные — от цели.

— Одно направление. — бросил коротко Маратов.

— Что?

— Красные стрелки можете перечеркнуть. Отхода не будет. Некому будет отходить. — Маратов взял со стола карандаш и жирными кругами обвел конечные пункты: — Здесь — кольцо. Перестреляют, как зайцев. Первый поселок, который им встретится, зафиксирует движение, и группу уже встретят, вернее, отрежут от границы. Они, сами того не зная, будут втягиваться в мешок. Останется только завязать его.

Циничный тон, которым Маратов излагал итоги операции, оскорбил Янагиту. Он, конечно, понимал, что перебежчик прав. Наверное, прав, хотя правота ничем не доказывалась, только утверждалась. Но признать чужую правоту, значит, расписаться в собственной беспомощности.

— Схема опробована. — заметил Янагита.

— Покойниками? — Маратов позволил себе хихикнуть. Это было уже слишком.

Янагита взорвался.

— Что?! — почти крикнул он. Первая нота прозвучала очень высоко, вторая — ниже, третья — совсем низко. В одном слове отразилась борьба генерала с самим собой. Дав поначалу волю чувствам, он тут же приглушил их. Нельзя было перед Маратовым показывать свою слабость.

Но упущенное не вернешь. Маратов все понял и отметил про себя, что спокойствие хозяина показное, он с трудом владеет собой. Не больно хорошо, видно, идут его дела с засылкой диверсантов. Но беречь чужую рану не стал — рискованно. Стер с лица ехидную улыбку и нарисовал что-то схожее с огорчением и сочувствием. В глазах, однако, продолжала искриться насмешка.

— Вы же помните, как закончила свой путь группа Радзаевского... Остался жить только тот, кто поднял руки.

— Не только... — Янагита подавил гнев и уже спокойно реагировал на колкие слова Маратова. Может, и не подавил, а лишь упрятал поглубже, чтобы собеседник не замечал раздражения. — Кому нужно было, тот остался жить...

— За колючей проволокой. — снова не удержался от насмешки Маратов.

— За стенами штаба Дальневосточной армии!

Гнев, оказывается, не угас и не слишком глубоко был, видно, припрятан, иначе не загорелся бы снова так быстро Янагита и не бросил бы в отместку Маратову эту фразу. Одним ударом сразить хотел собеседника.

— За стенами? — переспросил Маратов.

— Да, за стенами... У самых сейфов, которые так старательно охраняются!

Не сразил. Не так-то легко было повалить Маратова. Слишком много знал этот перебежчик. Впрочем, на его осведомленность и рассчитывал Янагита, произнося свою загадочную фразу.

Короткое замешательство. Генерал, кажется, попал в цель. Маратов бросился на поиск информатора, пробравшегося в штаб ОКДВА. Бесплодный поиск. Бесплодный поиск. Агент был слишком хорошо законспирирован, даже японцы не знали его настоящего имени.

Не без удовольствия следил Янагита за поиском Маратова. Теперь настал его черед смеяться над собеседником: «Ну, каково быть в положении поверженного?»

— Не Большого ли Корреспондента вы имеете в виду? — спросил Маратов. В самом вопросе уже прозвучала какая-то ирония. Недозволенная ирония. «Большой Корреспондент» — одна из великих акций японской секретной службы. Два эти слова должны произноситься с благоговением.

— Да, Большого Корреспондента, — торжественно повторил Янагита. Он был на высоте и оттуда, с высоты, смотрел на побежденного Маратова.

— Что ж...

Неопределенно прозвучало это «что ж». Вроде бы признавал Маратов успех Янагиты и самой секретной службы и вместе с тем сомневался в чем-то и этим сомнением как бы умалял значение успеха. Опускал Большого Корреспондента на ступеньку ниже, а может, и вообще снимал с той лестницы, на вершину которой вознес его Янагита.

Могло и другое побудить Маратова произнести это многозначительное и настораживающее «что ж». Боязнь сокрушить самого Янагиту. Не агента секретной службы Японии, а одного из руководителей этой секретной службы, заместителя начальника второго отдела штаба Квантунской армии. На самой

кромке обрыва стоял Янагита, и надо было лишь толкнуть его, чтобы с криком ужаса полетел он в бездну.

Янагита почувствовал себя на кромке. Слишком стремительный взлет всегда близок к критической грани, за которой уже не устремление вверх, а падение. Такое же стремительное. И тем более опасен этот предел. Внизу бездна. Янагита знал о ее существовании, но никогда не вглядывался в беспредельную пустоту, не видел себя падающим. И вот перебежчик понудил его к этому своим неопределенным «что ж».

Но прежде всего надо было убедиться, что Маратов искренен, что тут честная игра, а не тактическая уловка, желание посеять сомнение в душе Янагиты, убить радость победы. Весь разговор сегодня — хождение по шипам. И шипы ставит Маратов. Он ухмыляется, когда его собеседник натывается на острые иглы.

Вот это-то и ожесточило Янагиту. Он пренебрег опасностью, забыл о кромке, на которой остановил его Маратов, остановил загадочностью фразы. Ринулся по этим шипам, чтобы скорее одолеть колючую, наносящую боль полосу.

— Вот именно — «что ж»! Мы достигаем цели, когда это необходимо...

— Реальной цели? — не то спросил, не то уточнил Маратов.

— Ощутимой... Большой Корреспондент вскрыл русские сейфы!

— Ему было легко это сделать, — опять усмехнулся Маратов и тем наконец столкнул собеседника с кромки.

Кажется, зашумела под ногами Янагиты осыпь. Но он не понял этого.

— Большой Корреспондент — важное лицо в штабе Дальневосточной армии...

Маратов откинулся на спинку кресла и захохотал.

Вот тут Янагита понял, что падает. Он попытался уцепиться руками за выступы обрыва, но выступов не было. Не было ничего, способного остановить падение.

— Ваш Большой Корреспондент...

Для полного уничтожения Янагиты, для разрушения величественного изваяния Большого Корреспондента Маратов назвал известную фамилию. Колосс японской разведки медленно рассыпался.

— Выйдите, капитан! — закричал Янагита.

Идзитуру Хаяси был в комнате. Он не мог не быть здесь. Он — тень Маратова. И вот Янагита отрывал эту тень.

— Сейчас же выйдите!

Идзитуру встал — он сидел в углу под желтым японским фонариком, выполнявшим роль торшера, и просматривал журналы, — встал и пошел к двери, бледный, отрешенный, испуганный. Путь в несколько шагов был долгим, мучительно долгим и для Идзитуру, и для Янагиты.

За дверью Идзитуро остановился, обхватил голову руками и зашептал:

— Что же теперь будет?... Что будет?

В номере отеля, куда Идзитуро привез ночью своего подопечного — тень оставалась тенью, — Маратов сказал:

— Забудьте, друг мой, что слышали сегодня в доме Янагиты... Я пошутил... Пришла в голову шальная мысль позлить новоспеченного генерал-майора.

Идзитуро молчал. Он не знал, как отнестись к словам перебежчика. Ему все еще было страшно.

— Вы еще молоды, — добавил Маратов, — и мне не хотелось бы видеть вас несчастным... Заставьте себя позабыть все...

Идзитуро кивнул. Это было признание собственной обреченности.

— Обещайте! — попросил Маратов.

— Хорошо.

Через два дня Маратов вернулся в Токио. Один. Капитана Идзитуро Хаяси впервые оставили в Харбине. Не по его просьбе. Ему нашлась срочная работа: подготовка диверсионной группы к выброске на левый берег Амура. Группу готовили на окраине Харбина в лагере «Хогоин», который официально именовался «Научно-исследовательским отделом». Шесть человек должны были перейти государственную границу в районе маньчжурского погранпоста, что в шести километрах северо-западнее селения Раддэ, и углубиться на советскую территорию. Пятеро диверсантов — из эмигрантского отряда «Бункай», шестой — Идзитуро Хаяси. До этого японских инструкторов не бросали за кордон. Они лишь готовили группу и иногда сопровождали до пограничной полосы. Впервые инструктор переступал рубеж. И им оказался Идзитуро.

Объяснений не требовалось. Да никто и не собирался давать их. Надо уметь самому делать выводы. И Идзитуро сделал.

— Ну вот, полог откинут, — закончил Хаяси свой печальный рассказ. — Ты увидел тайну, которая принадлежала всего трем людям. Теперь нас четверо.

Четверо! Простая смена цифр. Для арифметической задачи требуется лишь крестик после тройки, и за знаком равенства появится новое число. Если бы так было и после нашей встречи с Идзитуро. До знака равенства стояли числа, связанные с тайной, а после него — жертвы.

Мы молчали.

За стеной стихали звуки города, погруженного в темноту ночи. Харбин засыпал.

— Прости меня, — сказал Хаяси после долгой безмолвной минуты. — Моего мужества оказалось мало для испытания. Я побоялся остаться один на один с несчастьем...

Это были последние слова Хаяси. Он больше не просил меня стать секундантом. Простое, человеческое победило в нем офицера разведки. Наверное, оно побеждало не раз...

И все же ему было стыдно. Он закрыл лицо руками и так застыл перед окном. В темноте. Я не видел его лица, а ему казалось, что оно освещено...

— Вы сказали: «Не знаю, стоило ли мне умирать из-за какого-то резидента, как умер мой друг Идзитуро Хаяси. Наверное, не стоило...» Он умер?

— Группа не вернулась с операции. В ее задачу входило спровоцировать инцидент в районе полицейского поста 207. На другой день газеты сообщили о нарушении советскими вооруженными силами маньчжурской границы. Диверсанты из отряда «Бункай» были одеты в красноармейскую форму и легли под пулями наших же пограничников. Мне потом сказали, что боя и не было. Группу просто расстреляли из пулеметов, когда она возвращалась на свой берег. Так было задумано. Вот этого Идзитуро не знал...

Мне бы хотелось, чтобы время сохранило память о моем друге. Наивное желание, не правда ли? Великое само утверждает себя в веках. Рожденные героями бессмертны. Даже если след, оставленный ими, окрашен кровью. Идзитуро был голышом солдатом, японским солдатом. Умри он в бою с врагом, боги вознесли бы его на небо. Но его убили свои. Братья! Не знаю, к какому перечню благодеяний отнесена такая жертва. Видимо, ни к какому.

Или это глупая смерть. Хаяси наступил босыми ногами на змею. Может ребенок наступить на змею или взять ее в руки? В росной траве — а жизнь иногда схожа с росной травой, зеленой и нежной, — мы не видим ничего, кроме буйства весны. И вдруг — яд! Если бы ноги наши не были босы. Если бы! Но пройти через жизнь, ни разу не обнажив себя, не дав телу насладиться радостью общения с весной! Кто способен на это?

Кому отдана жизнь? Богине солнца Аматаэрасу? Силам, творящим свет и красоту мира? Мне хотелось думать, что смерть Хаяси была продиктована высшей необходимостью. Только какой? Камень, устилающий дорогу, дает возможность идти вперед, достигать цели. Идзитуро стал камнем дороги будущего. Это прекрасно!

Так я думал как японец. Изменить себя мы не вправе, иначе перестанем быть солдатами императора. А мы рождены ими.

Счастье в том, чтобы не сомневаться в собственных убеждениях. А я стал сомневаться. Сомнения принес Янагита. Как ни пытался я закрыть перед ним дверь, ничего не помогало.

Он проник, а может быть, и не проник, а находился внутри и время от времени давал о себе знать. Как умный ястреб, Янагита прятал свои когти. Лишь иногда они обнажались, чтобы вонзиться в жертву.

Как-то я подумал: не этому ли богу отдана жизнь моего друга? Кто же такой Янагита? Почему он требует жертв? На чей алтарь они кладутся? Его ли только или самой Аматаэрасу? Он посредник между людьми и небом.

Высокое сравнение, не правда ли? Оно может показаться даже кощунственным, если верить в небо и считать его обителью богов. Но когда видишь, что Янагита неуязвим, Янагита вечен, а сам ты беззащитен и смертен, ты фонарь на ветру, который можно легко задуть, кощунственное отбрасывается. Свет Хаяси именно так померк на великом ветру. Мне хочется, чтобы друг мой, умирая, был убежден в этом. Проще расставаться с жизнью, видя себя хотя бы песчинкой в вихре событий. Горе, если Хаяси в последнюю минуту отверг великое и понял, как понял позже я, что не было над нами неба. Не во имя ясной синевы его мы погибли. Пулеметная очередь, пронизавшая всех шестерых, могла отрезвить его... В последнюю минуту. Горестно, если так...

— Он, кажется, намеревался покончить с собой... Правильно я понял смысл вашего разговора с Идзитуро Хаяси на конспиративной квартире?

— Это было бы протестом — наложить на себя руки.

— Протест — итог раздумий. Что-то, значит, изменилось в представлениях вашего друга о пути, которым он шел.

— Ничего не изменилось. Хаяси обвинил себя в невольном прикосновении к тайне и избрал смерть как наказание за эту оплошность.

— Фанатическая убежденность в непогрешимости господина?

— Да.

— Печальный пример... Впрочем, вы, кажется, относите это к отличительному качеству японского разведчика. Особый тип офицера секретной службы — так вы называли его?

— Почти...

— А как же быть с вашими сомнениями?

— Я — плохой разведчик... Я уже признался в этом вначале.

— Разрешите не согласиться с вами, господин Сигэки. То, что вы разгадали необычность Сунгарийца, свидетельствует как раз о противном...

— Сомнения родились помимо моей воли. Не особенно-то хотелось вступать в конфликт с господином, как вы называли Янагиту, и навлекать на себя его гнев. К тому же он мог оказаться не один. Несколько господ... Много...

— Сомнения могли родиться и у Идзитуро, и тоже помимо его воли.

— Для этого ему нужно было дожить до 20 августа.

— Не так уж много... Несколько лет.

— Несколько лет — это целый век, если говорить о событиях. Великий взлет и великое падение!

— Не думаю, чтобы в вашем прозрении главную роль сыграли эти события. Пять человек, посвященных в тайну, — вот круг, из которого вы пытались выйти. Трагический круг. В нем все решалось. Смерть Идзитуро — начало пути к сомнениям.

— Нет, не начало. Сострадание не способно пробудить протест, оно вызывает лишь скорбь и отчаяние.

— Разве вы, думая о друге, не задавали себе вопрос: «Зачем?»

— Не помню... Наверное, не задавал. Да и надо ли было его задавать? Ответ давно известен — высшая необходимость.

— А мне кажется, душевная боль — начало размышлений о причинах страданий человека.

— Если они известны, нет надобности искать новые. О тайне я, верно, думал. Но пока без сомнений. Вопрос «зачем?» возникал, по-видимому, но он относился к тайне. Во имя чего оберегается она? Что в ней? Это было только любопытство. И еще — страх. Когда притрагиваешься к неведомому, сердце сковывает холод.

— И всё же вы притронулись?

— Меня каждый раз подталкивал Янагита. Идзитуро оказался случайным свидетелем разговора о Сунгарийце и Большом Корреспонденте и тем ввел себя в роковой круг. Я оказался в нем по желанию шефа. Помните мои заключения в Сахалине? В тот вечер я следил за Сунгарийцем. Вместе с маршрутом гостя с левого берега я принес Янагите имя его спутницы — официантки международного ресторана. Через два месяца после гибели Идзитуро Хаяси шеф предложил мне отыскать Катьку-Заложницу и ликвидировать ее. Вот когда вопрос «зачем?» стал донимать меня. Я соединил смерть друга с приговором Кате, или, как она звалась по-настоящему, Любови Шелуновой. «Способ изберите сами, — сказал Янагита, — только будьте осторожны — она красива».

Янагита мог дать распоряжение о ликвидации Кати-Заложницы той же военной миссии, как сделал это с Маратовым, но почему-то не воспользовался такой возможностью. Он считал, что я плохо знаю официантку или совсем не знаю, и потому предостерег об опасности...

Не смотрите на меня так, я не убивал официантку. Нет-нет! Я не смог бы это сделать. Вы понимаете? Никогда бы не смог...

— Но приказ!..

— Приказ был выполнен... Не важно как, но выполнен. Агент Комуцубары перестал существовать...

Да, Янагита считал, что я не знаю Любви Шелуновой. Его ввели в заблуждение мои недоуменные вопросы и та ошибка с опознанием спутницы Сунгарийца, которую я принес ему ночью в номер отеля. Что ж, на какое-то время это избавило меня от преследований шефа.

Вначале я только присматривался к Кате как сотрудник второго отдела и иногда как посетитель ресторана «Бомонд». Первое было запретным. Не полагалось офицеру разведки интересоваться чужим агентом, тем более агентом своего начальника. Второе даже поощрялось, поскольку симпатии сотрудника секретной службы не выходили за пределы самой секретной службы. Я почему-то отдавал предпочтение запретному, то ли в силу своей склонности к психологическим анализам и, следовательно, к поискам ответа на всевозможные «почему?» и «зачем?», то ли из желания делать все наоборот — дух противоречия живет во мне с детских лет. Всегда мне хотелось возразить другим, и, даже соглашаясь (бывает так, что нельзя не согласиться), свой ответ я начинал со слова «нет». Что-то, в общем, заставляло меня шагать по запретной тропе.

Конечно, никто не видел меня на ней — я приходил в «Бомонд» как самый обыкновенный посетитель. Вопросов Кате не задавал, даже не садился за ее стол. Любопытство мое удовлетворяли завсегдатаи ресторана, эмигранты-офицеры, сгвадтавшие за честь ответить на вопрос японца, заданный к тому же на русском языке. Это был осведомленный народ. У некоторых запас всяких историй был настолько велик, что вызывал постоянную потребность излить его, облегчить свою душу.

От завсегдатаев «Бомонда» я узнал о существовании второго имени у Кати — Заложница! Они растолковали и смысл его. А вот имени человека, продавшего Катю хозяину «Бомонда», не помнили. Это не мешало им, однако, смело фантазировать и присваивать «торговцу живым товаром» титулы и чины. Кто утверждал, что покровителем Кати был граф Смолич, кто — князь Беспалов. Назывались и другие князья и графы. Баронов, правда, не было. Где они сейчас, эти князья и графы, словоохотливые завсегдатаи сказать затруднялись. Или слабо знали географию, или у них не хватало воображения. Но то, что покровители исчезли именно в ту ночь, когда получили деньги за Катю, подтверждали все без исключения.

Со свойственным мне упрямством я доискивался до истины: куда же все-таки девались покровители Кати? В каком хотя бы направлении исчезли? Вопрос заставлял моих собеседников пожимать плечами. Кое-кто кивал неопределенно, но не на север. Север почему-то исключался. Запад — тоже. Что-то вроде юго-востока. Один произнес твердо: «В Австралии он!» Почему в Австралии? Многозначительно поднятые брови, как многоточие, уводили в туманную неизвестность. Австралия не

объяснялась. Все далекое необъяснимо, иначе оно перестанет быть загадочным. Назвавший Австралию просто высказал предположение о судьбе эмигранта, которому вдруг повезло — он добыл деньги. А где их истратить, как не в барах полуамериканского пятого материка? Назвавший сам охотно продал бы Катю, приведись такая возможность, и подался бы от этой горькой и смрадной жизни на край света, за океан, на какой-нибудь коралловый риф...

Спустя год, а может, и больше в том же самом «Бомонде» я разговорился с совершенно незнакомым мне человеком. Очень странным человеком. Он был совершенно лыс и гол лицом — ни единого волоса, если не считать седых, весьма пышных бровей. Но не в лысине и не в бровях была его странность. И даже не в удивительной округлости всех черт — шарообразный лоб, яблоковидные щеки, блюдецеподобный подбородок. Он ничего не ел, только пил. Вот в чем была его странность. Пил короткими и редкими глотками, смакуя вино и поглядывая на посетителей. Увидев Катю, он сказал в пустоту, ни к кому не обращаясь:

— Дочь холуистствует, а отец проматывает деньги в карты...

Это было что-то новое и, главное, совсем невыдуманное. Страшно похожее на правду. Я спросил:

— У нее есть отец?

Круглый человек оказался колким:

— У кого нет отца! Увы, все от какого-то происходят...

Мой вопрос прозвучал глупо, я понял это и стушевался:

— Я хотел спросить: ее отец жив?

— Да. Этого пройдоху ничто не берёт. Боюсь, что уже не успею бросить горсть земли в его могилу.

«Колет, не щадя никого, — отметил я про себя. — И похоже, что колет в уязвимое место».

— Если бы даже успели, — заимствовал я у лысого насмешливый тон, — трудно, находясь в Харбине, бросить горсть земли в могилу где-то в Австралии.

— В Австралии?! Ха-ха! — скривил губы лысый. — Австралийским кенгуру явно повезло. Он в Дайрене, всего лишь в Дайрене. А до Дайрена я как-нибудь доберусь на своих больных ногах. Ради такого случая можно пренебречь даже подагрой.

Не любил Катиного отца лысый.

— Удивительно, — признался я. — А мне говорили, что ее отец или жених, не помню уж, сбежал куда-то за океан. Продав дочь и сбежал.

— Продав, верно. Он не то что дочь, душу черту продаст, лишь бы денюжки, золотишко... А вот бежать ему незачем. От кого бежать? Они с племянником тут хозяева.

Лысый интриговал меня своими неожиданными открытиями. О каких-то важных лицах, известных в Маньчжурии, говорил он.

— И не вспоминает о дочери? — выразил я недоумение и тем попытался приблизить лысого к именам этих лиц.

— У него этих дочерей! По всему Приморью... Генерал от бабьих юбок... В одних исподниках драпал от красных... С какой-то печи сташил его ординарец, а то бы так голоштаным и попал в ЧК.

— Здесь он появился с дочерью? — вернул я лысого к началу разговора.

— Привез ее кто-то из Благовещенска на радость папеньке.

— Похожа на отца?

Лысый хихикнул. Видимо, вопрос мой прозвучал как издевка.

— На генерала похожа лишь старая калоша и то, если поносить ее лет двадцать... Вы что, не видели никогда дядюшку атамана? Бог мой!

Я действительно не видел дядюшку атамана Семенова — теперь стало ясно, что лысый говорит именно о нем. Самого атамана я встречал не раз и в Харбине, и в Порт-Артуре, и в Дайрене. Если атаман внешне схож со своим дядей, то не так уж тот безобразен. Лысый из ненависти к генералу мог сравнить его черт знает с чем. Хотя есть ли что унижительней старрой калоши, ношенной двадцать лет?

— Не видел, — признался я.

— То-то... Не советую смотреть. Когда мне приходилось лицезреть генерала, я спешил сплунуть. А плюю я, учтите, только на жаб и мокриц.

Все же я посмотрел на генерала Семенова. Не в тот, естественно, вечер и не в ту неделю. Не было надобности. Да и желания тоже. Разговор со странным посетителем «Бомонда», развеселившим меня своими неожиданными сравнениями и еще более неожиданными заключениями, не породил любопытства к личности генерала. Исчезла таинственность, так занимавшая меня прежде. А без таинственности не существовала и сама Катя. Мне даже подумалось, что говорил лысый о ком-то другом.

Интерес к амурской казачке пробудился вновь после намека Янагиты на какую-то близость ее к Сунгарийцу, «давнюю дружбу», как сказал полковник. Мне захотелось узнать, откуда все-таки появилась черноволосая официантка «Бомонда». Объяснить это свое любопытство теперь мне трудно, но какое-то объяснение, наверное, существовало. Задела меня, должно быть, Катя красотой своей или судьбой необыкновенной. Правда, рвения особого и торопливости в поисках истины я не проявлял. Так, при случае выпрашивал эмигрантов, ловил случайно брошенные фразы, связанные чем-то с историей «Бомонда» или прошлым генерала Семенова. Но вот дела миссии привели меня как-то в Дайрен. Я оказался рядом с атаманом на одном банкете. За вином и закусками разговорились. Я выразил сожаление, что не знаю его дядюшки, по слухам, весьма любопытного и, главное, оригинального человека. Вина

было выпито немало, и я разрешил себе некоторую вольность: восхитился красотой дочери генерала. Атаман сделал удивленное лицо:

— Не послал бог. Все сыновья!

Сказано это было просто и искренне. Мне ничего другого не оставалось, как смущенно примолкнуть. Атаман, наливая новую рюмку, заметил мое смущение и усмехнулся:

— Небось полковник Кратов просветил вас?

Я не слышал прежде такой фамилии, но догадался, что атаман говорит о лысом господине из «Бомонда».

— Он чего не наплетет, — продолжал атаман. — Эту Катку-Заложницу всем сватали, даже управляющего КВЖД Хорвата не обошли...

— Не было, выходит, у нее папеньки?

— Здесь не было... Папенька ее расстрелян большевиками в Зее в двадцать втором году. Отец Фотий, может, слышали? Хотя вряд ли! Не так уж знатен и велик, чтобы сюда его славу занесли. Выдал он нам подпольных коммунистов, ну мы их и порубали под рождество. Большевики потом дознались, кто выдал, и засудили батюшку. Без нас уже... А Катка вроде младшая дочь. У Фотия их было пять или шесть... Красавицы все.

— Вроде?

— Что вроде?

— Вроде бы дочь...

— Ах, да! Так ведь в Зее кто ее видел? — Атаман поправил свои нафабранные усы и молодцевато вздернул большую угловатую голову: — Среднюю помню. Тоже черноволосая с этаким бюстом. — Он хихикнул и изобразил руками что-то объемное. — Ольгой, кажется, звали. Да, Ольгой. Другой Ольги не знаю... Рождество-то у батюшки справляли. Ольга все плакала, просила взять ее с собой: «Вы, говорит, уедете за Амур, а нам как здесь? Пропадем». А куда взять, если жен и тех едва спасли...

— Младшую все же прихватил кто-то?

— Не мы... В двадцать третьем князь Астахов привез девчонку. Назвал дочерью отца Фотия. Ну, назвал, кто спорить станет. Мог и наследницей русского престола назвать, тут всякие были. А отец Фотий известен. Великомученик! Дочь приняли во всех домах Харбина. Князь при ней как жених. Помолвлен вроде бы. Князь мне, честно говоря, не по душе пришелся. Ветрогон, картежник. Мы все грешны, любим и винцом и картишками побаловаться. А тот из-за стола не выходил. Пока не просадит все — не встанет. Иногда выигрывал, конечно, но редко. Мой дядька тоже картежник, азарта ему не занимать, но против Астахова — дитя. Тот играл запойно, до черноты в глазах. Страшновато смотреть было, как он метал банк. Руки тонкие, белые, трясутся, словно в лихорадке. От колоды, кажется

ся, так к пистолету и потянутся. Жизнь-то его была постоянно на волоске, с такой страстью по земле не ходят.

С генералом он последнюю колоду распечатал. Гол был князь, без копейки. Дядька поднялся из-за стола — конец! А Астахов кричит: «На движимое ставлю!» В шутку, а может, всерьез пустил кто-то слух, будто у князя рысак чистопородный, не то выигранный в карты, не то полученный за долги. О рысаке подумали тогда все, и генерал тоже подумал. Сел на место и стал тасовать: отчего не рискнуть на коня? Забава, да и деньги немалые. Кто был в комнате, сгрудились у стола. Ждут. Азарт неописуемый. Секунды, однако, ожидание только и длилось.

Сгорел князь на четвертой карте. Думали, застрелится тут же. Нет. Побелел лишь. «Прости!» — прошептал. Кому? Генералу ли, чести своей. Утром все выяснилось. Приехал к дядьке с невестой. «Вот, говорит, генерал, проигранное. Бери!» Ну, дядька в амбицию. Обман! Как смел играть на живого человека? Бесчестье! Прогнал князя. Что бы, вы думали, тот сделал? Заложил невесту владельцу «Бомонда» и расплатился с генералом. Весь Харбин ахнул. Каков Астахов! Он и верно был бесподобен. Девку продал, как при Екатерине...

Атаман опять поправил усы, придавил кончики к щекам, серым, одутловатым, словно прилепил к стене обветшалой.

— Выкупить обещал через месяц. Ей ли или тому же хозяину «Бомонда», бог знает. Только не выкупил. Сгинул. В ту же ночь. Видели, как он на французский пароход садился в Порт-Артуре. Подался куда-то на юг. В Европу отсюда французские суда не ходили. Или в Сайгон или самое дальнее до Реюньона и Мадагаскара. Думаю, зацепился где-то на островах. Оттуда уже не возвращаются. Так Катька и осталась в «Бомонде»...

Конечно, не будь у генерала семьи, может, и взял бы выигрыш. Но не те времена. За Амуром все наши свадьбы кончились. А теперь... — атаман притуманил томно взгляд, — теперь уж поздно... Хотя... — Он засмеялся как-то утробно, и все грузное тело его затряслось. — Выпьем, капитан, за это «хотя»...

Выпили. Я заметил как бы между прочим, без интереса, справедливости ради:

— Настоящее имя ее Любовь?

— Любовь?! Ах, да... Это в «Бомонде» придумали Катьку — иностранцам легче выговаривать. В Маньчжурии все официантки Катьки и Нюрки: «Катька, иди сюда! Катька, принеси! Катька, подай...»

Иностранцев атаман напрасно приплел. Не слышал я ни разу, чтобы англичанин, или француз, или тот же немец называл официантку Катькой. Мы, японцы, верно, так называли, но в моем присутствии Семенов постеснялся бросить тень на хозяев Маньчжурии.

— Теперь она выкупилась, — сказал я.

— Да-да... с вашей помощью. Благородное дело... Благородное дело...

Слова свои атаман подкрепил улыбкой, неопределенной весьма: она означала одновременно и сочувствие, и одобрение, и намек. Знаем, мол, зачем выкупили девку. Все знаем.

Конечно, Семенов знал. Он занимался слежкой и тайны наши разгадывал легко: ведь половина, а то и больше сотрудников секретной службы состояла из членов всяческих белогвардейских организаций, которые возглавлял атаман Семенов. Это была общая торговля тайнами. Продажа и перепродажа «товара» не считалась чем-то запретным и тем более зазорным. Секреты сбывали в два-три адреса.

В зал вошел высокий сухой старик в казачьей форме.

— Генерал, к нам! — помахал рукой атаман. — Сюда, сюда!.. Сейчас я представлю вас, капитан, — повернулся ко мне Семенов, — своему дядюшке, или, как вы изволили его называть, папаше Катьки-Заложницы, простите. Любови Фотиевны... — Атаман опять засмеялся, и обрюзгшее тело его снова за-колыхалось.

Старик прошел между столами, гордо неся свою маленькую голову, украшенную редкими волосиками, старательно зализанными на левую сторону и таким хитрым способом прикрывающими плешь. Впрочем, плечи, возможно, и не было, просто мне показалось, что сквозь волосяную драпировку просвечивает что-то бледно-розовое. Возле нас старик остановился и, как ворон с ветки, посмотрел на меня, определяя, что я собой представляю и как ко мне следует относиться.

— Вот, генерал, — сказал улыбаясь атаман, — прошу любить и жаловать — капитан Сигэки.

Я поднялся и склонил голову в поклоне.

— Очень рад, — машинально произнес генерал и кивнул коротко. Будто клюнул. Как ворон.

Мы сели. Атаман разлил вино. Теперь троим.

— Очень рад, — повторил генерал. Это прозвучало тостом, и мы выпили.

— Капитан интересуется прекрасным полом, — сказал атаман, теперь без улыбки, однако тон его был игривым и произнесенное следовало считать как вступление к шутке.

— Очень приятно, — кивнул-клюнул генерал. Он не понимал, чего от него хотят, и ждал пояснений. В противоположность своему племяннику дядя не был настроен игриво и, кажется, вообще не обладал веселым нравом. Лицо было сосредоточенно-холодным, взгляд надменным и пустым. Все больше и больше Семенов-старший напоминал мне ворона, только не мрачно-черного, а серо-розового, потертого, облезлого, старательно приглаживающего свои скудные перышки.

— И какой из представительниц прекрасного пола, как бы вы думали, интересуется господин Сигэки? — продолжал атаман.

— Вот именно — какой? — не пытаясь отгадать, машинально повторил генерал. Он явно пренебрегал обязанностью думать.

— Дочерью отца Фотия!

— Очень приятно, — кивнул дядюшка, полагая, что вопрос решен и надо выразить к этому свое отношение.

— Но вы не спрашиваете, какой из дочерей интересуется капитан.

— Полагаю, что нетактично любопытствовать насчет чужих симпатий. Это дело личное. Так сказать, мужская тайна.

— Не совсем, генерал, — вмешался я. — Меня ввел в заблуждение слух, пушенный завсегдатаями харбинского «Бомонда».

— «Бомонд» неплохой ресторанишко, — изрек генерал, буд-го разговор шел не о дочерях преподобного отца Фотия, а о значных местах Маньчжурской империи. — Вина там настоящие... Французские.

— А официантки? — подсказал атаман. — Особенно эта, Катька, амурская казачка... Поведет глазом...

— Катька? Какая Катька?.. — генерал сморщил лоб. И без того узкий, тот стал совсем ничтожным. вроде полоски гофрированной бумаги.

Племянник все же понудил бедного дядюшку к размышлению:

— Ну Катька, младшая дочь покойного отца Фотия...

Морщинки мгновенно расправились и лоб принял свой обычный вид. Только матовость не вернулась. Над бровями заблестели бусинки пота — трудную работу задал племянник дядюшке. Генерал церемонно вытянул из кармана платок и вытер лицо.

— Никакой Катюши у отца Фотия не было

— А Люба была?

— Люба была, но не из «Бомонда» Придумал Астахов и Фотия, и дочь его, и самого себя.

— Как же так, генерал! — взмолился атаман шутливо, правда, и изобразил на лице деланное огорчение. — Князь Астахов известен.

— Князь Астахов, верно, известен, а вот сын его. Не помню сына... Если вот только побочный.

— Когда метали банк, вы признавали его прямым

— Так за карточным столом все прямые: король и слуга равны. Было бы на что играть.

— Вот, господин капитан, — развел руками атаман. — изничтожил всех генерал. Строг и недоверчив. Упаси бог попасть под его начало!

— А откуда такое убеждение, что Люба из «Бомонда» — не дочь отца Фотия? — спросил я генерала. Что-то смутило меня в сүмбурных утверждениях атаманова дядюшки.

Морщинки снова набежали на узкий лоб генерала. Снова ему приходилось думать.

— А потому,— после долгой паузы объяснил генерал,— что дочь должна знать своего отца... Спросил я однажды ее: «Была, говорю, у дражайшего батюшки твоего занятная родинка на щеке, и рос из нее черный волос. Батюшка как взволнуется, так принимается крутить его. Только вот запамтовал, на какой щеке. Вроде бы левой рукой крутил...» «На правой,— ответила Любка,— на правой».

— А родинка-то была на левой! — захохотал атаман.— Хитрец генерал... Хитрец...

Генерал выждал, пока племянник утихнет, налил себе вина в рюмку. Посмотрел сквозь золото напитка на дюстру, полюбавался, выпил и сказал:

— Не было никакой родинки у отца Фотия.

Потом поставил рюмку, твердо поставил. Звонко стукнула она о стол и тем как бы завершила рассказ.

— Ну, генерал! — прошептал восхищенно племянник.— Кто бы мог подумать!

— Да,— согласился я, — ловко...

В ту минуту вся эта сценка показалась мне искренней и, главное, остроумной. Только позже впечатление изменилось. Я подумал, что господа Семеновы разыграли передо мной спектакль. Хорошо разыграли. Что стоил восхищенный шепот атамана: «Ну, генерал!» Сколько раз, поди, они повторяли рассказ о родинке отца Фотия и сколько раз восхищался талантом своего дядюшки атаман.

А в самом деле, была ли Люба дочерью священника из Зеи? Существовал ли сам отец Фотий? Правдой из всего сказанного племянником и дядюшкой была, видимо, лишь история с проигрышем князем своей невесты. И еще донос отца Фотия и расправа с подпольщиками в Зее.

Множество всевозможных загадок вынес я из встречи с господами Семеновыми. Самой трудной и мучительной для меня была загадка самой Катьки-Заложницы. Связали почему-то Катю с отцом Фотием, с князем или псевдокнязем Астаховым, с дядюшкой атамана Семенова, с Комуцубарой и, наконец, с Сунгарийцем. С Сунгарийцем связал уже я, шагая в ночном Сахалине по следу «гостя» с левого берега. В тот момент мне не было известно, что Катька-Заложница имела какое-то отношение еще и к пресловутому тайному агенту второго отдела итальянцу Амлето Веспе. Все эти точки соприкосновения официантки «Бомонда» с самыми разными событиями и самыми разными людьми собирались в какой-то страшно запутанный узел противоречий. Любовь Шелунова была необъяснима.

И вот в такой момент прозвучал приказ ликвидировать Катьку-Заложницу! Ликвидировать загадку. Для меня загадку. Она находилась в Сахалине.

Всю дорогу я сидел у окна вагона и смотрел на мелькавшие за стеклом унылые картины осенней Маньчжурии: поблекшие склоны сопок, чахлые рощицы, серые селения. Может быть, все выглядело иначе — светило солнце, зеленели холмы... Может быть! Не помню. Не видел ничего. Была осень, это знаю, потому и говорю об унылом пейзаже. Все казалось грустным и тревожным. Я пребывал в каком-то мучительном оцепенении.

У меня было много времени, чтобы подумать о смысле происходящего. Катю убрали, потому что она знала Сунгарийца. Убирали вслед за Идзитуро Хаяси. Значит, ночная встреча Маратова и Янагиты явилась началом целой серии смертных приговоров. Я тоже знал Сунгарийца, знал Идзитуро, знал Катьку-Заложницу. Не нужно быть слишком догадливым, чтобы понять, какова моя судьба. Янагита еще не нащупал нить, связывающую меня с Идзитуро, не предполагал о существовании нашей дружбы. Но поиск приведет его к этой нити, и он нащупает ее. Потребуется лишь время, какие-то месяцы или недели. Когда не станет агента по имени Катька-Заложница или агента номер такой-то, на конвейер стану я. Своим путешествием в Сахалин я сам подталкиваю себя к конвейеру, взбираюсь на него. Он движется, как этот противный сахалинский поезд!

Меня удивляло, почему Янагита не убирает Маратова. Логично было бы прежде избавиться от источника, от первого звена, которое начинает цепь, а потом уже крошить остальные звенья. Может быть, не понадобится столько жертв? Достаточно одной.

А Янагита не трогал Маратова. Или не мог тронуть, не имел силы, или боялся вызвать этим интерес к событию. Вернее всего, не мог. Маратов находился под защитой генштаба, защитой всей секретной службы, пришлось поэтому заключить союз с перебежчиком, добиться у него заверений, что ни одно слово, произнесенное в особняке, не будет повторено еще где-нибудь. Никогда. А свидетели смолкнут. И не только те, что слышали Маратова, но и те, что знали истину.

Видимо, Катя знала.

В Сахалин поезд прибыл днем, часа в три. Стоянка длилась минут сорок, затем поезд возвращался назад. Мне этого было достаточно, чтобы позвонить в город и переговорить с Катей. Я надеялся, что она уже в отеле и подойдет к телефону. План мой был построен именно на этом разговоре.

— Я слушаю!

Несколько минут ожидания: пока взяли трубку, пока искали официантку, а она, конечно, не отыскивалась, пока она шла к телефону, я стоял у аппарата и подавлял нервный озноб, который явно осиливал меня. Не помню другого случая, когда бы так мучительно долго длилось пустяковое время. От двух этих слов: «Я слушаю!» — зависела и моя, и ее судьба.

Даже жизнь, пожалуй. Не окажись сейчас Кати в отеле, я вынужден был бы принять к исполнению план Янагиты.

— Это Катя? — спросил я приглушенным голосом. Волнение мне мешало не только говорить, но и дышать.

— Да, — ответила она, и мне почудилась в тоне тревога. Едва-едва уловимая.

— Мне нужно быть уверенным, что это действительно вы. Назовите свое настоящее имя!

В трубке, кроме неясного шелеста, ничего не улавливалось. Катя молчала.

— Настоящее имя! — повторил я.

— Кому это нужно? — спросила Катя после раздумья.

Если бы я знал ее кличку или агентурный номер, то легко бы вызвал ее доверие к себе, но я не знал ни того ни другого. Не дал мне этих ключей Янагита, умышленно, наверное, не дал, чтобы потом не всплыли улики. Катя не должна была знать, что исполняющий приговор — сотрудник секретной службы.

— Нужно Маратову...

— Как?

Она вскрикнула, или мне так показалось. Испуг, во всяком случае, звучал в ее вопросе.

Я оглянулся: нет ли кого рядом, способного услышать фамилию перебежчика? Произнес четко:

— Маратову!

Что-то щелкнуло на другом конце провода, и послышались гудки. Катя бросила трубку. Сумасшедшая! Она убила себя этим. Себя и меня.

Растерянный, я стоял перед аппаратом и слушал отбойные гудки. Что делать? Что можно было вообще делать, когда в самом начале план действий разлетелся в прах?

Я снова набрал номер отеля. Наивная попытка задержать или догнать звонком убегавшую Катю. Она убегала, в этом не было сомнения. Убегала, охваченная паническим страхом.

Видимо, я не рассчитал удара. Заряд, заложенный в фамилию «Маратов», оказался сильнее, чем можно было предполагать. Он сразил Катю. А мне казалось, что сообщение о Маратове лишь заинтересует ее, возможно насторожит, И только..

На звонок не ответили. Или у аппарата никого не было, или Катя нарочно не брала трубку. Скорее всего, никого не было. Катя поняла, что говорит не Маратов — акцент легко выдавал во мне японца. Вот это-то и напугало официантку. Ей подавали сигнал бедствия. Кто именно — не играло роли.

Важное, чрезвычайно важное открытие сделал я для себя. Катя, оказывается, имела отношение не только к Сунгарийцу, но и к Маратову, вернее, к тому, что знал Маратов. Неверо-

ятное сплетение обстоятельств. Нити сходились в один огромный узел. И его пытался разрубить Янагита.

Что же все-таки делать? План мой, продуманный еще в Харбине, состоял из довольно простых элементов. Я должен был проверить звонком официантку и в зависимости от ответа решить: вернуться ли мне в Нуньцзян этим же поездом или остаться в Сахалине. Зачем возвращаться? Да из соображений конспирации. Мне нельзя было показываться в городе, особенно в центре, чтобы агентура Комуцубары не засекла меня и потом не связала мое появление в Сахалине с переменной в судьбе Кати. Остаться же я мог лишь в том случае, если официантки международного ресторана не окажется в городе и ее придется поджидать.

Ни первое, ни второе не совпадало с конкретной ситуацией. Катя находилась в Сахалине, но уехать я не мог. Разговор по телефону ничего не дал. По существу он не состоялся. Единственное, что я выяснил: Катя в городе; голос ее звучал по телефону. И в то же время ее могло уже не быть здесь. Она исчезла, точнее, исчезала, причем самым фантастическим способом. Растворялась.

В течение часа я обстреливал звонками город, пока наконец не услышал голос портье:

— Да-да... Международный отель.

Тщедушный голосок, произносящий громкое, претенциозное название: международный!

— Попросите Катю!

— Ее нет, господин

— Найдите!

— Как же я найду ее, если час назад она уехала

— Что?

— Уехала.

— Она не могла уехать час назад, потому что именно час назад я разговаривал с ней по телефону.

— Вот после вашего звонка она и уехала. Вы же сами сказали Кате, что сестра ее при смерти.

У меня чуть не сорвался взглас удивления: «Ничего я не говорил! Никакой Катиной сестры не знаю! Да и есть ли на свете такая сестра?» Но пришлось сдержаться.

— Так-так, — подтвердил я. — А где же она сейчас?

— Кто?

— Катя...

— Это вам лучше знать, господин хороший, где Катя. Сами говорили с хозяином, сами посадили ее в фаэтон и еще велели Степану гнать лошадей быстрее...

Теперь уже не удивление, а растерянность пала на меня. Исчезновение Кати было действительно фантастичным.

— Ты спутал, любезный, — сказал я. — За Катеи приезжал мой друг. Мужчина средних лет в сером кепи...

Я рисовал портрет Сунгарийца. Другого у меня не было, да и не пришел другой на ум. Почему-то отъезд Кати я связал с «гостем» с левого берега.

— Средних лет, верно, но кепки не было.

— Должно быть, оставил в фаэтоне?

— Да нет, он держал в руках фуражку.

— Успел купить... Быстр... Значит, уехали уже?

— Почитай, час, как уехали. Прямо по Нань-Да-цзе к Восточным воротам...

«Зачем к Восточным воротам? — недоумевал я. — При чем тут Восточные ворота? Это где-то у мусульманской мечети. Через Восточные ворота можно попасть лишь в Айхунь. Там нет железной дороги и от берега Амура сравнительно далеко».

— Спасибо, любезный, — сказал я и повесил трубку.

После разговора с портье мне стало немножко легче. Я даже повеселел: Катя исчезла из Сахалина, и с меня снималась тяжелая обязанность решать ее судьбу. Одно было огорчительным — необходимость сообщить генералу о случившемся. Но эту неприятную миссию я отложил на конец дня. Сколько мне подарено часов и минут? Вечерний поезд отходит из Сахалина в десять вечера. Целых шесть часов. Богатство.

Я отправился в город. Теперь-то мне нечего было бояться агентов Комуцубары. Появление мое в Сахалине не связано с судьбой официантки международного ресторана. Я — свободен.

Погода была отличная. Осень только что сняла свой багряный наряд, и низкорослые маньчжурские осины стояли обнаженные, словно на молитве. Облака то закрывали солнце, то распахивали настезь голубые окна, и по холмам плыли сизые и желтые полосы. Блеклая трава то вспыхивала ярко, то гасла. Я шел сначала вдоль полотна, а потом через Южные ворота, ведущие на Сандногоу, выбрался на дорогу. Сахалин у городской стены похож на околицу села: пустыри, одинокие домишки с палисадниками, огороды. Даже сквозная, пересекающая Сахалин с юга на север до самого Амура улица Ай-Дун-лу начинается с огородов, с грядок капусты, лука, картофеля.

Я не хотел ни о чем думать, поэтому отвлекал свое внимание на все, что встречалось на пути, любовался осенним пейзажем, заставлял себя, когда вокруг было пустынно и скучно, поднимать глаза и следить за плывущими облаками, за игрой света и тени. И все же я не мог не думать. Не извавился я там, у телефонного аппарата, от Кати и всего, что было с ней связано.

Я не собирался ее убивать. Все эти дни до отъезда в Сахалин я только тем и занимался, что изобретал способ безболезненного ухода официантки международного ресторана из поля зрения Янагиты... Варианты были самые разнообразные, вплоть до отказа от исполнения приговора вообще. Я даже

пытался заболеть и с этой целью приобрел лекарство, способное нарушить временно функции сердца, но тут же отказался от такого хода. Янагита расценил бы мою болезнь как проявление трусости или, того хуже, как саботаж. А саботаж — это уже вызов, за которым последуют меры против слишком смелого подчиненного. Какие меры? Такие же, как и против моего друга Идзитуро.

Надо было найти такой способ, чтобы Катя сама исчезла. Слово «исчезла» не совсем точно выражает мое желание. Самоубийство исключалось. В данном случае это было бы тем же убийством, только совершенным руками жертвы. Исчезнуть, то есть стать недостижимой для меня, для второго отдела штаба Квантунской армии, для Янагиты.

Но как исчезнуть с территории, контролируемой секретной службой? Перемена места не поможет — найдут в любом городе, любом селении Маньчжурии. Перебраться в Китай? Но там слишком мало русских, а те, что есть, хорошо известны, новый человек сразу обратит на себя внимание и будет выдан властям. Даже отбросив сложность пребывания в собственно Китае, не избавишься от сложной задачи переезда туда. Не птица ведь — подняться и улететь.

Когда в мыслях своих я доходил до момента исчезновения Кати из Сахалина, возникала та самая каверзная задача: куда и как? Не решив ее (для себя хотя бы), я не мог применить план, разработанный мною. Он был прост. Принудить Катю к бегству. Принудить угрозой разоблачения, предупреждением об опасности, наконец, намеком на существование смертного приговора. Любая из этих угроз способна была, на мой взгляд, спугнуть агента. Но она же могла поставить его и в безвыходное положение. Куда бежать? Западня. Единственный выход — самоубийство.

Вот что меня останавливало. Отсутствие крыльев. Катя не могла улететь.

Смерть. Янагита точно знал, что ожидает агента в Сахалине, он не строил никаких иллюзий. Убейте! И все. Так даже легче для жертвы. Она возвращается домой ночью. Она спокойна: усталый человек равнодушен ко всему. Она идет по глухой улице, ничего-ничего не ожидая. И в это время ей стреляют в затылок. Именно в затылок. «Так проще умирать и, главное, быстрее, — говорил Янагита. — Ни стоны, ни крика. Единственный звук — выстрел. Только не промахнитесь!»

Впрочем, Янагита не навязывал ничего, кроме самой необходимости уничтожить. Способ — на выбор исполнителя.

Пугать Катю, следовательно, было рискованно.

Существовала еще другая опасность. Катя могла, оказавшись она непричастной к тайне Маратова, раскрыть провокацию перед Комуцубарой. Тогда обвинение пало бы на меня и на Янагиту, человека, давшего указание. Вообще, провокация всегда несет в себе опасность разоблачения. Надо быть абсолютно

уверенным, что поразит цель. Точно знать, какая цифра мишени уязвима. Не все ведь пробиваются. Я имею в виду наше дело...

Я избрал Маратова. О, как пришлось помучиться, прежде чем «цифра» эта раз, и два, и три выпадала при жеребьевке. Ведь доводов особых не было. Интуиция. Или предложение. «Если Сунгариец, — думал я, — то почему бы и не Маратов?» Поставил на Маратова.

Потом мысль о Кате. О том человеке, которого я хотел сохрaнить. Просто сохрaнить, без каких-либо прав на него в будущем и без надежды увидеть когда-либо. Я не знал, где она и жива ли. Крыльев все-таки у нее не было. Бежать — это еще не значит убежать. Но часы и дни ей подарены. Если даже двигаться по кругу, то возвращение к исходной точке наступит лишь через определенное время — все зависит от длины круга и скорости движения.

С Катей был кто-то — мне портье назвал мужчину с фуражкой, — это меняло положение. Хотя этим «кто-то» мог оказаться всего лишь друг, близкий друг, ни на что не способный, кроме сочувствия. Выехать из Сахалина он поможет. А дальше?

Я исключал, что друг Кати такой же, как и она, агент, скажем, агент Комуцубары или выше — второго отдела штаба Квантунской армии. Никто из людей, связанных с нами, не взял бы на себя роль гида в путешествии по железному кольцу. Роль смертника.

Все складывалось трагически. Наступал момент, когда агент не нужен или когда он мешает естественному ходу событий.

Избежать гибели Катя не могла — это было ясно. Но не я прикасался к ней в критическую минуту. Кто-то другой. Или что-то другое.

В конце дня из конторы уездного управления я позвонил в Харбин. Моего звонка ждали, и я хорошо слышал в трубке грубое дыхание Янагиты.

— Мне не удалось встретить пароход из Мохэ, — сказал я. Это была условная фраза. — Он ушел за несколько минут до моего приезда в Сахалин.

На другом конце провода прозвучало что-то похожее на хрип. Так Янагита выражал свое недовольство.

— Когда вернется?

— Пароход закончил навигацию.

Теперь уже не хрип, а стон бился в трубке. Янагита едва сдерживал себя:

— Догоните!

— Не знаю расписания.

— Узнайте! Приказ должен быть выполнен.

Тарабарщина, которой мы пользовались, не давала мне возможности объяснить шефу, что произошло в Сахалине, поэтому Янагита, рисуя себе воображаемую картину, свирепел. Он отбросил условность и заговорил так, будто никакой конспирации не было и мы находились не у телефонных аппаратов, отдаленных друг от друга половиной Маньчжурии, а сидели у него в кабинете и беседовали с глазу на глаз.

— Сделайте невозможное, переверните Сахалин, достаньте ее из-под земли. Из-под земли, слышите!

— В таком случае я вынужден буду раскрыть себя

— Запрещаю

— Как же мне поступить?

— Выполняйте приказ.

— Не могу.

Янагита оторопел:

— Что это значит?

Я все еще пытался держаться в рамках конспирации:

— Парохода не будет. Не будет — понимаете?

— Никогда?

— Кажется...

В трубке послышалось что-то похожее на вздох облегчения

— Хорошо Действуйте сообразно обстоятельствам

Я ждал конца Кати. Все зависело теперь от времени, и только от времени.

Но где ждать? Приказ Янагиты забросил меня в чужой город. Он мог, конечно, мгновенно стать своим, стоило лишь объявить в любом отеле, кто я. Да и без объявления меня приняли бы, предоставили кров — везде наши агенты, везде слуги Комуцубары. Они знают капитана Сигэки. Должны знать. За что же иначе получают эти бесчисленные господа деньги? Свой и чужой Сахалин. В эту минуту чужой.

А на улице вечер, осенний вечер с тьмой и холодом.

Я иду на вокзал, беру билет и сажусь в поезд. Сажусь не потому, что мне хочется совершить прогулку по железной дороге (это, кстати, не прогулка, если иметь в виду наши поезда и пейзаж за окном вагона), не потому, что хочу покинуть навсегда Сахалин, просто надо немного отдохнуть и согреться. Утром с этим же поездом или другим, идущим на север, к Амуру, я вернусь в Сахалин... Вернусь, чтобы бродить по его улицам. Ждать, ждать, ждать...

Недели мне показалось достаточно для завершения операции. Странной и страшной операции. А понадобилось всего три дня.

Каждое утро я сходил с поезда и звонил в отель. В одно и то же время и одним и тем же голосом произносил:

— Катя вернулась?

Мне отвечали:

— Не вернулась.

И снова:

— Не вернулась. Не вернулась...

И вдруг:

— Вернулась!

Я не поверил.

— Катя-официантка?

— Катя-официантка.

Ответ был таким невероятным, что я растерялся. Всего, всего ожидал, но не этого. Меня могли обругать, мне могли просто не ответить: назойливость кого не выведет из себя. Но такое! Тон, которым был произнесен ответ, показался мне странным. Словно не те слова говорили, которые следовало. И зло как-то все прозвучало, с досадой. Но это тонкости. Их можно не принимать в расчет, к тому же аппарат порой искажает голос. Я был ошарашен самим фактом — Катя вернулась — и второпях прибег к самому обычному:

— Попросите ее к телефону.

Теперь там, в отеле, растерялись. Или не растерялись, а просто утратили дар речи. Ни звука!

Я кашлянул, чтобы напомнить о себе, и тогда в трубке раздался всхлип. Глухой, сдавленный, который сразу не разгадаешь. Нужно велушаться и лишь тогда поймешь: плачет мужчина.

— Что такое? — закричал я.

— Нет Кати...

— Как нет?

— Утопла... Амур ночью принес ее к берегу...

В тот же день я позвонил в Харбин и сообщил о смерти Кати-Заложницы.

Янагита выслушал донесение, ни разу не перебил меня и не задал вопроса. Когда я кончил, он сказал:

— Возвращайтесь, капитан. Вы устали, наверное...

Вот и все. Вечером я вернулся в Харбин.

Подполковник долго, очень долго молчал. Взгляд его, рассеянный и задумчивый, был обращен к шторе, заслонявшей комнату от яркого, южного солнца. Опаленная лучами ткань горела розово-оранжевым пламенем. Пламя было спокойным. Оно не пыталось охватить штору волной огня, не тревожило полосы, перечеркивающие ткань сверху вниз симметричными рядами, а терпеливо и уверенно прожигало ее. Розово-оранжевое пятно вроде бы занимало подполковника, помогало ему думать и чувствовать, собирать воедино разрозненное и противоречивое.

— Это было все же убийство, — произнес он наконец.

— Возможно, — согласился Сигэки.

— Вы говорили, что самоубийство — это то же убийство, только совершенное руками самой жертвы.

— Да, так, наверное, и было, если считать, что человек наложил на себя руки, если есть доказательства насильственного ухода из жизни: огнестрельная рана, яд в крови, след петли на шее или еще что-то другое.

— Топятся без следов на теле, — заметил подполковник.

— Согласен, следов действительно не было. Но ведь когда бросают за борт или сталкивают с обрыва, следов не бывает, если, конечно, жертва не сопротивлялась...

— Она могла сопротивляться?

— Способна, во всяком случае.

— Вы сказали: следов действительно не было. Вы осматривали труп?

— Нет, только видел его на расстоянии шага. Осматривала полиция и врач госпиталя. Комуцубара тоже был в морге. Он первым приехал и опознал Катю. За ним опознали остальные. Меня в морг пускать не хотели, пришлось, вопреки запрету шефа показать документы. Подействовало. Труп был в ужасном состоянии, если так можно сказать о трупе. Тело и лицо изуродовано до неузнаваемости, видимо, несчастную несло издалека, и каждый камень, каждый корень касался тела — ранил, рвал, бил...

— Да, тут следов не обнаружишь, — покачал головой подполковник. — Как же Комуцубара опознал Катю?

— Не понимаю...

— И остальные опознали?

— В один голос. Так официально было зафиксировано в протоколе жандармского управления.

— Вам показали его?

— Нет, зачем же! Но дежурный подтвердил, а этого вполне достаточно.

— Вы тоже подтвердили?

— Конечно... Я подтвердил еще до того, как осмотрел труп. Причем сделал это охотно — мне надо было как можно скорее избавиться от поручения шефа. Неожиданное происшествие даже обрадовало меня...

Настороженно, с каким-то разочарованием во взгляде посмотрел подполковник на Сигэки Мори. По-новому посмотрел, будто это был совсем другой, незнакомый человек, вдруг оказавшийся рядом.

— Вы, кажется, симпатизировали этой женщине?

— Какой женщине?

— Которая оказалась в морге...

На лице Сигэки Мори отразилось крайнее недоумение. Он вроде бы не понимал подполковника или считал сказанное им каким-то нелепым заблуждением.

— Я не знал ее прежде... Никогда не знал.

Да, перед подполковником был совсем другой человек, по какому-то странному совпадению именовавшийся Сигэки Мори, капитаном японской армии.

— Катька-Заложница... Любовь Шелунова! — напомнил подполковник.

— Это была не Люба, — просто и почему-то виновато произнес Сигэки.

— Как то есть?

Вопроса этого можно было не задавать. Вопросы вообще не нужны были. Подполковник понял это и улыбнулся смущенно: он вроде бы участвовал в заговоре капитана и хитрость его разгадал лишь сейчас, в самом конце. Чтобы как-то оправдать эту свою несообразительность, он пожурил Сигэки:

— Но вы же сообщили Янагита, что труп опознан.

— А что было делать, когда опознание зафиксировано протоколом и подписал его сам Комуцубара. Всем необходима была смерть Катьки-Заложницы.

— И вам в том числе?

— Мне — в первую очередь.

— Так кто же все-таки утонул?

— Не знаю... Волосы у несчастной были не Катины, и не походила она на русскую, китаянка, вернее всего... Крутил ее Амур неделю, а то и больше, а Катя исчезла три дня назад, даже два, если быть точным... И уехала-то она в сторону Су-ня, а это вниз по течению — не мог Амур вернуться на запад...

УТРО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Прошло еще двадцать четыре часа. Уже не нужные ни мне, ни тем тысячам японцев, что находились в Дайрене. Короткая война, невероятно короткая для нас, заканчивалась. Меркло то самое белое солнце, которое мы зажгли на континенте с верой в его вечный свет. Горе и отчаяние пало на нас. Уйти из жизни — вот о чем думали многие. И уходили.

Еще до того, как стрелка часов завершила свой второй круг — а это было где-то за полночь — генерал вспомнил обо мне и прислал шофера с приказом спуститься вниз, к машине. Мы все-таки покидали Дайрен. Все-таки. А я надеялся, что Янагита отменит свое решение, откажется в последнюю минуту от безумной затеи. Утром я передал ему адреса резидентов на южном побережье и по недовольному взгляду его догадался, что он колеблется. Далекие и ненадежные были адреса. Рисковать не следовало.

Янагита рискнул.

Мы спустились вниз. Маленькая штабная машина стояла на противоположной стороне улицы в тени деревьев. Было темно, а под деревьями и того темнее, и я с трудом отыскал ручку дверцы, вернее, нащупал ее. Почему-то она открылась сама.

— Осторожнее! — услышал я голос шефа. — На сиденье передатчик, не свалите его.

Даже передатчик. Побег обставлялся по всем правилам.

Почему-то этот дурацкий передатчик успокоил меня. Чувство обреченности, которое было со мной все эти дни, вдруг исчезло, и я обрел на какое-то время уверенность в будущем. А что, если страшное не случится, не поглотит меня бездна?..

Протиснувшись с трудом на свое место, сзади генерала, я устроился поудобнее и затих. Пусть судьба решает, жить мне или не жить. А почему бы не жить? Мне в эту минуту хотелось довериться Янагите.

Заурчал мотор, и машина, не зажигая фар, покатила по темной улице.

Августовский рассвет был близок, но он не угадывался еще в цвете неба и очертаниях домов — бесконечная чернота, густая, душная. Черноту эту одолевала упрямо наша камуфлированная штабная машина, чем-то похожая на ночного жука.

Я никогда не видел улицы Дайрена такими тревожно пустынными: ни реклам, ни фонарей, ни единого светлого пятнышка. И конечно, ни души. Понятно, военное время, комендантский час. Но патрули могли бы быть. Могли бы остановить машину, спросить: куда, зачем? Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь остановил нас или хотя бы проводил взглядом, и потом, когда наступило бы время и любопытные люди поинтересовались нашей судьбой, назвал бы улицу, по которой мы проезжали, покидая город, вспомнил бы час и минуту. Мы исчезали. Навсегда. В этом я был уверен. Я прощался с Дайреном. Пусть он не был моей родиной, но он назывался по-японски...

Мы долго кружили по ночному городу. Будто Янагита нарочно петлял, сбивая кого-то со следа, или осуществлял свой хитроумный план. Как потом оказалось, мы просто не могли выбраться прямой дорогой к порту — ее уже перекрыли русские, поэтому приходилось окольными путями выбираться из Дайрена.

Уже рассвело, когда машина наконец достигла окраины. Впереди тянулась серая лента шоссе, еще покрытая тенью, и за ней — море.

— Мы ищем советское командование... — сказал генерал.

Первый раз в эту ночь я услышал голос Янагиты. Он был незнакомым, словно говорил совсем другой человек. Это меня поразило. И еще поразили слова «мы ищем советское командование». Значит, сдаемся в плен. Янагита переменил свое решение. Можно ли этому верить?

Машина выбралась на шоссе и сразу стремительно ринулась вперед. Ветер зашумел в бесчисленных щелях брезентового покрытия. И тут снова я услышал голос Янагиты. Как прежде, спокойный, жесткий, со злобинкой.

— ...если спросит русский патруль... — Он просто закончил фразу, которая меня удивила вначале. — Вы ответите патрулю, — подчеркнул Янагита. — Я русского языка не знаю... Запомните — не знаю!

Я запомнил. Янагита — нет.

Не проехали мы и километра в сторону залива, как на шоссе возник, словно вырос из-под земли, русский автоматчик:

— Стой!

Тормоза дико взвизгнули, и машина замерла. Я едва не ткнулся лбом в спину шефа.

Тяжело, вразвалку к нам подошел автоматчик и, небрежно козырнув, сказал:

— Нельзя!

Чтобы мы поняли, повел ладонью влево и вправо. Это означало, что двигаться по шоссе запрещено. Нам, японцам, естественно.

Янагита сдержался бы, не окажись перед его глазами огромная ладонь,двигающаяся влево и вправо. А тут не сумел.

— Я еще никогда в жизни не видел, чтобы солдат задерживал генерала.

Автоматчик пожал широкими, массивными плечами. Сказал, извиняясь:

— Война...

Нам надо было сдать этому солдату и закончить разом все, и войну в том числе. Или повернуть назад, в город, еще куда-нибудь повернуть, если это «куда-нибудь» совпадало с планами Янагиты. А мы стояли и ждали чего-то. Я вспомнил фразу шефа, что мы ищем русское командование, и с опозданием решил воспользоваться ею. Вылез из машины — генерал заботливо уступил мне дорогу, склонившись в сторону водителя, — и сказал:

— Генерал имеет поручение штаба Дайренского военного округа связаться с советским командованием. Укажите нам направление для следования.

Автоматчик снова повел ладонью влево и вправо:

— Нельзя.

Я повернулся к Янагите и произнес по-японски:

— Вам отказывают в проезде по шоссе.

Впервые в глазах генерала я увидел испуг. Они бывали разными: строгими, колкими, жестокими, насмешливыми, равнодушными, спокойными, отчужденными, но испуганными — только сейчас.

Не знаю, что напугало Янагиту. Запрещение в проезде к морю или мое откровенное «вам». Я как бы отстранился от генерала. Он понял это.

Дверца машины была распахнута: меня ждали, мне приказывали вернуться на свое место. Мотор нетерпеливо урчал, напоминая о необходимости торопиться.

И вот тут произошло невероятное в моей судьбе. Я почувствовал себя свободным. От всего!

Руки мои вцепились в пряжку ремня, на котором висел пистолет, и стали его отстегивать. На глазах у генерала. Он зажмурился от ужаса:

— Капитан!

Окрик не остановил меня.

Автоматчик тоже с недоумением и настороженностью смотрел на торопливые движения моих рук.

Мотор вдруг взвыл от напряжения — шофер, подчиняясь приказу генерала, дал полный газ и крутанул машину почти на месте. Когда ремень был снят, машина уже неслась на предельной скорости назад, в город. Легкая пыль поземкой стелилась по шоссе...

Я протянул пистолет солдату и символически — в этом уже не было практической надобности — поднял руки.

— Ты что? — растерянно произнес автоматчик. — Ты что, парень?

— Капитан японской армии Сигэки Мори сдается в плен.

Он отстегнул кобуру, вынул мой новенький, с полной обоймой, пистолет, осмотрел с любопытством и сунул в карман шаровар.

У меня почему-то страшно билось сердце и ноги подкашивались. Я опустился на край кювета, обхватил голову руками и засмеялся. Странно как-то, с нервным ознобом.

— Ты что? — опять спросил солдат.

Я глотнул слезу. Кажется, я плакал.

— Ничего... Просто конец...

**СНОВА ИМПЕРАТОР ПУ И, ТЕПЕРЬ УЖЕ ТОЛЬКО СОБЕСЕДНИК.
НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ СУНГАРИЙЦА. ЧТО ДОЛЖЕН БЫЛ УЗНАТЬ
ДОИХАРА И ЧЕГО ОН НЕ УСПЕЛ УЗНАТЬ**

В холле уже зажгли вечерний свет. Матовые лампы, предназначенные для замены солнца, почему-то напоминали холодные луны: все было серебряно-голубым.

Серебряно-голубым было и лицо императора. Он казался неживым в своем черном костюме и белоснежной манишке. Весь лунный свет ламп сосредоточился на высоком аскетическом лбу и впалых щеках императора, и кожа его, и без того бледная, стала еще бледнее. Большие синеватые веки смежились, свидетельствуя о полной утрате сил. Он часто уходил вот так во время беседы в другой мир, и Язеву становилось страшно, и он или кашлем или громким шелестом газеты, которая была у него в руках, пытался вернуть императора в реальность.

Но это было только забытие. Он оставался здесь, рядом с Язевым, все слышал и все чувствовал. Он думал. В уединении.

Легкий кашель собеседника заставил его оторваться от дум.
— Их накажут?

Их — это главных японских военных преступников. Император говорил о своих бывших хозяевах только с помощью местоимений: он, они. Он все еще боялся их и требовал от Язева заверений в том, что они больше не вернутся на континент.
— Безусловно.

— И Доихару? — допытывался император.

Доихара Кендзи, «японский Лоуренс», казался императору неуязвимым. Майор это знал и старался успокоить собеседника:

— И Доихару.

Император смежил веки, застыл под мертвым светом ламп.

Так продолжалось бы долго. Язев углубился в газеты — а их было немало на столике, — Пу И отправился в путешествие по другому миру, а мир тот велик. Но чтение и путешествие прервались самым неожиданным образом. В холл вошел седой мужчина в костюме служителя отеля и направился через зал к майору Язеву. Именно к нему, потому что в этом углу холла, кроме императора и майора, никого не было, и маленький поднос из черного лака, который мужчина держал в правой руке, был направлен, как острие копыя, точно в майора.

— Срочный пакет, — сказал служитель, когда оказался перед Язевым, и протянул с поклоном поднос.

На подносе лежал пакет с адресом на английском и русском языках.

— Благодарю.

Служитель еще раз поклонился и пошел назад через холл.

Пакета ждал Язев. Ждал с того самого дня, как сообщил о разговоре с Доихарой Кендзи. Пальцы торопливо сорвали наклейку и вытянули из конверта небольшой лист с текстом, напечатанным на машинке.

Язев пробежал его глазами, мгновенно, кажется, и лицо его так же мгновенно изменило свое выражение. Вначале было огорчение, даже досада, потом удивление. И наконец — радость!

— Поярков Борис Владимирович, — прошептал взволнованно Язев. — Кто бы мог подумать! Сунгариец — Поярков... Ваше величество!..

Император вздрогнул, открыл глаза и уставился удивленно на майора.

— Ваше величество, победа!

Император закивал, ничего-ничего не понимая, но соглашаясь с майором. Если тот радуется, значит, действительно победа. Контрразведчик вел какой-то бой, не ведомый никому здесь, но бой трудный и долгий. Мог победить. Должен был победить. И победил.

Часть II

„БУСИДО-МИРАЖ“

БЛАГОВЕЩЕНСК

ХАБАРОВСК

ХАРБИН

ТОКИО

ДЕЛО ТРЕТЬЕ

ГОСТЬ ИЗ ФУЦЗЯДНЯ

**ТЕПЕРЬ ЭТОТ ДОКУМЕНТ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ
В УЧЕБНИКЕ ИСТОРИИ, А В СВОЕ ВРЕМЯ ОН БЫЛ
ДОБЫТ С РИСКОМ ДЛЯ ЖИЗНИ**

Доклад генерала Танака императору Хирохито:

«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем и завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте...

...В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения огромными богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед».

**А ЭТА КОРОТЕНЬКАЯ
ИНФОРМАЦИЯ БЫЛА «ОБРОНЕНА»
НА БАНКЕТЕ У БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ГЕНЕРАЛА ФЕОКТИСТОВА
РЕЗИДЕНТОМ АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ В КИТАЕ ЛОУ**

«Этапы японской операции: I — оккупация Маньчжурии, II — захват пунктов: Жэхэ — Хэбэй — Чахар — Суйюань — Шэнси — Шаньси и Шаньдун, III — захват Шанхай-Ханчжоуского района, закрытие входа в Китай по р. Янцзы, IV — поход на СССР (Дальний Восток). Дата оккупации Маньчжурии: сентябрь — ноябрь 1931 г.».

ПЕРВЫЙ ЭТАП

Японское информационное агентство распространило по всему миру сообщение о «провокациях» в Маньчжурии, вынудившее Японию ввести войска в этот район. Вот как описывает события агентство:

«Вечером 18 сентября 1931 года в предместьях Мукдена группа китайских солдат под командой бандитского генерала Чжан Сюэяна, сына покойного бандитского генерала Чжан Цзолина... заложила мину на японской железной дороге... К счастью, недалеко от этого места оказались 6 японских солдат под командой лейтенанта Кавамото, прямого потомка самураев из рода, насчитывающего сорок восемь поколений. Убедившись, что поезд приближается и что никакая человеческая сила не может предотвратить катастрофу... лейтенант Кавамото воззвал к божественной власти. Повернувшись в сторону Японии, он призвал на помощь Аматэрасу Омиками. Его смиренная и горячая молитва была услышана. Достигнув разрушенного полотна, поезд поднялся в воздух, пролетел над опасным местом, плавно опустился и продолжал свой путь...»

Через два дня поступило донесение Академика, в котором давалась действительная картина событий. Вот оно:

«Взрыв железнодорожного пути произошел после того, как поезд прошел, и был устроен с единственной целью — сделать фотоснимки, которые подтверждали бы официальную версию о происхождении инцидента. Японские войска, стоявшие у Ляояна, Инкоу и Фынвангена, за день до инцидента получили приказ, в котором им предлагалось выступить на Мукден в 3 часа дня 18 сентября, то есть за семь часов до взрыва.

К четырем часам утра 19 сентября, то есть всего через шесть часов после взрыва, на стенах домов в Мукдене уже были расклеены тысячи печатных листовок, направленных против маньчжурского правительства и обвинявших последнее в том, что оно якобы совершило нападение на японскую железную дорогу.

18 сентября такая листовка была уже передана редактору одной белогвардейской газеты с припиской, содержащей предложение опубликовать ее для блага белых эмигрантов. (Япон-

цы тайно обещали создать эмигрантское правительство в Маньчжурии).

По приказу из Токио весь китайский технический персонал подлежал уничтожению, поэтому за неделю до взрыва в Мукден прибыл японский технический персонал для замены китайских инженеров на Мукденском арсенале».

**ДОИХАРА СЧИТАЛ, ЧТО НЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДОВ.
ОН БЫЛ ДАЖЕ УВЕРЕН В ЭТОМ**

**Генеральный консул в Шанхае Мураи
министру иностранных дел Сидэхара**

Передано вечером 2 ноября 1931 года

2 числа с. м. китайская газета напечатала телеграмму из Тяньцзиня, сообщающую, что полковник Доихара прибыл тайно в Тяньцзинь. Газета пишет, что Доихара был доставлен в Тяньцзинь японскими агентами на небольшой паровой лодке и сейчас планирует способ похищения императора Сюань Туна.

**Телеграмма № 513, посланная генеральным консулом
в Тяньцзине Куvasима министру иностранных дел
Сидэхара**

Тяньцзинь, 12 ноября 1931 года (6-й год эры «Сёва»)

Вчера, 11 числа, в 3 часа дня небольшой военный катер отправился с японской и французской концессий вниз по реке. На его борту находилось несколько человек в гражданском платье в сопровождении четырех или пяти солдат. Предполагают, что на катере был похищенный император Сюань Тун.

**Телеграмма № 96, посланная генеральным консулом в
Инкоу министру иностранных дел Сидэхара**

Инкоу, после полудня 13 ноября 1931 года (6-й год эры «Сёва»)

От капитана «Имадзи-мару» я узнал, что полковник Доихара возглавлял заговор бегства императора из Тяньцзиня... Император был тайно увезен в машине с концессии и доставлен на пристань, где группа под охраной, вооруженной двумя пулеметами, погрузилась на катер, направившийся в Тагу, откуда все пересели на «Имадзи-мару».

В предыдущей телеграмме сообщалось, что император переоделся здесь в китайский костюм. Это не соответствует действительности. Он одет в обычную военную форму.

СЛЕДЫ, ОДНАКО, ОСТАВАЛИСЬ, И ВЕЛИ ОНИ НА СЕВЕР

16 июня 1932 года

Из кругов, близких к императору Пу И, мне стало известно, что начальник японской разведки Доихара Кендзи посетил верховного правителя в его резиденции в Чанчуне и имел

с ним беседу секретного характера. Прощаясь с правителем, сказал, что надолго покидает столицу Маньчжоу-го. По словам императора, Доихара направляется в Харбин для ликвидации там антияпонских очагов и руководства японской разведкой против СССР.

Академик

КОРШУНЫ СЛЕТАЮТСЯ НА ЗАПАХ КРОВИ

Без даты. Август 1932 года

Как уже сообщалось, созданный в конце прошлого года боевой белоэмигрантский союз, именуемый «российской фашистской партией», на своем сборище в харбинском отеле «Новый мир» объявил о поддержке программы, осуществляемой японскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. Дополнение: на сборище присутствовали офицеры второго отдела штаба Квантунской армии — капитан Комацу Мисао и резидент японской разведки в Харбине капитан Сакаи Исио. После официальной части главарь союза Радзаевский в одном из номеров отеля подписал обязательство о сотрудничестве РФП с японской разведкой. Есть сведения, что в этот же вечер Радзаевский получил от сотрудника второго отдела крупную сумму в маньчжурской валюте.

Академик

Июнь, июль, август, сентябрь 1932 года

Выдержки из донесений

Среди японских военнослужащих и чиновников распространена листовка, призывающая объединиться вокруг императорского трона. Листовку показал мне служащий мукденской почтовой конторы. Он же сообщил, как листовка попала к нему. Ее распространяет штаб Квантунской армии. Если ты согласен вступить в общество, то поставь свою подпись под листовкой и передай представителю будущего объединения, который находится на каждом предприятии и учреждении. Объединение названо «Кёвакай», то есть «Сотрудничество наций». Чиновник сказал, что это не простое общество. В него могут вступить только лица, готовые служить великой идее господства Японии в Азии, прославлению превосходства нации Ямато. Члены общества должны активно участвовать в превращении Маньчжурии в плацдарм для подготовки войны против СССР.

При встрече в кафе с резидентом английской разведки в Китае Лоу я поделился с ним новостью относительно общества «Кёвакай». Лоу сказал, что знает об этой организации и относится к ней равнодушно. Это фашистское общество и создано штабом Квантунской армии. Англии оно не мешает, поскольку направлено своим острием против России. Тут же

Лоу с улыбкой добавил: «Мне удалось получить действительно сенсационные сведения. Вы даже не представляете их взрывную силу. Для Европы это что-то вроде нового извержения Везувия».

Я попытался вытянуть из Лоу хотя бы намек на суть дела, заставить его обронить какую-нибудь деталь. Но Лоу — крепкий орешек. Он хорошо знает, сколько стоит в Лондоне сенсация, и не отдаст ее просто так.

— Да она вам и не нужна, — сказал Лоу. — Китай не приобретает немецкие тайны, а это касается третьего рейха.

Лоу по-прежнему считает меня китайским агентом. Дважды он видел, как я входил в вестибюль резиденции Чжан Цзолина, однажды присутствовал при моей беседе с заместителем начальника жандармерии. Я говорил заместителю о сапогах, которые заказал диктатор, и это навело Лоу на мысль о возможном существовании какого-то шифра, построенного на сапожных терминах. Убежденность Лоу не поколебалась за эти годы, наоборот, она укрепилась, и укрепилась, может быть, потому, что я не пытался разрушить сложившееся у Лоу мнение обо мне, а сам он не разрушал его.

Человеку, уверенному в собственной непогрешимости, трудно отказаться от раз принятого решения. К тому же эта уверенность возникла вроде бы сама по себе, и все, что происходило, было естественным доказательством правоты Лоу. С моей помощью Лоу сблизился с эмигрантами и добывал у них полезные для себя сведения, даже сенсационные. Я познакомил Лоу с Суайнхартом, личным советником Чжан Цзолина и моим постоянным заказчиком. Суайнхарт оказал немало услуг Лоу, в чем последний мне признался как-то в беседе. Являясь американским гражданином, Суайнхарт в продолжение довольно длительного времени служил у Чжан Цзолина личным агентом и информировал диктатора о положении дел в лагере противника. Когда Суайнхарта убили в Токио и бросили тело в море, Лоу завел со мной разговор о зыбкости положения китайской агенты — «Даже американца не побоялись убрать!» — и предложил мне работать на англичан, то есть на него, Лоу. Тогда я понял, что он — резидент.

В одном из моих сообщений говорилось об этом, и я просил определить мою тактику по отношению к Лоу. Была выбрана оборонительная позиция: «Не считаю возможным нарушать обязательство. Измена не в моих принципах».

Лоу похвалил меня:

— Вы рыцарь, друг мой! Правда, донкихоты были редки уже в шестнадцатом веке... Мне посчастливилось.

Спустя год Лоу повторил свое предложение о сотрудничестве.

— Кислицын, Семенов, Радзаевский уже в штате японской секретной службы. Надеюсь, для вас это не открытие?

— Разумеется, — ответил я.

— И никто из них не испытывает угрызений совести.
— Надо полагать.
— Я понимаю, вы не разделяете моей точки зрения на принципы. Но пример этих господ поучителен.
— Конечно, — согласился я. — Главное, им не угрожает судьба Суайнхарта.
— Вот именно...
— Вам, Лоу, тоже следует сделать вывод из последних событий.
— Я и сделал,
— Какой?
— Нельзя служить мертвой разведке. Вместе с ней легко оказаться на том свете.
— Вы предостерегаете меня, Лоу?
— Да... А если быть точным, то зову!
— Снова?
— Считайте, что это продолжение разговора, я не переставал вас звать. Вы мне нужны. А сейчас и я вам нужен. Положение опасное.
Я насторожился:
— Для меня?
— Для всех, кто связан с Китаем.
— Ваше покровительство оградит меня от опасности?
— Британский флаг оградит.
— Суайнхарта не оградила американский флаг.
— Он не ему служил.
— Прошлый раз вы сказали, что японцы не побоялись убить американца. Почему бы им побояться убить англичанина?
— Суайнхарт сунул нос в кухню второго отдела. Это запрещено правилами игры.
— Кто знает, где кончаются границы «кухни»?
— Тут уж интуиция...
— У меня она отсутствует.
— Значит, опять отказ?
— Считайте, как вам удобнее, Лоу.
Лоу покачал головой:
— Не особенно разумное решение, но откровенное. Спасибо... А жаль, вы могли бы многое сделать и многого добиться. Выбираете худший вариант. Боюсь быть пророком, но японской мышеловки вам не миновать.

Лоу все-таки проговорился. Возможно, обронил частичку своей сенсации с умыслом. Это он любит делать. «Троцкий установил тайный контакт с германским генеральным штабом. Японцы располагают документами». Я сделал вид, что не понял значения сенсации.

Прощаясь, Лоу как-то загадочно улыбнулся:

— Жаль, что китайцев не интересуют европейские дела...

Шифровано

Срочно!

Начато строительство железной дороги Дуньхуа — Яньцзи — Хайрен с веткой Яньцзи — Унгый, дающей возможность кратчайшим путем перебросить японские войска на материке в северном направлении. С тем же назначением ведется линия Лафа — Харбин (Лабинская), она связывается с дорогой Дуньхуа — Хайрен. Задача: создать сплошную военно-стратегическую магистраль Сейсин — Харбин. Особенно важна дорога Бэйяньчжэнь — Сахалин (в плане она названа Цехэйской), последний ее участок подойдет непосредственно к советской границе. Осуществление этого плана обеспечит быстрое сосредоточение и высокую маневренность любого количества войск на важнейших операционных направлениях.

От полковника Савина узнал о создании диверсионной школы в предместье Харбина. Контингент — 28 человек. Из них двадцать поставил Радзаевский, остальные завербованы японскими военными миссиями. Курс рассчитан на шесть месяцев. Школа находится где-то в районе Фуцзядяня.

Исчез Лоу.

Получен приказ генштаба из Токио, согласно которому должны быть подготовлены к принятию и базированию самолетов военно-воздушных сил на территории Маньчжурии 6 авиабаз, 10 оборудованных аэродромов, 10 аэродромов запасных и 40 посадочных площадок. Полная готовность к концу года.

Разыскивают Лоу. Подключены люди Кислицына и Семёнова. Есть сведения, что Лоу бежал в Шанхай.

— ...за особые заслуги перед органами Объединенного Государственного Политического Управления СССР наградить именным оружием. Оружие вручить по возвращении на Родину.

Полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю

Т. Д. Дерибас

- Служу Советскому Союзу!
- Дай обниму тебя, дружище!

— Ну и медведь ты, Василий. Задушишь...

— А ты держись. Или ослаб на белогвардейских харчах?

— Да нет, хотя харчи и жидковаты стали. Беляки тянутся с ложками к японскому котлу. Там каша пожирнее. В очередь становятся.

— Это я заметил. Борзых да легавых — туча. Меня всю дорогу один на прицеле держал, только на Большом проспекте отвязался, потерял в толпе. Чуют чужого, нюх отличный. Тут надо ухо держать востро...

— Мне Лоу уже пророчествовал печальный конец...

— Насчет мышеловки? Читали... Отбрось, пустое. Но с обстановкой считаться надо. Сложная обстановочка...

— Горяченькая... Так что предупреждение Лоу отбрасывать не следует. Мышеловка существует...

МНОЙ УСИЛЕННО ИНТЕРЕСУЕТСЯ ХАРБИНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

Все звали его Веселым Фыном — и в старом Фуцзядяне, где он жил с неведомых времен, и в Харбине, куда навевывался каждое утро. Именно Веселым Фыном и не иначе, хотя никто никогда не видел его улыбающимся. Могли бы назвать косым: левый глаз Фына смотрел не туда, куда правый. Или хромым: Фын припадал на одну ногу — когда-то где-то придавило ее бревном. Или лысым: ни одного волоса не росло на голове Фына. Наконец, худым: тонок был Фын, как болотный тростник. Так нет — веселым. С этим прозвищем и ходил он до седины в бороде, тощей мочалкой свисавшей на грудь Фына. Сам себя он тоже называл веселым. Переступив чужой порог, он представлялся:

— Вот пришел Веселый Фын!

Представлялся торжественно, с явным уважением к собственной персоне.

Так представлялся он год назад Борису Владимировичу Пояркову в его мастерской на Биржевой улице. Не склонив головы под низко висевшей вывеской с изображением черного сапога и красной туфельки, Фын вошел в крошечную комнатку, правильнее бы сказать — закуток под лестницей, и, подогнув больную ногу, чтобы опуститься на циновку у порога, а не на стул для заказчиков, сказал свое обычное:

— Пришел Веселый Фын!

Никто не удивлялся подобному представлению китайца, не задавал вопроса: кто, мол, ты такой и что тебе нужно? Поярков удивился. Он никогда прежде не видел Фына и никогда не слышал его странного имени. Однако виду не подал и, глянув мельком и оценив его, вернулся к своему делу — натяжке на колодку заготовки. Фын воспринял это как позволение вести себя свободно: откинулся к стене и стал ладонью поглаживать свою больную ногу.

— Шибко хорошо тачаешь сапоги, — произнес он после сравнительно долгого молчаливого изучения обстановки мастерской. Долгого потому, что закуток поярковский можно было осмотреть в какую-то секунду; вся обстановка его состояла из старого стула, обитого кожей, небольшого шкафчика с инструментом и колодками и висячей вешалки, пристроенной прямо за дверью. А Фын потратил на это столько времени, сколько тратят на осмотр тронного зала самого китайского императора.

Поярков снова не ответил и продолжал старательно затягивать клещами кожу.

— Шибко хорошо, — повторил Фын.

Тогда Поярков спросил:

— Будешь заказывать?

Фыну следовало рассмеяться — люди, обутые в серые полотняные штаны и такую же рубаху, не заказывают сапог с лакированными голенищами. Но Фын не рассмеялся. Веселый Фын, как известно, не умел улыбаться. Не научился за свою жизнь.

— А ты сделаешь башмаки на деревянной подошве?

— Я все могу. Но стоять это будет слишком дорого.

Надо было как-то подавить бесцеремонность, с которой Фын устанавливал свое право на равенство с офицером: Поярков был подъясаулом, хотя и тачал сапоги на Биржевой улице.

Подавить бесцеремонность Фына было не так-то легко. Он умел не замечать чужого протеста или чужого недовольства. Все так же старательно поглаживая свою больную ногу, он пояснил подъясаулу:

— Кому надо, тот денег не пожалеет.

Позже, спустя год, это пояснение Фына было подкреплено действием. Поярков получил заказ очень богатого и щедрого человека. Спустя год. А в тот день хвастовство Фына прозвучало комично.

Год Фын посещал мастерскую Пояркова, посещал как будущий заказчик, присматриваясь к мастеру и изучая товар. Можно было выставить нагловатого клиента, указать на дверь просто, не заботясь о том, как воспримет это Веселый Фын. В другом месте, например в магазине Чурина, с хромым китайцем так бы и поступили. Но Поярков не увидел в Фыне клиента. Что-то загадочное нес в себе китаец и это загадочное скрывал самым тщательным образом. Не особенно искусно, правда, — игра в заказчика была примитивной. Не верил ей Поярков, да и кто мог поверить. Сам Фын и тот, пожалуй, не преувеличивал собственных возможностей. Но играл весьма вдохновенно, старательно, главное.

Раз, а то и два в неделю Фын открывал дверь мастерской и, объявив о своем появлении знакомой фразой: «Вот пришел Веселый Фын», опускался на циновку.

Он приносил с собой кучу новостей — где он их находил, одному богу известно — и выкладывал все перед Поярковым.

Начинал обычно с пустяков, с какого-нибудь скандала в одном из игорных домов или опиумокурилен и кончал пикантной историей из жизни харбинского «Бомонда». Ведомы были Фыну и международные дела, например, кто из иностранных послов и когда посетил императора в его дигуне и какие подарки преподнес сыну неба. Главной темой Фына были, однако, «ужасы красного берега». Тут он мог говорить без конца, и скудный запас русских слов его не смущал. Он прибегал к помощи рук, которыми изображал и страх, и удивление, и возмущение. Впрочем, эмоции занимали незначительное место в рассказах Фына, так же как и комментарии. Выводы должны были делать слушатели, к этому стремился Фын, и, если его усилия не достигали цели, он огорчался и смолкал. Смолкать обычно заставлял Фына Поярков. Слушать слушал, а вот удивляться или возмущаться не хотел. Вообще ничем не выказывал своего отношения к новостям. Оторвется на минуту от своего недоши-того сапога, посмотрит на Фына, и все. А вот что думает — неизвестно.

Так они скрывали друг от друга свои мысли. А время шло. Терпелив был Фын, а Поярков еще терпеливее. Однажды китаец сказал:

— Веселый Фын все знает.

— Так уж? — усомнился Поярков.

— Веселый Фын все знает! — повторил упрямо китаец. — Вчера Борис ходил мало-мало Большой проспект и говорил господином Кислицыным. Важный господин. Шибко важный.

Близость свою к эмигрантским кругам Поярков не скрывал, даже, напротив, афишировал иногда. Но осведомленность Фына его поразила. Хромой китаец не входил в общество русских офицеров, он просто не имел на это права. Ясно, что Веселый Фын пользовался чьей-то информацией, причем точной информацией и получал ее от человека, хорошо знавшего Пояркова. Только почему человек этот делился с Фыном? Что между ними общего?

Поярков более внимательно, чем когда-либо, посмотрел на Веселого Фына и отметил для себя, что китаец весьма удовлетворен тем впечатлением, которое произвел на сапожника.

В другой раз Фын попытался усилить впечатление.

— Красиво пишешь, — сказал он.

Фын, не знавший ни одной русской буквы, да и вообще никакой буквы, и ни разу в жизни не заглянувший в газету и тем более в книгу — не было надобности, — вдруг принялся судить о литературных опытах Пояркова.

— Читал? — съязвил Поярков.

Фын ответил своей стереотипной фразой, годной в любом случае:

— Веселый Фын все знает.

— Так где же Веселый Фын узнал?

— Вот в этой бумаге...

И Фын вытянул из-под своей выдавшей виды рубахи сложенный вчетверо субботний номер «Восхода». В этом номере была напечатана статейка Пояркова. Изредка он выступал с призывами к русским офицерам помнить, что их родина на той стороне Амура. Эта последняя статейка была подписана псевдонимом «Казак». Псевдонимы Поярков менял постоянно, настоящую его фамилию знала лишь редакция. И вот теперь узнал Фын.

— Красиво, значит?

— Шибко красиво.

— Научился читать по-русски! Трудно, поди, было?

Неспособный смущаться, Фын произнес свое:

— Веселый Фын все знает. — И добавил: — Любишь Амур...

Домой хочешь... Русский Китай плохо.

Поярков почувствовал провокацию. Слишком уж откровенно высказывался о настроениях собеседника Фын.

— А китайцу в Китае хорошо?

— Где Китай? — вопросом на вопрос ответил Веселый Фын. — Фын здесь, Китай далеко. Китай — Янцзы.

Провокационный настрой сохранился.

— Ты родился в долине Янцзы? Там твой дом?

Фын вдруг вспыхнул:

— Веселый Фын родился в Фуцзяне!

Это прозвучало как вызов. Надо было все-таки прекратить разговор. Поярков пожал плечами и принялся накалывать в подошве сапога отверстия для деревянных шпилек. Фын понял, что хозяин отходит от разговора, и бросил в угасающий костер смоляную веточку.

— Харбин — русский город, однако не Россия... Фуцзянь — китайский город, однако не Китай.

Смоляная веточка ярко вспыхнула.

— Что же здесь за царство? — спросил изумленно Поярков.

На лице Фына изобразилось огорчение — он сам хотел задать такой вопрос, и вот задали ему, и надо отвечать. Хитер, однако, был Веселый Фын, он сказал:

— Царство императора Сюань Тун из династии Цин...

Пристроив в отверстие первую шпильку, Поярков прицелился и уверенно вогнал ее молотком в подошву. Белая квадратная точка красовалась на темно-коричневой коже. Он полюбовался ею, хотя любоваться было незачем — не новичок был в сапожном деле Поярков. Ему просто надо было протянуть время и решить для себя вопрос: добивать Веселого Фына или пощадить его? И он решил добить. Надоел ему этот наглаватый «клиент».

— Династия Цин, между прочим, китайская династия И царство императора Айсинцзюэло Пу И — китайское царство. Не только Янцзы, но и Сунгари протекает в Китае.

Почти детская обида застыла в глазах Фына, он готов был,

кажется, заплакать с досады — перехитрил его сапожник. Глотнув судорожно воздух, он, как тонущий, выкрикнул:

— Да дарует бог многие лета императору! Слава сыну неба!

Все-таки он утонул, этот Веселый Фын, и Пояркову стало жаль его. Несчастный человек, непосильную работу взял на себя. Впрочем, нужда и не такое заставит делать.

— Ты хоть видел своего императора? — спросил мягко Поярков.

Веселый Фын плакал. Слез не было, но в голосе звучали плаксивые нотки.

— Разве китаец видит своего императора! Бога нельзя видеть.

Притворщик Фын! Он не чтит бога и тем более его сына. Он продался дьяволу. Причем за небольшую мзду. Какое-нибудь серебро. Поярков представил себе, как Фын протягивает сухую, морщинистую руку, чтобы получить заработанное, и как потом торопливо считает мелочь. Сколько ему дадут за сегодняшний разговор с хозяином сапожной мастерской? Пожалуй, ничего. А может быть...

— Говорят, император молодой... Совсем молодой, — шутило заметил Поярков. Ему вздумалось подразнить сникшего Фына.

Это была бесплодная затея. Обиду Фын сохранял долго, внутри у него все замирало в каком-то мучительном полусне, и он не способен был очнуться. Так могло продолжаться и минуту, и две, и час даже. Мысль в это время работала и работала напряженно, отыскивая средство для нанесения ответного удара обидчику. Поэтому новые уколы Пояркова Веселый Фын не ощущал, он не замечал их просто.

— Фын должен это знать, — продолжал колоть «клиента» Поярков. — Веселый Фын все знает.

Окаменел Фын. Теперь не только иголкой коли, но и шпагой его пронзай, не шелохнется. Щели глаз до того сузились, что походили на тонкую нить, и сквозь этот просвет Фын разглядывал Пояркова. Ненависти во взгляде не было и злобы тоже, обида только. И еще любопытство: «Кто ты такой, русский сапожник? С какой стороны тебя можно взять? Ударить нельзя, убить тем более. А что-то надо делать. Может, отложить месть. Ждать, ждать, пока не придет минута расплаты. Ведь она придет. Мир так устроен, что все приходит. Оступается человек, даже самый осторожный оступается... Впрочем, не за тем прислали сюда Фына. Не за тем! Что его глупая обида?»

С навязчивым «клиентом» было покончено. Поярков подвинул к себе коробку со шпильками и принялся за работу. Лево́й вставлял в отверстие белый колышек, право́й ударом молотка вгонял его в кожу. Так шпилька за шпилькой, шпилька за шпилькой потянулась ровная цепочка по краю подошвы. Любил Поярков вот эту завершающую процедуру. Сапог уже

вроде готов, и можно оценить и красоту его линий, и искусство мастера.

Фын понял, о нем забыли. И еще понял, что он просто Фын, что его не уважают, и не любят, и не боятся к тому же. Он поднялся, придерживая рукой свою больную ногу:

— Веселый Фын все знает...

Это было отчаяние. И это была угроза.

Глянул как-то странно на Пояркова и ушел.

Поярков кивнул вслед. Попрошался. Подумал: больше Фын не придет в его мастерскую. Незачем. Была у него какая-то задача, бился он над ней почти год, да так и не решил. Любопытно, конечно, узнать: что это за задача и кто ее задал? Не сам же Фын затеял знакомство с сапожником с Биржевой улицы. Слишком беден и слишком жалок Фын, чтобы искать друзей среди эмигрантов. Только величайшая наивность способна толкнуть нищего на подобный шаг. А Фын не наивен. Он хорошо знает цену себе и окружающим. Пришел на Биржевую по чужой воле, не по своей и ушел. По воле Пояркова, возможно. А вот тайна осталась.

Поторопился Поярков проститься с Веселым Фыном. Через неделю, в обычный день и в обычный час, явился Фын в мастерскую. Все было обычным. Необычным было лишь поведение Фына. На циновку у порога не сел, так, стоя в дверях, сказал:

— Сошьешь сапоги для важного господина. — Сказал так, будто сам был этим важным господином и сапоги заказывал на собственные ноги.

Смешным показался Пояркову Веселый Фын в новой роли, и он воспользовался случаем, чтобы вышутить «важного клиента». Пододвинул стул, широким жестом предложил сесть:

— Прошу! Будем снимать мерку.

Брови Фына, вернее, те полоски кожи, на которых они обычно растут, полезли на лоб. Впервые он открыл широко глаза и этим выказал свое крайнее изумление. Он пришел расплатиться за обиду, а получил новый удар. И еще какой!

— Что будем шить? Сапоги, штиблеты? — не останавливался Поярков.

С большим трудом Фын выговорил:

— Сапоги... И не мне, а начальнику миссии...

Тайна начинала обретать какие-то контуры. Смутные пока, но все же по ним можно было кое о чем догадаться.

— Мерку снимать с тебя, а шить для начальника миссии?

Выдержка, никогда не покидавшая Фына, вдруг улетучилась. Он понял, что теряет силы. И завизжал в отчаянии:

— Иди! Иди за мной! Начальник ждет...

Поярков сделал серьезное лицо: ну, если сам начальник миссии! Встал со скамейки, снял фартук, поискал в кармане пиджака ключ, вынул его и стал вертеть в руках — дескать, пошли.

Веселый Фын вышел первым из мастерской и, не дожидаясь Пояркова, засеменил, прихрамывая, по тротуару в сторону Цикарской улицы. Поярков двинулся следом. «Странный вызов, — подумал он. — Похоже на арест...»

Его встретили подчеркнуто учтиво. И не в самой миссии, а в особняке, что стоял недалеко от французского консульства на противоположной стороне улицы. Чугунная изгородь отделяла особняк и окружавший его парк от тротуара. Слуга-китаец поклонился Пояркову и открыл небольшую калитку рядом с воротами, жестом показал на дорожку, по которой следовало добираться до крыльца.

Веселый Фын куда-то исчез. Шел, шел рядом — и вдруг растаял. Он умел исчезать незаметно и, главное, неожиданно. Фын тоже знал порог, через который ему нельзя было переступить.

Пожилая японка в кимоно, расшитом белыми хризантемами, встретила Пояркова у двери и, церемонно кланяясь, проводила в гостиную. Поярков не бывал до того в японских домах и несколько удивился, увидев европейскую обстановку. В комнате стояли обитые желтым плюшем кресла, полированный стол с узкой длинной дорожкой из прозрачной ткани вместо скатерти и на нем ваза с подчеркнуто скромным букетом цветов — две белые лилии на высоких стеблях. Простенки между окнами были заняты пейзажами, выполненными на шелке черной и красной тушью. Конечно, тут были изображены вершины потухших вулканов и одинокие сосны. Была Япония, без которой не могли существовать хозяева дома.

Поярков осторожно прошел по пушистому ковру и сел в одно из кресел. Пожилая японка поклонилась еще раз и, пятась, скрылась в боковой двери. Соблюдались все церемонии. Они удивляли Пояркова и, признаться, радовали: не так-то часто в Харбине приходилось пользоваться таким вниманием.

Ему предоставили возможность побыть одному, осмотреться, оценить богатство хозяина и его вкус. Почувствовать себя свободным. Последнее, видимо, играло немаловажную роль во всей церемонии. Позже его оставляли одного в кабинетах с открытыми столами и даже сейфами. Надо полагать, не случайно.

Поярков не шелохнулся, не поддался соблазну изучить обстановку гостиной хотя бы взглядом. Он разрешил себе единственное — полюбоваться издали, из угла, где стояло его кресло, пейзажами. Ему казалось, будто еще кто-то находится в комнате, невидимый и неслышимый, но чуткий, как лесная птица.

Прошло минут десять, а то и больше, прежде чем боковая дверь отворилась и в гостиную появился хозяин дома — так следовало считать, судя по наряду: на нем была юката, легкое кимоно для прогулок по саду. Поклонившись, он, однако, не подошел к Пояркову, а остановился в дверях, дав понять этим, что

сократить расстояние между ними должен сам гость. Поярков поспешно поднялся и подошел к двери.

— Мистер Поярков? — произнес хозяин не то по-английски, не то по-русски. Должно быть, по-русски, потому что следующая фраза была уже точно русская. — Рад видеть вас!

Русское давалось ему не так-то легко — он говорил с японским акцентом, чеканя каждый слог, — но давалось. Поярков, например, не смог бы произнести то же самое по-японски.

Пожав друг другу руки, они снова разъединились, хозяин сел под пейзажем, воспроизводящим вершину вулкана и одинокую сосну. Поярков чуть поодаль, в углу слева.

— Мистер Поярков хорошо переносит жару? — спросил хозяин и тронул рукой свой невысокий белый лоб, как бы смахивая пот.

Поярков не знал, как он переносит жару. Он никогда не задумывался над этим. Но кивнул — жара его не беспокоила.

— Да-да, привычка, — понимающе поднял брови хозяин дома. — Вы ведь старожил, давно живете в Харбине...

— С двадцать первого года.

— С двадцать первого года... — задумчиво повторил хозяин. — Это много. Мы еще не успели свыкнуться с необычным для нас климатом. У нас прохладнее в это время. В Благовещенске тоже...

«Все, как по нотам, — разочарованно отметил про себя Поярков. — Барин повторяет слугу». Он вспомнил Веселого Фына; досаждавшего ему своими расспросами о России.

— Когда как... — не дал Поярков в руки хозяина нить для продолжения разговора. Но тот и не добивался ее, программа беседы у него была составлена заранее.

— Амур защищает Благовещенск от этих ужасных пыльных бурь Гоби. Нет, Приамурье — благодатный край. Никакого сравнения! — Хозяин откинулся на спинку кресла и мечтательно закатил глаза, словно ощущал в эту минуту прикосновение прохладного амурского ветра.

Поярков вздохнул. Грустно. Он знал, что хозяину нужен этот вздох, что ради этого простого выражения человеческих чувств он вел трудный, конечно трудный, разговор. Слова-то выстраивались, будто колышки вколачивались. Небось речь свою учил со вчерашнего дня, а то и с прошлой недели.

— Что ж, судьба... — завершил тему хозяин дома и сочувственно взглянул на Пояркова.

— Да, судьба.

Хозяин встал, поправил на себе юката, плечи его при этом чуточку поднялись — он хотел выглядеть внушительнее, крупнее, чем на самом деле. А был он маленьким и кругленьким, с весьма приметным жирком на животе. В широком кимоно он казался пингином, расправившим крылья. Приняв надлежащий его положению вид, хозяин зашагал по гостиной из конца в конец, как бы собираясь с мыслями и что-то решая.

— Мистер Поярков, — начал он опять не то по-английски, не то по-русски, — мы хотели бы иметь в вашем лице человека, способного сделать жизнь нашей семьи более красивой и удобной...

Поярков слушал. Руки его легли на подлокотники, грудь чуть подалась вперед, шея вытянулась. Он был весь внимание. Наступил вроде бы решающий момент разговора. Неужели начальник миссии, или бог знает кто он там, все-таки повернет дело к сапогам?

Повернул. Самым элементарным образом перескочил с благодатного Амура на туфли своей жены. Правда, витиевато несколько преподнес это, но тут уже стиль высокопоставленного лица.

— Мы знаем, какие у вас руки, мистер Поярков, вы все можете. Будем надеяться...

Поярков тотчас полез в карман за карандашом, листком бумаги и сантиметром. Прощупывание предварительное окончилось, наступает пауза для выполнения обязанностей, ради которых он, собственно, и вызван в дом важного господина.

Хозяин дома посмотрел внимательно на сапожника и сказал:

— Я позову жену и дочерей... Сначала — им.

Он покинул Пояркова и буквально через несколько секунд вернулся в сопровождении сравнительно молодой полной японки и двух девочек-подростков, очень похожих на мать, но только худеньких. Пояркову показалось, что семья находилась за дверью и только ждала приглашения хозяина — слишком быстро они впорхнули в гостиную. Мадам первая опустилась в кресло и легким грациозным движением выпростала из домашней сандалии ногу, маленькую, тонкую, очень белую.

— Что будем шить? — спросил Поярков и улыбнулся хозяйке.

Та повернула голову в сторону важного господина и посмотрела растерянно. Хозяин тоже улыбнулся, перевел ей слова мастера, застыл в торжественной позе, что должно было подчеркнуть важность момента.

Хозяйка схватила со стола какой-то журнал с английским названием, перелистала его и, найдя нужную страницу, ткнула Пояркову.

— О!

Он увидел фотографию женской ноги в модной туфельке. Это был очень сложный фасон. Браться за подобный заказ не хотелось. Да и где взять товар? Харбин — не Лондон и не Париж. Однако начинать с отказа нельзя. Поярков принялся внимательно изучать фотографию.

Хозяин через плечо гостя глянул на страницу и покачал отрицательно головой:

— Это потом. Сначала японские. Вы можете шить японскую обувь?

— Да.

— А это — потом...

Огорчение на лице хозяйки было великим и, главное, не-притворным. Она прикусила губу и с тоской посмотрела на мастера. Ей хотелось услышать от него что-то способное переубедить мужа. Поярков охотно откликнулся на призыв:

— Модель прекрасная! У госпожи изумительный вкус... И если вы разрешите,— он обратился к хозяину,— я позже попытаюсь сшить такие туфли. Позже...

Он остановился, чтобы дать возможность хозяину перевести сказанное.

Хозяин замешкался. Ему не особенно хотелось поощрять желание супруги и дочерей быть похожими на европейек. Он прежде взвесил все, нашел, что комплимент сам по себе не опасен в этом смысле, напротив, как бы возвышает японку, способную проявить тонкий вкус, и перевел слова мастера. Женщина зарделась, польщенная, и тут же согласилась с рекомендацией мужа: пусть прежде сошьют японскую обувь. Ей и дочерям.

Все складывалось как нельзя лучше. Мастер вел себя умно, даже очень умно, и это было отмечено хозяином. С таким сапожником можно поладить. В конце концов, дело не в сапогах и не в туфлях.

Поярков снял мерки с ног жены, дочерей и попросил сесть в кресло хозяина:

— Вам тоже японские?

Понадобилось время, чтобы тот ответил утвердительно. Видимо, в простом «да» таилось противоречие. Хозяин хотел иметь сапоги, обыкновенные, а может, и не совсем обыкновенные офицерские сапоги, какие носят командиры почти всех армий. Японские ли они? Почему бы им и не быть японскими, если их носит японский офицер.

— Японские,— сказал твердо хозяин и подставил ногу Пояркову.

Когда Поярков обхватил ее ленточкой сантиметра, последовал вопрос хозяина:

— Вы, кажется, шили сапоги Чжан Цзолину?

Поярков вздрогнул. Он не пропагандировал последнее время свою связь с маньчжурским диктатором, убитым японцами.

— Я шил всем господам,— обобщил Поярков.

— Да, о вас хорошо отзываются влиятельные люди Харбина,— кивнул одобрительно хозяин.

— Значит, будем шить сапоги?

— Сапоги,— снова кивнул хозяин. И, переждав немного, уточнил: — Как у Чжан Цзолина...

Он заставлял Пояркова вздрагивать. Умышленно, видимо; повторялось имя диктатора.

— В них не было ничего особенного,— повел недоуменно плечами Поярков.— Только материал...

— Их помнят в Маньчжурии, — заметил хозяин и тем как бы отдал дань таланту мастера. — Материал можно потратить и на солдатские ботинки, если, конечно, не жаль денег.

— Вы правы, — согласился Поярков. — Я обычно берегу материал.

— Не скромничайте, мистер Поярков. Сапоги Чжан Цзолина — легенда. Вы способны ее повторить?

— Если прикажете.

— Зачем же приказывать? Прошу.

Прицепился этот чертов хозяин к сапогам Чжан Цзолина. Хорошо, если к сапогам только.

— Сделаю лучше.

— О-о! Вы кудесник... — Хозяин как-то нарочито весело рассмеялся и даже прижал руки к своему толстенькому животiku. — Но я хочу точно такие же, как у Чжан Цзолина. Точно такие.

— Ваша воля. Но японский офицер может предложить свой собственный фасон.

— Может... но в свое время... — полушутя-полусерьезно ответил хозяин. — В Китае любят высокие голенища. Консерваторы, ничего не поделаешь.

Из этой шутливой фразы Поярков выбрал всего три слова «в свое время». Значит, в свое время подлаживаться под китайские вкусы надобности не будет, их просто перечеркнуто как анахронизм. С этим понятно. Непонятно, зачем хозяин акцентирует внимание Пояркова на Чжан Цзолине. Или пытается выяснить отношение мастера к китайцам, его связи с окружением бывшего диктатора? Ведь сын Чжан Цзолина находится в оппозиции к японцам и даже пытается выступить против них.

— Мода меняется, — с умыслом подчеркнул Поярков. — И надо идти с ней в ногу.

Посмеиваясь, все еще будто не улавливая подтекста в ответе Пояркова, хозяин сказал:

— Вы настоящий мастер. Вы все понимаете.

— Пытаюсь.

— И не безуспешно. Я порекомендую вас высшим офицерам штаба.

— Благодарю.

— Заказов будет много. Мой дом — только начало. Вы не пожалеете, что приняли наше предложение. Надо идти в ногу с модой, верно сказано...

Веселый Фын больше не появлялся на Биржевой улице. То ли надобности не было во встречах с сапожником, то ли обида мешала ему переступить порог мастерской.

«Миссия китайца завершена, — решил Поярков, — и он не нужен теперь ни мне, ни важному господину». Поярков оши-

бался, но выяснилось это позже, когда Веселый Фын был уже почти забыт. Почти забыт...

Спустя неделю после приема заказа Поярков снова навесит важного господина. Он показал товар, из которого собирался шить сапоги, и получил одобрение. Естественно, что одним осмотром материала дело не ограничилось. Хозяин распорядился подать чай, а, как известно, чайная церемония у японцев занимает не один час. За то время, пока жена и служанка сервировали столик, хозяин успел задать гостю не один десяток вопросов и получить на каждый исчерпывающий ответ. Вопросы были с подкладкой, как любил говорить Поярков, таили в себе вторую мысль, зашифрованную и старательно скрываемую, но все же угадываемую собеседником. Это напоминало харагей, манеру японцев изъясняться намеками, использовать подтекст, когда смысл отдельных слов менее важен, чем контекст всей фразы. Поярков отвечал так же. И собеседники остались друг другом довольны.

Пока это была разведка важного господина, и Поярков представлял собой объект для исследования, всего лишь. Очень удобный объект, поскольку давал возможность «потрошить» себя, не упрямясь и не сопротивляясь. И вместе с тем, чтобы не казаться уж слишком наивным, ставил перед исследователем преграды, сложные и простые, в зависимости от обстоятельств. Если они, эти преграды, оказывались слишком высокими и маленький важный господин не в состоянии был их одолеть, Поярков сам подрубал их, раскачивал, чтобы исследователь все же повалил их и добрался до цели. Иначе он не испытывал бы удовлетворения в этой, затеянной им борьбе за тайну.

Каждый раз, готовясь к беседе с важным господином, Поярков анализировал предыдущую встречу, намечал примерную схему «боя» и определял, где, в какой именно момент он должен отступить или сдаться в «плен». Последнее тоже планировалось.

Накануне таких, ставших традиционными встреч, когда Поярков был занят разработкой схемы «боя», произошло событие, вдруг нарушившее традицию. В мастерскую пришла женщина и заказала туфли.

Женщины вообще редко заглядывали в мастерскую Пояркова. В Харбине было несколько известных мастеров, специализировавшихся на изготовлении дамской обуви. Наконец, магазин Чурина выполнял заказы модниц, выписывая туфли из Франции и Германии. И вот заглянула. Она была молода и красива. Она была богата — так показалось Пояркову. Во всяком случае, медальон на золотой цепочке с тремя крупными рубинами, который заказчица так небрежно отбросила к плечу, наклонившись, чтобы снять туфлю, мог принадлежать только очень состоятельному человеку. О том же говорили бриллиантовые серьги и широкий золотой браслет.

Она была русской. Больше того, амурской казачкой, родным чем-то для Пояркова человеком. И следовательно, приносящим радость. Он понял сразу, что она с левого берега, и заволновался. Ему хотелось поговорить с ней, подольше поговорить, и не об этих дурацких туфлях, которые она пришла показать, а о чем-то другом, душевном, близком им обоим.

Он смотрел, как она садилась на стул, старый, потертый стул, совсем не для нее, для амурской красавицы, предназначенный, как стягивала с головы газовый шарфик, оберегающий лица харбинок от противной желтой пыли, как улыбалась смущенно, возясь с туфлей, которая никак не хотела сниматься с ее смуглой, чуть полноватой ноги. Смотрел и тоже улыбался, но не смущенно, как она, а восторженно и счастливо.

Потом он так же, не отрывая от нее глаз, стал опутывать ее ногу сантиметром и повторял это десять раз, никак не запоминая цифры и не зная, какая цифра что означает. Тогда она взяла из его рук сантиметр, сама смерила и потребовала, чтобы он записал.

Он записал. Стал ждать, когда она назовет свою фамилию.

Она засмеялась:

— Нет у меня фамилии. Да и не нужна она. Катька я!

Поярков принял это за шутку. Написал: «Екатерина» — и снова замер в ожидании. Она поправила:

— Катька, а не Екатерина. Так зовут все...

— Адрес?

— «Бомонд»... Ресторан «Бомонд»...

Его передернуло. Как-то пошло прозвучало все это. Он посмотрел на заказчицу с обидой и укоризной:

— Мне надобен адрес. Где я найду вас, чтобы показать товар?

— Я же сказала: ресторан «Бомонд». Или вы никогда не были у нас?

Поярков покраснел. Его вроде бы отнесли к низшему сорту людей, перед которыми закрыты двери богатого ресторана. Признался:

— Не был... Не хожу в рестораны,

— А-а?!

Теперь она покраснела. Сапожник поставил себя выше ее, подчеркнул, что игнорирует, а может, и презирает тот мир, где она живет.

— Если не трудно, загляните сюда на той неделе, — предложил Поярков.

Она нахмурилась, и тонкие брови ее сошлись на переносице.

— Нет.

— Как же быть?

— Да никак... В среду я в зале. Столы мои справа у эстрады. Займете! Я подойду, приму заказ, а вы покажете свой товар.

Нелепые вещи предлагала амурская казачка. Он должен пойти в «Бомонд» и заказать себе ужин. Ради чего? Веселиться — желания нет, бросать деньги на ветер — тем более. Последнее ухватила заказчица и успокоила Пояркова:

— У меня в гостях побудете...

Сказала мягко. Но была в этом какая-то издевка. Поярков вовсе залился краской:

— Я предпочел бы в другом месте.

— Другого места у меня нет.

Она надела туфлю, встала. Поярков увидел, что казачка высока, или так показалось ему, и смотрит на него откуда-то издали. Взгляд ложится поверху, не касаясь его, не замечая вреда.

— В среду, — повторила она.

— Вечером? — спросил он зачем-то, хотя считал, что не пойдет в ресторан и не станет шить ей туфли.

Она насмешливо скривила губы:

— Утром ресторан не работает...

И НЕ ТОЛЬКО МИССИЯ ИНТЕРЕСУЕТСЯ... ЕЩЕ КОЕ-КТО

В его распоряжении была целая неделя. Он мог не торопясь обдумать все, что связано с посещением странной заказчицы и ее приглашением посетить «Бомонд».

Теперь уже ясно было, что заказчица странная. Поначалу пораженный и восхищенный Поярков воспринял визит как неожиданное, но естественное событие: женщине, молодой и красивой, понадобились туфли, и она пришла к сапожнику, чтобы заказать их. Ведь случалось такое и прежде. Поярков шил туфли мадам Кислицыной, дочери генерала Бакшеева, не говоря уже о других, менее известных в Харбине модницах. Часть из них появлялась в мастерской на Биржевой улице, и не раз. Почему бы не заглянуть и этой амурской казачке? Тем более что она явно не из высшего круга. Какая-то Катька из ресторана всего лишь.

Так представлялся визит казачки поначалу. Но только поначалу. Пояркова смутило ее отношение к «Бомонду». В среде русской эмиграции ходили разные, в основном нелестные слухи об этом ресторане. Там довольно равнодушно относились к харбинским старожилам и весьма неравнодушно к «новичкам», проще говоря, приезжим, особенно с Севера. Перед ними расшаркивались, как перед именитыми и состоятельными людьми, хотя порой они не имели в кармане даже на приличный ужин с французским коньяком или шотландским виски. Ресторан содержал японца, и говорили, что расходы его превышают доходы. Однако он не разорялся, и «Бомонд» не терял своей репутации одного из лучших ресторанов Харбина. Его охотно

посещали, но в залах старались не говорить о политике. «Не принято», — объясняли завсегдатаи. В этом «не принято» было что-то загадочное, и совсем не романтического характера.

«Бомонд» насторожил Пояркова. И не столько «Бомонд», сколько приглашение посетить его в среду вечером. Возможно, это была простая любезность: у казачки не оказалось квартиры, и она, живя где-нибудь в каморке нижнего этажа ресторана, постеснялась принять сапожника у себя и назначила встречу прямо в зале.

Возможно... Но если тебя шокирует обстановка, в которой ты живешь, не зови в гости, приходи сама к мастеру и посмотри товар.

Нет, ей не нужна Биржевая улица, ей не нужны даже туфли — слишком спокойно она отнеслась к выбору фасона, кивнула, и все: шейте, мол, как считаете нужным. Наконец, с комплиментами Пояркова, очень откровенными, подчеркнутыми восторженными, обошлась довольно бесцеремонно. Не заметила их. Самого Пояркова не заметила, а он так упорно добивался внимания, глаз с нее не сводил. Значит, и как мужчина он не заинтересовал ее. Какого же черта она пришла сюда?

Целая неделя, уйма времени... Можно все обдумать и все решить. А Поярков ничего не решил. Ему и хотелось пойти и не хотелось. То он видел свою заказчицу просто женщиной, не особенно тонкой и изобретательной, с самыми банальными идеями в голове и потому нещепетильной в выборе средств, то подозревал в ней тайного агента японской секретной службы, авантюристку и провокатора. И в первом и во втором случае, чтобы нарисовать точный портрет, ему не хватало каких-то черточек. Вернее всего, ему не хватало впечатлений. Он видел ее лишь какие-то минуты, конечно, минуты. Вошла, села, сняла туфлю. Сказала несколько слов и ушла.

Да, ему дано было очень мало, а решить надо было многое. Главное — решить, идти или не идти. Если это просто заказчица, он не пойдет. Заводить знакомство с какой-то официанткой было глупо, да и рискованно. Бог знает с кем она близка и в какую историю втянет наивного поклонника. Другое дело — агент или доверенное лицо японской службы (Пояркову хотелось, чтобы за спиной всех этих посредников стояли обязательно японцы), тогда он разрешит с собой играть и даже сделает в этом направлении шаг. Он уже сделал такой шаг в особняке важного господина.

Увы, заказчица была похожа на официантку и совсем не похожа на агента.

В понедельник Поярков понес заказ в японский дом, надеясь увидеть важного господина и продолжить разговор, очень интересный, по его мнению. В руках он держал башмачки из сафьяна, предназначенные для хозяйки, и образчик товара: сапоги чжанцзолиновского фасона требовали особой кожи. Перед домом важного господина Поярков остановился, чтобы

позвонить и доложить о своем появлении. Однако нажать кнопку ему не удалось. Словно из-под земли вырос Веселый Фын и протянул руку к свертку:

— Господина нет. Он велел передать заказ Фыну.

Поярков отвел торопливую руку китайца:

— Это госпоже.

— Госпожи нет. Она велела передать заказ Фыну.

Веселый Фын действовал как автомат. Возражать или доказывать ему что-то было бесполезно. Он смотрел не мигая на Пояркова и ждал.

— Меня просили прийти сегодня, — все же произнес озадаченный Поярков.

— Веселый Фын все знает.

Пояркова подмывало дать хорошую затрещину нахальному Фыну, но он сдержал себя и лишь усмехнулся:

— Этого ты не знаешь.

Фын сморщил лоб, пытаясь понять, что имеет в виду сапожник.

— Не знаешь, — повторил Поярков.

Он покрепче засунул под мышку сверток и, повернувшись, пошел прочь от дома важного господина.

Всю дорогу от Цицикарской до Биржевой он размышлял над событиями последней недели. Да, это были события, хотя и выглядели пустяками: явилась странная заказчица, важного господина не оказалось в назначенный день и час дома, появился вновь Веселый Фын. Каждое в отдельности событие можно расценить как случайность, но вместе они являют собой что-то целенаправленное и закономерное, необъяснимое и тревожное. Главное, необъяснимое.

Было начало. Ясное, логичное, характерное для японцев. Большое вступление, короткая завязка и торопливое движение к цели. Все грубое, прямолинейное. И вдруг — обрыв!

«Узнали что-то дискредитирующее меня? Отказались от плана? Переменили тактику?»

Первое — опасно. Черт знает какую информацию получили японцы!

Второе — неприятно. Игра началась хорошо и была многообещающей. Для него, во всяком случае. Он рассчитывал на смелый ход.

Третье — любопытно. Изменение тактики — это что-то новое в работе японской секретной службы. Вклинился новый человек? Интересный, самобытный, смелый. Кто он?

Второе и третье — приемлемо. Второе, правда, разочаровывало, но что поделаешь, не он диктует направление деятельности штаба Квантунской армии. Третье давало возможность попробовать себя, напрячь силы, вступить в поединок. Победить, возможно.

Первое ни с какой стороны не устраивало. Оно пугало, сковывало, заставляло переходить к обороне. Отступить даже. А когда отступаешь хоть на шаг, на два, не знаешь, что ждет тебя. Ровная дорога или рытвины и ямы. Того и гляди, оступишься...

Пояркову казалось, что за ним следят. От самой Цицикарской кто-то идет следом, фиксирует каждое его движение. Фын идет. Именно он должен стать тенью Пояркова.

У мастерской Поярков не выдержал и оглянулся. Никого сзади не было. То есть были люди, но лысой головы Фына он не заметил.

«Мерещится! Значит, напряжены нервы. Теряю самообладание. Плохо...»

ЦЕПЬ НЕОЖИДАННОСТЕЙ... КОНЧИТСЯ ЛИ ОНА?

Поярков вошел в мастерскую, снял пиджак, повесил его на гвоздь в углу. Застыл в нерешительности. Желания влезать в фартук и браться за молоток не было. Вообще желания оставаться в мастерской не было. Она пугала его сегодня своей полутьмой, своей неустроенностью. «Сапожник, почему я сапожник? — с досадой подумал он. — Надо же было выбрать такую нелепую специальность. Вечный полумрак и вечный запах кожи. Вечно разутые или обутые ноги. Черт!»

Он решил уйти. Побродить часок по городу. Развеемся. В это время в дверь постучали.

— Открыто! — нехотя отозвался Поярков.

Вошла она, та самая заказчица с газовым шарфиком на лице. Амурская казачка.

Этого еще не хватало! День неожиданностей. Поярков изобразил на лице такую муку, что заказчица не решилась пройти вглубь, к стулу, а замерла у двери.

— Не ко времени, что ли? — спросила она.

Она была какая-то смущенная, виноватая.

— Пришли заказ вернуть? — зло бросил Поярков.

— Нет, что вы? Хотела сказать, чтобы не приходили в среду... Не надо...

Да, она чувствовала себя виноватой. Но вроде не перед ним, а перед кем-то другим, и тот, другой, послал ее на Биржевую улицу извиниться.

Не шло ей это смущение, виноватый тон не шел. Она была сильной, смелой, уверенной в себе. И рдела сейчас вся от сознания жалкости своей, унижительной для гордого человека.

— Не надо так не надо, — обреченно и немножко грустно произнес Поярков. Все у него сегодня рушилось. Все, и это тоже.

— Только вы не сердитесь.

— Отчего же я должен сердиться? Вы назвали день, вы вправе и отменить. Если бы я назначил, другое дело...

— Так назначьте!

— Что?!

— Назначьте, говорю, только не среду. В среду нельзя... Меня не будет.

— Ерунда какая-то! — развел руками Поярков. — Вы понимаете, что говорите. Я хозяин только в своей мастерской, да и то временно, пока плачу аренду господину Сахарову. «Бомондом» не распоряжаюсь. Да и желания не имею распоряжаться. Там другие хозяева. Вы, может быть...

Широко открытыми глазами казачка смотрела на Пояркова. Он сердился, и это пугало ее.

— Вот мною и распорядитесь, — сказала она просто.

— Нет, вы ничего не понимаете. Абсолютно ничего. — Поярков пододвинул к ней старый, с потертой обивкой, стул — Садитесь!

Она кивнула, благодаря за приглашение, села на краешек и стянула с лица газовый шарфик. Еще красивей и неотразимей было это лицо. Волнение сделало его подвижным, глаза горели ярко, и вся чернота их будто выплескивалась на Пояркова. Он, как и в прошлый раз, застыл пораженный.

— Вами распорядиться? — спросил он робко.

— Ну да. Отчего же нет? Катькой все распоряжаются.

Циничное признание. Но Поярков уловил в тоне, каким казачка произнесла фразу, еще и вызов. Вызов оскорбленного человека.

— Вы не из тех, кем распоряжаются.

Она поняла, что переборщила. Конечно, ею распоряжались. Были такие. Только трудно им приходилось.

— Из тех... — сказала она упрямо.

— Что из того? Я тоже не распорядитель.

Казачка оглядела закуток, в котором царствовал мастер:

— Да, конечно...

— Значит, не мне назначать вам время и место.

— Как же тогда встретимся? — снова сказала она просто, будто виделись они много раз и надо было снова условиться о свидании.

Поярков опустил на скамеечку против заказчицы, посмотрел ей в глаза:

— Ну вот что, Катя...

— Катька, — повторила она.

— Все же Катя.

— Если уж хотите звать по-настоящему, то Люба, — открыла она свое имя и сделала это, стесняясь и тупя глаза. Почему-то ей стыдно было произносить два имени вместе.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Хорошо, что Люба...

— Почему?

— Не знаю почему, но хорошо... Так вот, Люба, я сошью вам красивые туфли. Чудесные туфли. Весь Харбин завидовать станет... Но в «Бомонд» не пойду.

— Не пойдете? — Боль затенила ее лицо, боль отчаяния. — Как же так не пойдете? Нельзя вам не идти.

— Это что-то новое. Почему нельзя?

— Зову ведь... Не всякого Катька зовет.

— Догадываюсь.

— Коли догадываетесь, то идите. Только назначьте день!

Он вскочил:

— Да зачем я вам нужен, Люба? Покажу товар хоть сейчас. — Он полез в шкафчик, где хранились образцы, и стал копаться там.

— Не стану смотреть, — сказала Катя.

— Станете! — отбросил он ее возражение и еще глубже всунулся в шкаф.

Катя поднялась, отодвинула шумно стул и тем дала понять, что недовольна и собирается уйти.

— Куда? — испугался он.

— Да туда... откуда пришла.

Поярков бросил свои образцы — ворох цветных обрезков, с которыми возился, кинулся к Кате, взял ее за руку:

— Нет, не уйдете!

— Вот и уйду. — Большая, сильная, решительная, она шагнула к двери.

— Да что вы в самом деле, Люба?! Или туфли не нужны? Неопределенно как-то она пожала плечами:

— Может, и не нужны...

— Так что вам нужно?

— Не догадываетесь?

— Нет.

Катя была уже у двери и тронула ее. Створка скрипнула тревожно.

— Прощайте, Борис Владимирович!

Его не испугало ее желание уйти, а если и испугало, то не настолько, как вот это «Борис Владимирович».

— Откуда вы знаете мое имя?

Она улыбнулась:

— Знаю.

Лукавая была улыбка, задиристая какая-то.

— Да откуда же?

— Недогадливый вы человек, Борис Владимирович... Однако, пустите, уйду я... — Требовательным движением Катя высвободила свою руку из ладони Пояркова.

— Нет уж! — Он преградил ей дорогу. — Прежде скажите, откуда знаете.

— Какой вы, право, любопытный и настырный... Вот только...

— Что?

— Несмелый...

Его ожгли эти слова.

— Не похож... Не похож на ваших знакомых,— проговорил он с явным желанием оскорбить гостью.

Она вспыхнула:

— А обижать меня не надо, хотя я и Катька всего лишь. Пустите-ка!

Поярков отстранился и дал ей возможность пройти. Без охоты сделал это, с сожалением даже — не гори в нем упрямство, не пустил бы Катю. Однако уж если замахнулись друг на друга, надо бить, и бить по-настоящему.

— Бывайте! — произнес он зло, сквозь зубы, и распахнул перед ней дверь.

Катя торопливо набросила на лицо газовый шарфик и выскользнула на улицу.

Наступила среда. Ничего знаменательного она собой не несла. Встречу, назначенную прежде на этот день, Катя отменила, а других встреч или приглашений не было. К тому же о встрече с Катей вообще не могло быть речи — он обидел ее и почти выпроводил из мастерской. И все же именно со средой Поярков связывал то волнение, то тревожное ожидание, что родилось в нем и с наступлением этого дня стало невыносимым. Работа не шла. Трижды он брался за сапоги важного господина и трижды откладывал их. «Не до этого», — говорил он себе, хотя почему не до этого, объяснить не мог. Сапоги все же заказаны были. Небось важный господин не откажется от них, как отказалась от туфель Катя. Впрочем, все может быть. Не принял же он в понедельник Пояркова, и жена не приняла. Все разом отвернулись от него, и отвернулись в тот момент, когда положение казалось ему устойчивым и надежным.

«Что-то должно произойти в среду. Что-то решающее, — объяснял свое тревожное состояние Поярков. — Предчувствие никогда не обманывало меня».

Чем ближе к полудню, тем яснее становилась эта убежденность и тем определеннее связывалось ожидание с именем Кати.

«Почему вначале она назвала среду? И повторила несколько раз: вечером в среду. И среду же отменила!»

Весь день, как это ни странно, он ждал появления Кати. Не признавался себе в том, что ждет, не произносил мысленно имени, но голос ее, ее шаги слышались ему постоянно.

Минул полдень, и никто не переступил порога мастерской. Предчувствие обманывало Пояркова. Тревога оказалась напрасной.

Однако она не покидала Пояркова. «Что-то должно все же произойти. Не сейчас, так вечером».

В шесть часов он закрыл мастерскую и пошел домой. Нет, не пошел, побежал, словно боялся потерять какие-то минуты. Переоделся, предупредил хозяйку, что, возможно, задержится, и помчался на трамвае в центр, к «Бомонду».

Ресторан только что открыли, и залы были почти пусты. Глупо было входить первым, во всяком случае одним из первых, — так солидные посетители не поступали. Но Пояркова меньше всего беспокоили этикет и традиция, он вошел и сел за один из столиков справа, как велела когда-то Катя.

Я ему надо было увидеть ее, увидеть во что бы то ни стало. «Я не тоскую о ней и не испытываю никакого желания говорить о чувствах. У меня их просто нет. Мне надо уличить ее во лжи. Она говорила, что не будет сегодня в «Бомонде» — так он убеждал себя и так оправдывал свое появление здесь.

Обман имел какое-то значение для Пояркова. Он подозревал в Кате агента. Если она подослана к нему, то перемена даты имеет определенный смысл, и дело вовсе не в официантке, а в «хозяине», который разрабатывает план. Ему хотелось, чтобы так было. Он устал от ожидания.

Кати действительно не было. К Пояркову подошел официант, молодой человек с рыбьими глазами и загнутым книзу длинным носом, и предложил карточку. Поярков заказал коньяк, пару ломтиков лимона и легкую закуску.

«Может, Катя в другой половине зала, — подумал Поярков, — и еще появится...»

Он набрался терпения и стал ждать. Взгляд его время от времени обегал зал, проверяя столы, и не находил Кати. Подозрения его были напрасны. Она не обманывала.

«Глупо... Очень глупо, — кусал губы Поярков. — Я начинаю терять ориентацию. Нервы сдают, что ли?»

Он допил коньяк, нехотя, с тоской какой-то. Сунул в рот лимон, куснул его и не почувствовал обжигающей кислоты, не поморщился во всяком случае.

«Уйду... Уйду сейчас же!»

Его сердила бесплодность всего, что он затевал в последние дни. Какая-то пустота. Тропа, которую он избирал и которую ясно видел впереди, после нескольких шагов вдруг исчезала, растворялась вроде бы. Это способно вызвать не только гнев, но и отчаяние. Какую-то ошибку, видимо, он совершил при выборе схемы. Ошибку или ошибки. Целую серию ошибок.

«Десять лет меня ничему не научили. Главное, не научили видеть людей. Живых людей. Не манекены же я все время встречал? Откуда такой шаблон в подходе? Или смена обстановки сбивала меня с толку? Не понял новых хозяев, не оценил их возможности. Не раскусил тактику японцев».

В одиннадцать часов, так и не увидев Кати, Поярков покинул ресторан. Стоит ли говорить о том, что он был мрачен, зол на всех и на самого себя и бранился. Мысленно, конечно. Ни официант, который дьявольски медленно подсчитывал выпитое и съеденное, хотя выпито и съедено было ничтожно мало, ни гардеробщик, возившийся с котелком Пояркова, как с короной английского короля — дул на него и подчищал щеточкой поля, ни кондуктор в трамвае, сонный старикашка, не

услышали ни «дурака», ни «идиота», ни «кретина». Все это не слетало с губ и предназначалось лишь для Пояркова.

«А я ждал. Я чего-то ждал весь день. Да что весь день! Два дня. Неделю почти. Надо же так обмануться!»

Впрочем, было только одиннадцать часов. Одиннадцать с лишком. Среда еще не кончилась. До полуночи оставалось минут сорок, ну тридцать пять...

Около своего дома Поярков увидел человека. Притулившись к стене, он не то спал, не то отдыхал. А может, ждал кого-то. Ждал, наверное.

Когда Поярков приблизился к крыльцу, человек поднялся. Поднялся и заковылял навстречу. Это был Веселый Фын. Тощ, лыс, хром. Кто еще мог так странно, подергиваясь всем телом, припадать на одну ногу?

Наваждение какое-то! Откуда взялся здесь Фын? Он не знал адреса Пояркова и никогда не интересовался тем, где обитает сапожник с Биржевой улицы. Ему достаточно было мастерской.

Поярков мог пройти мимо, не глянув даже на китайца, они вроде бы поссорились, но не прошел. Мысль мгновенно связала Фына со всем, что произошло в эти дни, и, главное, с тем тревожным ожиданием, которым жил Поярков последние часы. «Вот оно, невероятное! — задохнулся он от волнения. — Пусть в образе Фына! Не все ли равно?»

Поярков задержал шаг и дал возможность Веселому Фыну приблизится, не мучая больную ногу лишним движением.

Лицо китайца было, как всегда, бесчувственным, в маске равнодушия, и глаза полузакрыты, словно в дреме.

— Вот пришел Веселый Фын! — сказал за китайца его обычную фразу Поярков.

Тот ничего не ответил. Не принял этого дружеского намека. Протянул Пояркову бумажку, старательно свернутую и потому казавшуюся крошечным конвертиком. Ладонь была раскрыта, и конвертик трепетал на ветерке.

Поярков взял его и тотчас развернул. Ему не терпелось узнать, кто прислал записку. Именно кто, а не что в ней значилось. И не узнал.

«Будьте завтра там же!» — прочел он при свете уличного фонаря. Подписи не было. Всего четыре слова. Почерк ровный, почти каллиграфический, ничего не говорящий об авторе. Но неженский. Так показалось Пояркову.

Он посмотрел вопросительно на Фына. Тот, конечно, ведал, кому принадлежат эти четыре слова. Однако не откликнулся на немую просьбу, будто не был причастен к событию.

— Ты не ошибся, Фын?

— Нет.

— Мой адрес тебе не известен.

Поярков ждал традиционного: «Веселый Фын все знает!»

Но не прозвучало традиционное. Китаец постоял еще с минуту, как-то странно покачивая головой, потом повернулся и заковылял в темноту.

Сострадание вдруг пробудилось в Пояркове.

— Фын, уже поздно. Может, переночуешь у меня?

Это было еще и чувство благодарности: китаец успокоил Пояркова своей маленькой запиской.

— У Фына есть свой дом, — ответил из темноты китаец. — У Фына все есть...

КТО ОН — ГОСПОДИН ЛИ, СЭР СТЕЙЛ, КАПИТАН МИЛКИЧ, СИНЬОР ВАНТИНИ?

Его ждали. Об этом было нетрудно догадаться. Поярков не надеялся найти в «Бомонде» свободный столик, так как опоздал к открытию ресторана, но столик нашелся. На нем стояла картонка с коротким, но строгим текстом на английском, французском и русском языках: «Заказано». Его провели к нему и усадили.

«Значит, записка от Кати! — заключил Поярков. — Мир восстановлен». Ему было приятно сознавать, что она побеждена и признала это, проявив к нему внимание. Не без волнения ждал он появления казачки и приготовил благодарную улыбку. И не только улыбку, свои извинения за бестактность, за глупые намеки. В программе был еще теплый взгляд и душевное прикосновение к ее руке.

Но... снова обман! К столику шел вчерашний официант, молодой человек с рыбьими глазами и большим носом крючком. Шел, неся впереди себя поднос, уставленный бутылками и закусками. Ужин был уже заказан. Катя или кто там еще расписали весь вечер Пояркова в «Бомонде».

— Пока закусывайте, — сказал, поклонившись, официант. — Стол для ужина сервируется в номере. — Он посмотрел на Пояркова многозначительно и с почтением, как на очень важного посетителя. — Прикажете открыть? — Официант показал на бутылку сухого вина.

Поярков кивнул.

Пробка щелкнула, и в бокал полился густо-красный напиток.

— Вы всегда у этих столов? — спросил Поярков.

— Нет, только два дня.

— Спасибо...

Официант исчез.

«Да, все расписано. Катька, оказывается не просто Катька, — озадаченно резюмировал Поярков. — Интуиция меня не обманула. Непонятной, однако, осталась тактика. Никак не удастся ухватить нить, здесь я пасую. Логика начисто отмечена. Или в этом и есть своя логика?»

Он отпил из бокала, почувствовал терпкость, возбуждающую и обостряющую мысль. Откинулся на спинку стула.

Все хорошо. Надо лишь освоиться с этим приятным состоянием. И подготовить себя к встрече. В кабинете ему преподнесут наконец «хозяина», иначе нет смысла затевать игру и строить дорогостоящие декорации. Фын, важный господин, его жена, Катя — это все промежуточные звенья, второстепенные и третьестепенные персонажи. Главный герой появится сейчас.

Со второстепенными надо проститься.

Веселый Фын сам ушел, о нем не стоит и думать. Отодвинулся в тень важный господин с Цицикарской улицы, возможно на время, но, как бы то ни было, пока что со счетов его можно сбросить. Выполнила свою роль и официантка «Бомонда». Что еще осталось ей сделать? Изобразить из себя случайную знакомую, несостоявшуюся заказницу, стараться не замечать сапожника. Лучше всего — забыть!

«Больше, надо полагать, мы не увидимся», — решил Поярков. — Последнее «прощайте» было не случайно брошено Катей. Она знала, что это конец».

Ему стало отчего-то грустно. Со всеми расстался легко, а вот с Катей так не получилось. Оставила она в нем что-то тревожное и радостное вместе с тем. Какую-то светлую боль заронила. И непреходящую. Это он понял. Будет она, боль эта, мучить его и заставлять думать о Кате, мечтать о ней.

Однако расстаться все же придется. И не когда-нибудь, а сейчас. Так проще и легче. Не нужен ему этот груз. «Все, — сказал себе Поярков. — Нет больше Кати...»

Он снова ошибся.

Официант подошел к столику и, наклонившись, сказал:

— Вон там, за большим цветком, синяя портьера... Откроете! Вас там ждут.

Ток побежал по телу Пояркова: «Сейчас! Сейчас начнется».

— Рассчитаться? — спросил он у официанта.

— Уже заплачено, — кивнул тот и отошел от стола, чтобы дать возможность Пояркову свободно пройти.

До синей портьеры было сравнительно далеко — восемь столиков. Каждый следовало обойти и потом еще подняться на ступеньку. Поярков обошел не спеша все восемь, главное, спокойно обошел, а вот перед ступенькой легкость и уверенность исчезли. «Кто там? — подумал он с тревогой. — Кто там за портьерой?»

Там оказалась Катя. Всего лишь Катя.

— Фу-ты! — вырвалось у Пояркова. — Вы?

— Или вас кто другой приглашал? — сказала она серьезно, почему-то серьезно, хотя следовало бы в таком случае приветливо улыбнуться.

— Нет, конечно, — растерянно ответил Поярков. Он был и удивлен и огорчен. Это не прошло мимо Кати.

— Правда, вы отказались от приглашения, и довольно бесцеремонно...

Поярков вспомнил, что, ожидая ее за столиком, намеревался испросить прощения и даже тронуть ласково ее руку.

— Простите меня, Люба!

Она грустно покачала головой:

— Бог вас простит, Борис Владимирович.

Потом подошла и вдруг поцеловала его в волосы. Легко, едва коснувшись губами,

Это было что-то невероятное. Он опешил:

— Люба!

— Ну-ну... Просто мир. Вы же хотели мира?

Она, чертовка, угадывала его желания.

— Да вы, оказывается, читаете чужие мысли!

Катя засмеялась:

— Не читаю, не умею... И зачем читать? Вы же вчера приходили, чтобы помириться.

— Меня кто-то видел здесь?

— Я видела.

— Почему же не вышли в зал?

— Борис Владимирович, вы забыли предупреждение: меня в среду не будет!

— Не забыл.

— Но все же надеялись увидеть?

— Должно быть...

Катя отодвинула стул, как тогда Поярков в своей мастерской, и жестом пригласила сесть. Села сама напротив.

— Не должно быть, а действительно надеялись. Захватили с собой образцы товара?

Об этом он забыл! Впрочем, не забыл. Шел-то он не к Кате, а к кому-то другому. Образцы тому, другому, были явно не нужны. Игра с Катей ведь кончилась. А почему кончилась? С чего он решил, что кончилась? Продолжается. Вот Катя перед ним и требует выполнения обещанного. Правда, шутливо требует.

— Нет, не захватил.

— Сегодня тоже?

— И сегодня тоже...

— Вы бесподобны, Борис Владимирович... Мне это нравится.

— Я подумал, что образцы не нужны. Туфли вряд ли интересуют вас.

— Почти... Хотя я женщина и люблю красивые вещи.

— Тогда я сошью.

Улыбка исчезла с лица Кати, и она озабоченно произнесла:

— Шить не обязательно, а вот принести образцы надо. Жаль, что не захватили... Впрочем, они могут быть с вами. В кармане пиджака. Так бывает?

Он кивнул виновато.

— Ну и хорошо.

Снова возникла загадочность, которую Поярков отметил при первой встрече с Катей и которая потом вроде бы исчезла. Она

говорила не о себе. О ком же тогда? Чью волю она выполняет? Против кого заключает этот шуточный союз с Поярковым?

— Послушайте, Люба!

Рука ее предостерегающе поднялась.

— Только без серьезных вопросов! Мы отдыхаем. Имею я право иногда отдохнуть в обществе человека, который мне нравится?.. Не пугайтесь моей откровенности. Я люблю говорить прямо... Вот вы и потупились, как красная девица. Смотрите смелей!

Шутливость ее была легкой, непринужденной, и трудно было устоять перед соблазном ответить тем же. Поярков принял тон Кати:

— Смотрю.

Взгляды их встретились, и теперь потупилась Катя.

— Ну, не так уж прямо...— произнесла она взволнованно.

— Почему же?

— Потому что не верю... Не правда это.— Она подняла глаза. — Не правда! — Сдвинула брови и посуровела: — А если правда, то ни к чему она... нам с вами. Мне уж совсем ни к чему.

— Тебе! А мне?

— Вам — не знаю. Да тоже, наверное, зря... — Катя встала вдруг и засуетилась: — Вдвоем мы бог знает до чего договоримся. Так и в омут можно... Сегодня день не тот. Я обещала вам веселый вечер. Во всяком случае, приятный. Сейчас познакомлю вас с моим родственником. Замечательный человек. Он вам понравится... И главное — будет полезен.

Поярков не успел выразить своего отношения к инициативе Кати, она торопливо вышла, но не в зал, за штору, а во внутреннюю дверь, ведущую в отель или в служебные помещения.

«Ну теперь наверняка появится главный!» Поярков сел поближе, положил руки на подлокотники, откинул голову на спинку — полное спокойствие, даже пренебрежение ко всему, что происходит и что должно произойти в кабинете. Не хватало сигары. Но Поярков не курил.

«Давайте вашего главного!»

Вошел мужчина: не молодой и не старýй, не низкий и не высокий, не худой и не толстый, в сером пиджаке с накладными карманами, в галифе и крагах. Лицо его было чуть продолговатым, сухим, глаза маленькие, цепкие. Щеки выбриты до синевы. Он улыбнулся тонкими, очень тонкими губами, и только губами, глаза остались строгими и спокойными.

— Борис Владимирович!

Поярков вскочил. Он не мог не вскочить. Во всем облике вошедшего было что-то требовательное и властное. Он внушал к себе уважение. Притом он был старше Пояркова, и это обязывало к подчинению.

Они протянули друг другу руки.

— Будем знакомы!

Своего имени вошедший не назвал.

— Милая, — сказал он оказавшейся сзади Кате, — распорядись, чтобы нам принесли из ледника водочки, русской водочки... Как, Борис Владимирович, вы относитесь к беленькой? А? Вижу, что не против. И семги, Катюша! И возвращайся. Скрась нашу холостяцкую компанию своим присутствием.

Катя улыбнулась весело — ей, кажется, польстило приглашение господина в сером.

— Я мигом... — И убежала.

«Родственник» расстегнул пиджак, вытянул из какого-то кармашка сигару, сел в кресло и закурил.

— Не предлагаю, — сказал он Пояркову. — Вы ведь не курите.

— Да, — признался Поярков. Без особого удовольствия признался. Кому доставит радость сознание того, что о тебе все известно и ты вроде бы просвечен насквозь.

— И правильно делаете, — одобрил господин в сером, этот мнимый родственник Кати. — В нашей с вами профессии это иногда мешает...

«В нашей с вами профессии!» Поярков сжал ладонью подлокотник, боясь, что произвольным движением выдаст свое изумление. Господин в сером имел в виду явно не сапожное дело, ему небось и кожи не приходилось держать в руках, не говоря уже о молотке. Конечно, можно не обратить внимания на слова, сделать вид, что не понял ничего. Так, собственно, и поступил Поярков. Но слова-то были сказаны и намек прозвучал ясно.

«Родственник» не придал никакого значения игре собеседника на наивность и, попыхивая сигарой, продолжал:

— Особенно в китайской компании. Они этими вещами, — он показал на сигару, — не балуются. И вообще, запах табака — улика... Легко установить твое присутствие в доме. А часто это нежелательно, весьма нежелательно... Что я вам толкую, вы китайцев лучше меня знаете...

Подлокотники не спасали. Господин в сером углублялся в такие профессиональные дебри, что жутко становилось. Поярков почувствовал, как немеют от напряжения его ладони и как проходит дрожь по всему телу. Тайна его стала достоянием противника. А он считал себя идеально замаскированным.

Играть в прятки не было смысла: партнер открыл себя сразу и показал, что Поярков тоже открыт.

Открыт! Когда это произошло? Катька его знала, Веселый Фын знал. Все знали.

— Чиновники давно приобшились к европейским обычаям, — включился наконец в разговор Поярков. — Я не замечал, чтобы они очень страдали от табачного дыма. Сами дымят...

Пока включение было формальным и отношение к объекту нейтральное: не стал Поярков на позиции собеседника.

— Ну такие, как Чжан Цзолин, конечно, отбросили традиции, да и вся его клика оевропеилась, а простые китайцы еще

держатся прошлого. Оно для них — и закон, и философия, и, если хотите, откровение. Прошлое — сила, препятствующая разрушению нации под воздействием подпочвенных вод современности. Традиции китайцев достойны уважения, и не только уважения — преклонения, если хотите. Я люблю Китай и даже принял китайское подданство. Перед вами — китаец...

Господин в сером беззвучно засмеялся, и облака дыма одно за другим вывалились из его рта.

«Китайский подданный. Гражданин Китая!» Что-то, кажется, слышал Поярков о европейце, принявшем китайское подданство. Но где?

— Вас вынудили обстоятельства или покорили традиции? — полюбопытствовал Поярков.

— Меня подкупила перспектива... Этакая махина, материк целый. И первозданная наивность. Непаханые земли! Фигурально выражаясь, естественно...

Человек в сером говорил правильно по-русски. Очень правильно. Но он не был русским. И, конечно, он не был китайцем. Не был англичанином, не был французом. Немцем тем более. Определить его национальность было невозможно. Во всяком случае, Поярков не определил и мучился напрасно, чтобы угадать, кто же его собеседник.

Говорил он с акцентом. С каким — непонятно. Не поляк же, в конце концов!

— Вы, надо полагать, сошлись с ними по необходимости? — спросил в свою очередь человек в сером. — Трудно на чужбине...

Поярков вздохнул. Он повторил тот же прием, что и в разговоре с японцем на Цицикарской улице. Эмоции всегда неопределенны, и пусть собеседник принимает их так, как ему удобнее.

— Однако, что мы все о китайцах... Это — вчерашний день, — небрежно отбросил господин в сером то, чем восхищался только что и что защищал с таким старанием. — Мы потрудились на них, и потрудились на совесть... Дань прошлому отдана.

Он тоже вздохнул. Это была грусть, и, кажется, искренняя. Пояркову почудилась влажная искра в его глазах. Или господин в сером великолепно играл. Позже, много позже, Поярков узнал, что собеседник его действительно был нежно привязан к этому прошлому.

— Жить прошлым смешно и, простите, глупо. Вспоминать, и то изредка, вот так, за бокалом хорошего вина и в обществе единомышленника... — Он сделал паузу, взвесил свой довод, и он показался ему не слишком убедительным. — Лучше наедине с самим собой. Ваш Чжан Цзолин давно съеден червями, сын его Чжан Сюэлян предан анафеме... и китайские сапоги не модны.

Господин в сером манерно отвел руку с сигарой, и мизинец его, украшенный большим перстнем, поднялся вверх. Камень вспыхнул голубой короткой молнией и как бы подчеркнул

благополучие его обладателя и значение того, что он говорит.

— Не надо работать на покойников, друг мой! Впрочем, вы, наверное, не работаете давно уже... Покойники, как правило, банкроты. Им нечем платить. А это немаловажное в нашем деле обстоятельство...

Он затанулся сигарой, выпустил дым и сквозь него посмотрел на Пояркова. Прищурившись, как смотрят в скрытое туманом и трудноразличимое.

— Есть в наше время не банкроты? — откликнулся Поярков.

— Преуспевающие обычно не банкроты. Им надо раскошелиться, если хотят двигаться в нужном направлении, как говорят, смазывать колеса. Ведь когда торопишься, колеса должны крутиться быстрее.

Поярков отпустил подлокотники. Ему стало немного легче, он начинал понимать, куда зовет его собеседник, этот господин в сером.

— В общем, тут тоже необходимость.

— Пожалуй...

— Вы говорите от их имени? — пошел в открытую и Поярков.

— Да.

— Можно быть откровенным?

— Безусловно... Только откровенным, Борис Владимирович. У нас деловая встреча.

— Вы предлагаете работать на японцев, так я вас понял?

Человек в сером поднял руку со своим красивым перстнем:

— О, это не та откровенность! Называть хозяина не следует.

— Есть заменяющий иероглиф?

— Разумеется, но он появится лишь после того, как я услышу «да». Пока еще «да» не прозвучало.

Поярков почувствовал, что можно перейти в наступление:

— У нас, как вы сказали, деловая встреча... Условия?

Господин в сером встал и прошелся по кабинету. Он был доволен ходом беседы.

— Это другой разговор... Совсем другой. Будем считать, что «да» вы произнесли все же. Не возражайте, я не требую письменного обязательства, у меня нет записывающего аппарата и за портьерой не стоит свидетель... И я, тоже будем считать, предложил условия, вполне вас устраивающие. Вполне... — Господин в сером улыбнулся и вроде бы подмигнул Пояркову: не пропадете, мол. — Мы поняли друг друга. Этого достаточно на сегодня.

Он остановился, вынул из бокового карманчика галифе часы, нажал на кнопку — крышка, щелкнув, поднялась.

— Отметим время заключения договора... Девять часов сорок две минуты... Проверьте, Борис Владимирович!

Часы подплыли к лицу Пояркова.

— Я не ошибся?

— Нет. Девять сорок две... Хотя уже сорок три.

— Пусть будет сорок три. А теперь отдохнем... Катюша! А, черт возьми! Свидетель все же был. Катя открыла дверь и, сияющая, вошла в кабинет.

— Горькую несут!

Это был известный в китайских и японских шпионских кругах секретный агент, называвшийся то господином Ли, то сэром Стейлом, то капитаном Милкичем, то синьором Вантини. Настоящее имя его стало известно спустя несколько лет и Пояркову, когда в Англии вышла книга «Секретный агент Японии». На обложке стояла фамилия автора: Амлето Веспа. Был он китаецем итальянского происхождения.

В тот вечер в ресторане «Бомонд» Поярков, конечно, не знал его настоящего имени и вообще не предполагал о существовании человека с такой фамилией и с такой биографией. Почти одновременно, в начале двадцатых годов, они покинули левый берег Амура. Веспа, правда, чуточку позже и другим путем. Что он делал на левом берегу — осталось тайной, как и многое другое в его жизнеописании. Кажется, занимался проблемой извлечения золота из золотоносной жилы без применения кирки и лопаты. Сколько добыл благородного металла и добыл ли — тоже тайна, но кое-какие сведения о красной России вывез с собой в Китай и, главное, знание русского языка. Способность к языкам у Веспы была феноменальная. Он владел помимо итальянского английским, французским, датским, немецким, китайским, русским. Говорили, что, отправляясь в Россию, Веспа уже знал русский.

Работая на китайцев, Веспа завоевал не только авторитет, но и положение — он считался одним из главных агентов государственной секретной службы. Несколько раз ему приходилось скрещивать оружие с «японским Лоуренсом» — Доихарой Кендзи, и не всегда Доихара выходил победителем. Далеко не всегда.

Японцы пытались, и неоднократно, убрать Веспу, так же как убрали его друга Суайнхарта, но он умел вовремя ускользать. Чутье у него было отличное. Маньчжурские события застали господина Ли, или, как он назывался в то время, капитана Милкича, в Харбине. Вероятно, он мог бы исчезнуть, ему ничего не стоило перебраться в Южный Китай, но не исчез. Ждал чего-то. Возможно, воцарения Пу И: все-таки молодой император был отпрыском Цинской династии и по идее мог защищать интересы Китая. Ничьи интересы Генрих Пу И не защищал — он оказался марионеткой и действовал по указке японцев. Оставались еще силы, возглавляемые чжанцзолиновским сыном, им тоже мог быть полезен Веспа. Но и первому и второму капитан Милкич не понадобился. А японцы шли по следу китайского агента и легко накрыли его.

Они могли убить Веспу. Здесь, на почти собственной территории, ничего не стоило пустить в расход бывшего противника. Об этом никто не узнал бы. Но Доихара Кендзи решил, что выгоднее сохранить капитана Милкича, и не просто сохранить, а сделать его японским агентом. Бывшие враги стали союзниками. Амлето Веспа вошел в ударную группу японской разведывательной службы в Маньчжурии.

Одним из важных поручений Веспе был поиск человека для осуществления чрезвычайно секретной акции на левом берегу Амура. Доихара назвал эту акцию выходом за линию «черного дракона». Амур назывался рекой черного дракона.

Поиски привели Веспу на Биржевую улицу к подъезаулу Пояркову.

Он знал этого эмигранта, подрабатывавшего шитьем сапог для китайских чиновников. Не лично. Существовала целая сеть информаторов среди белогвардейцев, осевших в Харбине, Дайрене и Сахалыне, и каждый русский, оказавшийся в Маньчжурии, был на учете. Поярков давно попал на мушку, давно его фамилия фигурировала в делах китайской жандармерии. Не запятнанная ничем антикитайским фамилия. И антиэмигрантским тоже. Напротив, он характеризовался как лояльно настроенный по отношению к правительству и к белому русскому офицерству. Его стали втягивать в «Союз монархистов», и он вошел в него, позвали в «Союз казаков» — дал согласие. Не получалось того же с «российской фашистской партией». Он посещал по приглашению Факелова и Радзаевского митинги, где славили дуче и клялись сжечь на кострах прогнивший мир демократии, но вступать в партию поклонников свастики не торопился. Поярков все спрашивал: «А как с царем? Царя, выходит, не будет? Мы, казаки, установлены государем. Мы его оплот!» Над ним смеялись, но считали не совсем потерянным для дела человеком. «Мы царя-то из твоей головы выьем. А остальное нам подойдет...»

Большой интерес вызывали статьи Пояркова в эмигрантских газетах. Их не всегда одобряли: он призывал не терять связи с народом, не рвать с традициями, а это не устраивало кое-кого из теоретиков оседания русского офицерства в Маньчжурии. Они мечтали о создании в Харбине эмигрантского правительства и превращении самого Харбина в казачью столицу. Пояркова критиковали за его статьи, спорили с ним, но отдавали должное его желанию сохранить душу русского казака.

Все знал, все учитывал Веспа, когда решал вопрос, кому доверить выполнение очень трудной и очень тонкой операции. Родственники Пояркова жили в Хабаровске и еще где-то за Амуром. Это сыграло решающую роль. Ну и, конечно, верная служба китайцам. Веспе не удалось найти донесений Пояркова штабу жандармерии, но он встречал ссылки на сапожника с Биржевой улицы во многих документах. Важные ссылки.

К тому же Веспа знал о встречах Пояркова с Чжан Цзолином, офицерами его штаба и сотрудниками разведки.

Он остановился на Пояркове.

В среду операцию провела одна Катя. Поярков пришел в «Бомонд». Она видела его через штору и догадалась, что сапожник попал на крючок. Пора было тянуть его. С согласия господина в сером Катя через Фына послала Пояркову записку. Именно через Фына, чтобы сапожник понял, что он в кольце и кольцо замкнулось. В четверг Поярков оказался в номере и был завербован. В тот же вечер Веспа доложил начальнику Харбинской японской военной миссии о завершении первого этапа операции.

Формально Поярков еще не стал агентом японской секретной службы. Свое решающее «да», на котором настаивал господин в сером, не произнес, но практически уже приступил к выполнению задания. Ему было предложено, пока весьма вежливо, вспомнить всех своих родственников, близких и дальних, на левом берегу и дать им характеристику. Подробную характеристику. «Ограничивать себя не следует, — сказал господин в сером, — подробности всегда интересны и важны». Вот и все.

Когда-то он уже давал такую характеристику по требованию китайцев. Сами китайцы к нему не обращались. Это сделал руководитель «Союза казаков» Бакшеев. Просьбу повторил спустя некоторое время атаман Семенов. Но Поярков догадался, что ни Бакшееву, ни Семенову родственники подъесаула не нужны. Ими интересуется начальник контрразведки. Учитывая это, новую характеристику следовало согласовать со старой, расхождения допустимы только в словах.

Вторая встреча с «родственником» Кати состоялась опять в «Бомонде», в том же самом номере, но без Кати. И без белянкой. Господин в сером сказал, что торжественное посвящение в рыцари закончено и пока что нет повода произносить новые тосты. Такой повод, он надеется, появится в недалеком будущем, и будущее это легко приблизить с помощью энергии и таланта самого Пояркова. Дабы Поярков не испытывал затруднений в своей деятельности, ему вручается аванс. Господин в сером передал Пояркову пачку денег, довольно объемистую. «Вы должны быть свободны в расходах, — сказал он. — Встречайтесь с людьми, которые вам нужны здесь и могут понадобиться там. Особенно с теми, кто имеет родственников в Хабаровске и Благовещенске».

Третья встреча произошла на берегу Сунгари, в небольшом кафе, совершенно пустом и, кажется, открытом в этот утренний час только для господина в сером.

— Ваш номер 243, — сказал он Пояркову. — Лично я к такому сочетанию цифр не прибегаю. Нарастающая очередность в несколько измененном виде — 243, 234. Но таков уж почерк шефа.

Поярков поморщился:

— Номера не люблю.

— Это учтено...— Господин в сером посмотрел, надо полагать специально, на желтую гладь реки, залитую утренним солнцем, и сказал: — Сунгариец! Сунгариец вам нравится?

«Сунгариец. Экзотично, — отметил про себя Поярков. — Оригинально даже».

— Нравится.

— Мне тоже... Между прочим, предложение шефа.

— Он знает мой вкус?

Господин в сером рассмеялся. Беззвучно, как всегда. У него это получалось.

— Как говорит наш общий знакомый, Веселый Фын все знает!

Напоминание о китайце сделано было с умыслом. Господин в сером хотел, чтобы Пояркову стало известно, кем срежиссирован спектакль в мастерской на Биржевой улице.

— Веселый Фын действительно все знает, — подтвердил Поярков и как-то загадочно улыбнулся.

— Или не все? — поднял брови господин в сером.

— Кое-что осталось.

— Всегда должно кое-что оставаться... Приятно слышать! Вы подаете большие надежды, Борис Владимирович.

— Сунгариец, — шутливо поправил Поярков.

— Браво! Пожалуй, за это можно и выпить. Успехи налицо!

— Кстати, как мне вас называть? — поинтересовался Поярков.

— Как? Действительно, как? А может, не надо никак называть. Наше знакомство слишком короткое. Настолько короткое, что вы не успеете воспользоваться именем моим... Я ведь только лоцман, выводящий судно из порта на рейд. А там уж дело капитана поднимать паруса и выбирать маршрут.

— Имя капитана тоже неизвестно, — иронически констатировал Поярков.

Господин в сером залился смехом. На сей раз он был звучным, этот смех, и всполошил чаек, сидевших на береговой кромке.

— Удивительное совпадение — неизвестно! Вы мне нравитесь, Сунгариец. Кроме прозорливости у вас еще и смелость. С шефом не всегда так разговаривают. А пока что я ваш шеф. Лоцман, между прочим, выше капитана, пока он ведет судно по опасному фарватеру...

Господин в сером хлопнул в ладоши, и из-под стойки вынырнул официант, а может, и не официант, а сам владелец кафе — толстенький, с лоснящимся от жира лицом человек непонятной национальности — и побежал к столику.

— Пару рыбешек на сковородку! — скомандовал господин. — А сюда, — он показал пальцем на стол, — графинчик ханшина!

Когда хозяин убежал, господин в сером спросил у Пояркова:

— Не знаю, пьете ли вы китайскую водку. Но если даже не пьете, то ради дня рождения... — Он со значением глянул на Пояркова: — Ради вашего дня рождения придется выпить... Опять событие. У нас с вами все время события... Сунгариец! Неплохо звучит. Кстати, китайское слово. Не забудьте! И водка китайская...

Водка не понравилась Пояркову. Второй раз в жизни он пробовал ее и второй раз одолел стаканчик с трудом. Господин в сером, напротив, выпил легко и даже закатил глаза от удовольствия.

— Ваш будущий капитан тоже не любит китайскую водку, он предпочитает сакэ... Как видите, не все о нем неизвестно. Имя будет, естественно, названо в свое время. Ну а дату встречи я могу назвать сейчас. 15 августа. Это одновременно и дата вашего зачисления в команду корабля... Счастливого плаванья! — Господин вновь наполнил стаканчики и поднял свой: — Чокнемся по русскому обычаю, и пусть это будет отсчетом склянок готового к отплытию корабля.

Поярков заметил:

— У вас все иносказательно, а от меня вы требуете прямого и ясного «да» или «нет».

— Только «да»... И уже не требую, я ничего от вас не требую, Борис Владимирович. Можете выражаться фигурально. — Он потянулся к Пояркову со своим стаканчиком: — Даже рекомендую выражаться фигурально. Новые хозяева вас поймут. Это в их стиле. Так пусть пробьют склянки!

Выпили. Господин в сером посмотрел на графинчик, шелкнул по нему ногтем:

— Пока содержимое уменьшилось лишь наполовину, надо кое-что запомнить. Итак, пятнадцатое, десять вечера, у подъезда гостиницы «Нью-Харбин». К вам подойдет рикша и спросит: «Не торопится ли господин?» Ответите: «Тороплюсь». — «Тогда садитесь, я подвезу вас». Вы сядете. Остальное — за рикшей.

— Как он узнает меня? — усомнился в надежности предложенного плана Поярков.

— Ба! Пусть это вас не беспокоит, Борис Владимирович. Рикша, как Веселый Фын, все знает... А теперь опустошим посудинку!

Я ПРЕПЧИТАЮ РАССТРЕЛИВАТЬ ТЕХ, КТО ПРОЯВЛЯЕТ К НАМ НЕДРУЖЕЛЮБИЕ...

Рикша завез Пояркова в самую глушь города. Улочки — не поймешь, улочки ли это, какой-то лабиринт, в котором невозможно ориентироваться и из которого нельзя выбраться, — были до того узкими, что колеса едва не касались стен.

По неведомым Пояркову признакам, жалким огонькам или покосившимся калиткам рикша находил нужное направление. Около одной из таких калиток он остановился и, подняв кверху палец, известил седока, что путь окончен. Поярков слез с коляски и протянул рикше мелочь. Но тот отказался от денег. Проезд был уже оплачен.

Через низенькую и узенькую калитку Поярков прошел во двор — собственно, двором нельзя было назвать пространство в два шага, какой-то курятник, заваленный к тому же всякой всячиной: ящиками, коробками, банками из-под консервов. Это и был, наверное, курятник, потому что где-то в темноте, среди хлама, закудахтали куры и тревожно закокал петух.

Птичий шум и явился сигналом для хозяина фанзы. Отворилась дверь, и в курятник пал приглушенный не то марлевой занавеской, не то матовым абажуром пучок света. Поярков понял, что дверь распахнута для него и надо в нее войти. Самого хозяина не было видно, — должно быть, его скрывала тень или дверной косяк.

Поярков переступил порог — не особенно уверенно переступил — и оказался в довольно просторной комнате, только очень низкой и почти пустой: два или три табурета и плетеная из травы циновка на полу. Вот и все убранство.

Только теперь Поярков увидел в свете полуприкрученной керосиновой лампы господина в сером и рядом с ним, вернее, за ним японца невысокого роста, но коренастого и большеголового. Господин в сером приветливо улыбался, японец же никак не проявлял своего отношения к гостю: лицо его было спокойно-сосредоточенным, холодным и надменным.

— Добрый вечер, господа! — Поярков произнес это громко и весело, желая сломить приглушенность и напряженность, которая царилa в фанзе.

— Добрый вечер! — отозвался господин в сером.

Японец помедлил и потом тихо, словно нехотя, выдавил из себя:

— Здравствуйте!

Какое-то время Поярков и японец изучали друг друга взглядами. Поярков припоминал, не видел ли он где этого коренастого человека с тяжелым взглядом больших раскосых глаз. Японец знакомился с новым агентом, оценивал его. Он верил в непогрешимость первого впечатления.

Неожиданно японец отвел взгляд и торопливо опустился на табурет.

— Вы все объяснили? — бросил он господину в сером.

— Все.

— Условия приняты?

— Да.

Японец повернулся к Пояркову:

— Ваш номер 243.

— Двести сорок три, — повторил Поярков. — Я — Сунгариец!

— Кличка предложена мною, — зачем-то пояснил японец. — Она дана навсегда, как и номер. Мы не любим менять то, что установлено, как и не любим, когда это делают другие.

Большие, строгие и пропизывающие насквозь глаза его остановились на Пояркове.

— Когда нам служат хорошо, мы вознаграждаем, когда изменяют — наказываем. Лично я предпочитаю расстреливать тех, кто проявляет к нам недружелюбие.

Предупреждение было таким грозным и в то же время таким нелепым сейчас, что Поярков не знал, как на него реагировать. Сказать, что принимает условия японца и клянется в верности, не мог. Это унижало его. Изобразить испуг — тем более. Он не боялся японца. Да и нужно ли вообще реагировать на эту напутственную речь шефа. Судя по всему, японец был его шефом. И не только его. Манера держать себя, тон, которым произносились слова, — все говорило о высоте положения японца. Он был, по меньшей мере, руководителем отделения или даже отдела разведывательной службы.

Поярков смолчал. Пусть японец расценит молчание как ему угодно: согласие, клятва, раздумье, испуг. Все.

Видимо, японец выбрал страх. Агент должен бояться расправы, иначе легко нарушит свое обязательство.

— Вы согласны служить на таких условиях?

— Согласен.

— У вас есть какие-нибудь личные мотивы, способные сделать работу за кордоном более полезной и эффективной?

За Пояркова ответил господин в сером:

— Сунгариец потерял все в девятнадцатом году. Его родители расстреляны, собственность отнята. Он лишен офицерского звания.

— Я — подъяесаул, — добавил Поярков.

— По возвращении вы получите офицерский чин японской армии, соответствующий вашим заслугам и вашему положению. Надеюсь, он будет не меньшим.

Поярков кивнул благодарно.

— Миссия, которая на вас возлагается, — продолжал японец, — трудна. Она уникальна в некотором смысле и потому не может опираться на чей-то опыт. Мы не способны подсказать вам пути и способы и ограничиваемся лишь постановкой задачи. Остальное зависит от вашего умения. Мы вам гарантируем единственное — связь. И деньги. Столько денег, сколько потребуется для дела.

Поярков снова кивнул, теперь подтверждая, что понял японца.

— Мастерскую придется закрыть, — посоветовал господин в сером.

Японец скривил губы, совет прозвучал не ко времени, он снизил пафос напутствия, приземлил самого напутствующего.

— Да, закрыть... Вы переедете временно в Сахалин.

— Но у меня заказы. Еще не выполненные заказы, — запротестовал Поярков.

— Пустяки! — махнул рукой японец. — Фын, поди сюда!

Из темноты вынырнул Фын, тот самый Веселый Фын, который почти год навещал Пояркова в его мастерской. Он поклонился японцу, так низко поклонился, что едва не коснулся лбом пола:

— Слушаю, господин!

— Твои заказы не выполнил наш гость?

— Мои, господин.

Рассмеяться надо было Пояркову: дурацкую затею Фына он принял за хитрую игру важного господина, за тактический ход японцев. Впрочем, это и был ход, но сделанный с помощью Фына.

— Заплатишь гостю за работу!

— Слушаюсь, господин!

Поярков все-таки рассмеялся. Слишком уж наивно все выглядело, даже глуповато.

— Дарю Фыну и той даме с Цицикарской улицы японские башмачки. У нее очаровательные ножки.

Слава богу, дама с Цицикарской улицы не была женой нынешнего шефа Пояркова, и он никак не оценил комплимент.

— Вы хотите вручить их лично? — хитро улыбнулся господин в сером.

— Да, это доставит мне удовольствие.

Фын, ничего не поняв, полез под свою старую рубашу и вытащил деньги. Протянул, не считая, Пояркову. Видимо, сцена эта была прорепетирована.

Тут уж засмеялся и господин в сером:

— Ты действительно веселый, Фын!

— Я — Веселый Фын! — подтвердил китаец.

Как и в тот вечер у крыльца, Пояркову стало жаль этого хромого человека. Он отвел руку Фына:

— Следовало бы и тебе сшить ботинки... Обещал, да не вышло.

Деньги все еще были в руке Фына, он не знал, как ему с ними поступить. Ждал, видимо, приказа японца. Пожирал его глазами.

Тот не очень ясно представлял себе, что происходит и почему Поярков и господин в сером смеются. Познания его в русском языке были не очень обширными, чтобы уловить тонкости, и он счел самым лучшим для данного момента присоединиться к общему веселью. Он, правда, не рассмеялся, а только улыбнулся, но и этого было достаточно.

— Спрячь свои деньги, Фын! — сказал человек в сером. — Они не нужны.

— Это не мои деньги, — с обидой произнес Фын.

— Теперь стали твоими. Дарят тебе.

— Кто дарит? — Голос Фына дрожал.

Поярков и господин в сером поняли, что китаец уязвлен чем-то и продолжать разговор рискованно.

— Я дарю, — сказал японец.

Фын сразу успокоился и низко, низко поклонился. Он способен был принять деньги только от важного господина.

Японец поднялся с табурета. Это прозвучало как сигнал к окончанию встречи.

— Пусть удача сопутствует вам! — произнес он несколько торжественно. — Я верю в вашу победу, Сунгариец, а значит, и в нашу победу.

Пояркову ничего не оставалось, как протянуть руку и попроситься с японцем.

— Фын! — крикнул тот, хотя надобности в этом не было: китаец стоял рядом. — Фын, проводи гостя! Из твоего дома без проводника не выберешься... И пусть рикша бежит короткой дорогой. Уже поздно.

Харбин. Последние часы

Надо было покидать Харбин. Десять лет он мечтал о свободе — чужая земля тяготила его, — а когда наступил час расставания, он вдруг загрустил. Привязался, что ли, к этому пестрому, пыльному Харбину, не похожему ни на русский, ни на китайский город, или привык к тревожности, которая окружала его здесь постоянно и стала какой-то необходимостью. Вечное ожидание, вечная напряженность, готовность к действию!

Он тянул с отъездом. Не закрывая мастерскую, отыскивая для японцев и для себя причины такой медлительности. Причин не было, во всяком случае убедительных причин. Какая-то пара чьих-то недошитых сапог. Он сам их, кажется, придумал. Стучал и стучал молотком — это слышали за стеной и у двери, если вдруг проходили близко или останавливались перед вывеской.

Вывеску надо было снять, не вводить в заблуждение харбинцев смешным изображением сапога и туфельки, ведь могло кому-нибудь взбрести в голову заказать себе на зиму обувь. А Поярков не снимал вывеску. Боялся, что тем как бы обервет свою жизнь именитого в Харбине сапожника. Исчезнет с этой не особенно людной, но известной в городе Биржевой улицы.

Так он объяснял свою медлительность. Иногда словами объяснял, иногда задумчивым взглядом, грустной улыбкой. И его понимали. Естественное, человеческое легко находит отклик. Он мог бы еще сослаться на свои симпатии к официантке «Бомонда», на нежелание расставаться с тем, кто стал чем-то

близок и дорог. Это была правда. Ему поверили бы и, возможно, посочувствовали бы — с кем такое не случается! Хотя не сочли бы настоящей причиной симпатию к официантке «Бомонда» для того, чтобы отказаться от переезда и, главное, от службы, которая будто бы ждала Пояркова на новом месте.

Впрочем, о Кате Поярков никому не говорил, даже не намекал на существование чувства к красивой казачке. Да и не причина это действительно.

Пара сапог недошитых, продажа мастерской — вот что помогало защищаться от японцев. Некоторое время, конечно. Но и некоторое время истекло. Сколько можно шить сапоги!

День, еще день... Он упорно ждал откровения японцев. Проговарятся ведь когда-нибудь или сведут с человеком, знающим маршрут «поездки». Наконец, выболтают секрет друзья Кислицына или молодчики Радзаевского. Должна приоткрыться завеса, за которой удастся увидеть тропинку к дому.

Он знал о группе Радзаевского, завершающей подготовку к акции на левом берегу, и соединял эту акцию со своим отъездом. Предварительную информацию Поярков уже отправил, но точных сведений о дате переброски группы не имел. Не знал и маршрута.

Если его включают в группу, то встреча диверсантов будет осложнена. Не исключена случайность, в результате которой придется расстаться с жизнью не только молодчикам Радзаевского. А сожалением, которое потом последует, увы, не изменить печального итога.

Японцы не проговаривались. Кислицын и Радзаевский делали вид, будто диверсионная школа не имеет к ним никакого отношения. Да и вообще, существует ли на свете такая школа? Эмигранты не занимаются диверсиями.

«Некоторое» время истекло. В субботу утром Пояркову напомнили о приближении срока отъезда и приказали свернуть дело на Биржевой улице.

«Сегодня вечером вывеска должна быть снята. С заказчиками произведен полный расчет, с кредиторами, если они существуют, тоже. Для друзей, хозяйки квартиры, заказчиков — он переезжает в Дайрен. В Харбин больше не вернется. Отъезд завтра. Быть готовым к двенадцати дня!»

В его распоряжении был вечер. Один вечер. Японцы уже не успеют проговориться, если даже и захотят это сделать. Люди Кислицына и Радзаевского не собираются проговариваться. Все двери закрыты. Стучать бесполезно.

А стучать надо. Он вспомнил про Катю. Нет, о ней он думал постоянно. Вспомнил, что Катя близка к тому миру, где хранятся и творятся тайны. Она может что-то знать, что-то случайное, не представляющее для нее никакой ценности, но необходимое ему, Пояркову. Необходимое в эту минуту.

Он решил искать Катю. Это была непростая задача. В «Бомонд» заявиться нельзя. Теперь нельзя. Его сразу заметят и

тотчас доложат шефу. Тот допросит официантку, поинтересуется содержанием беседы с Сунгарийцем. А беседа предполагается не совсем обычная.

Он дождался закрытия ресторана и встретил Катю у извозчиьей биржи: ей надежнее всего было возвращаться в поздний час домой на пролетке. Она действительно пришла, но не одна, а в сопровождении японца. Не того, который беседовал с Поярковым в фанзе Веселого Фына, другого, незнакомого Пояркову, довольно высокого и стройного, одетого в отлично сидящую на нем черную пару. Он держал Катю под руку.

Это было неприятно. Во многих отношениях неприятно. Срывалась встреча, на которую возлагал немало надежд Поярков. Около Кати оказался человек, охранявший ее в этот вечер, а может, и постоянно. Наконец, это был мужчина. Поярков ясно ощутил прилив ревнивого чувства. Да, конечно, он не имел никаких прав на Катю, вообще не имел никаких прав на все, что было связано с другим миром. Но обида, однако, родилась...

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Поярков пошел следом за официанткой и ее провожатым. Они сели в пролетку. Он тоже взял извозчика и велел ему ехать в том же направлении, но соблюдая дистанцию и не выпуская пару из виду.

Извозчик был тертый калач, он понял, что нужно Пояркову, сказал:

— Скучное это дело. Привезу вас куда надо, а вы уж там сами устраивайтесь.

Он свернул в боковую улочку и погнал лошадь.

Поярков усомнился в сообразительности извозчика и обругал его в душе, но подчинился. Не первый год небось стоит у ресторана, знает и обслугу и посетителей. И куда везти — тоже знает.

Своей, ему одному известной дорогой извозчик добрался до Садовой улицы и здесь, свернув в один из переулков, остановил пролетку.

— Вот тут... Шагов сорок всего пройти. Серый дом с белыми ставнями. Первое крыльцо от края...

Поярков не стал спрашивать, что за дом и почему именно с первого крыльца в него надо войти. Теперь уже смешно было что-то выяснять. Поступай, как велят.

Он расплатился и отпустил извозчика.

Переулок был довольно глуховат, хотя и находился рядом с большой улицей, весьма людной днем. Дома закрыты, свет погашен, ставни сдвинуты. Два ряда осин вдоль тротуаров затеняли переулок, и он казался сейчас, ночью, совсем темным.

Поярков прошел вдоль фасада серого дома, огляделся, подумал: «А что, если Катя не здесь живет? Проторчу до утра несолоно хлебавши. Надо было не отпускать извозчика. Подождал бы за углом и в случае чего отвез бы назад».

Опасения оказались напрасными. Минут через двадцать послышался стук подков на Садовой — ночь была тихая и чуткая — и в переулок свернула пролетка.

В пролетке был один пассажир всего лишь. Катя. Удивительные вещи происходили последнее время. Непонятные и необъяснимые. Логика начисто отсутствовала. Японец исчез.

Заслоненный деревом, Поярков подождал, пока Катя сойдет с пролетки и окажется одна перед домом — извозчик, освободившись, сразу повернул и скрылся за углом на Садовой.

Лучше всего было окликнуть Катю, но он побоялся, что она, испугавшись, шмыгнет в парадное и защелкнет замок. Тогда ее не выманишь на улицу, да и неудобно через дверь вести разговор — всполошатся хозяева. Он вышел из своего укрытия и направился к крыльцу — около дома светлее и можно разглядеть человека. Узнать его. Он надеялся, что Катя узнает.

Она, верно, узнала. Обрадовалась даже:

— Борис Владимирович! А я ждала вас в «Бомонде». — Она протянула ему обе руки.

— Там слишком людно, — объяснил Поярков свое появление у ее дома. — И слишком много желающих увидеть меня.

Он взял ее руки, пожал горячо, оставил в своих ладонях.

— Кроме меня? — игриво спросила Катя. Она не хотела всерьез принимать его намеков на слежку. Не нужно ей, видимо, было это.

— Кроме вас.

Катя высвободила свои руки из плена, хотя он и был ей приятен, и сказала с деланной обидой:

— Вы боитесь, что нас примут за влюбленных?

— Не боюсь... Нас просто не примут за влюбленных.

— Ах, да! Вы постараетесь показать свое равнодушие. Вы это умеете делать.

— Не умею, — признался он и вздохнул.

— Боже! Какая искренность...

Рука ее неожиданно, как тогда в ресторане, коснулась его виска и ласково прощлась по волнистым волосам.

— Я-то искренен...

— Упрек?

— Нет. Сравнение.

Она убрала руку и сказала строго:

— Я не могу быть искренней... Не имею права.

— Даже в чувствах?

— Не надо об этом. Я уже просила вас...

— Помню. Но такое условие мне не подходит.

Катя отвела взгляд от Пояркова. Темная даль проулка занимала ее некоторое время. О чем-то думала, что-то решала.

— Ничего другого предложить не могу.

— Конечно. Вы на работе.

Она отшатнулась. Поярков переступил дозволенное.

— Это не секрет... Для вас, во всяком случае.

— Да, со мной особенно не церемонились. Занавес был открыт сразу.

— Может быть, так лучше... — высказала предположение Катя.

— Для кого лучше?

— Для вас.

— Невысокого же вы обо мне мнения!

— Напротив, мы считали, что вы торопитесь, и строить громоздкие декорации ни к чему.

Он действительно торопился, но только в последнее время, а в те годы, долгие годы никак не проявлял своего нетерпения. Он был тогда тих и скромен. У него были другие задачи.

— Сыграли спектакль без декораций, — с досадой произнес Поярков. — И даже без костюмов.

— В этом есть своя прелесть, — с чувством сказала Катя.

— Но это скучно.

— Кому?

— Вам.

Катя задумалась:

— Не сказала бы... В вашей мастерской я испытала волнение и страх. Сделала не так, как задумано было... Вы мне понравились. И совсем-то не походили на голенького. Одежды на вас было дай бог, как зимой в амурскую стужу. Вы и сейчас в шубе.

— Что?

— В шубе, говорю... Искренность ваша с трудом проби-
вается.

Это был уже профессиональный разговор. Разговор двух агентов, хотя оба не считали себя в эту минуту агентами и даже забыли, что свело их.

— Вы огорчили меня, Люба.

— Люба... — Она как-то с болью повторила свое имя. — Я доверилась вам. Назвалась, как никому не называлась. Святое это!

— Спасибо.

— Да что уж... Разве тут в благодарности дело. Глупости все... — Катя посуровела вдруг. Такой она была одно лишь мгновение тогда на Биржевой и поразила этим Пояркова. — Вы ведь тоже сейчас на работе...

Никаких ухищрений, напрямик шла Катя. Поярков смутился:

— Пожалуй... Но не только на работе.

— Не на работе вы были там, когда увидели меня с полковником. Одну лишь минуточку. Самолюбие взыграло... Мужская гордость. А тут я вам нужна по делу.

Беспощадной оказалась Катя. Глаза горели злым огнем, и огонь этот жег Пояркова. И заслониться ничем от него нельзя было.

— Знаете, значит?

— Знаю.

— Может, знаете и по какому делу?

Она в упрямстве могла сказать «да», но заколебалась:

— Узнаю, раз пришли.

— Теперь-то уж не узнаете.

— Станет ли от этого мне хуже? — бросила она с вызовом.

— Станет.

— Погляжу.

— Потеряете друга.

— А он у меня был?

— Глупая... — Поярков обнял ее за плечи и привлек к себе.

— Вот оно что! — Катя легко отстранилась, руки у нее были сильные. — Таких-то друзей хватает... Они не теряются, к несчастью. Любой-то напрасно я назвалась. Катьку вы только во мне узрели...

Отчаяние охватило Пояркова: «Я теряю ее!» А терять нельзя было. Он не мог потерять Катю. Понял это сейчас.

— Я действительно друг ваш!

Она, не слушая, зашагала неторопливо по тротуару и тем как бы позвала его за собой.

— Хозяев разбудим, а они у меня любопытные.

Он взял ее под руку, но тотчас оставил: вспомнил японца, проважавшего Катю до извозчика, и ему стало неприятно.

— Странно все получается, — заговорил он, как только они удалились от крыльца и попали в тень деревьев. Голос его звучал взволнованно, и в тоне ясно проступала обида. — Очень странно. Нам в самом деле ни к чему это. Права не имеем на чувства. Они — для хозяев. В пролетку с вами сел небось хозяин?

Ее покорила простота, в которую облек свой вопрос Поярков. Она отбросила суть и увидела лишь унижительный для себя намек. Ответила поэтому грубо:

— Полковник Комуцубара.

— Вы подчинены ему?

— Нет.

— Но... все-таки он хозяин. Он японец и служит в Харбинской военной миссии.

— Он не хозяин, — с раздражением подчеркнула Катя.

— Тогда почему?!

— Он любит меня.

Поярков остановился и посмотрел недоверчиво на Катю. Ему показалось, что она шутит.

— То есть как?

Детская наивность лишь способна была продиктовать подобный вопрос. Она, только что сердившаяся, рассмеялась весело:

— Вот так... И не хозяин, и любит... Бывает, Борис Владимирович. Вы ведь тоже не хозяин...

— Не хозяин, верно. Но вы со мной в пролетке не ездили.

Катя задержалась, подождала, пока огорченный Поярков догонит и поравняется с нею. И когда он поравнялся, положила ему руку на плечо и прошептала:

— Наймите, поеду!

— Ох, Люба!

— Поеду, верно. Хотя зачем ездить? И так хорошо. Одни среди ночи...

Перепутала все Катя, заплутался окончательно Поярков и не знал теперь, как выбраться из этой чащобы. А ему надо было выбраться. Ведь не за тем пришел, чтобы о сердечных делах говорить. Вовсе не за тем. Хотя и они его мучили.

— Верно, хорошо.

— Невесело говорите. Не больно хорошо, поди, вам.

Он признался:

— Нехорошо.

— Отчего?

— Тяжесть какая-то. Предчувствие, что ли, недоброе...

Катя покачала головой:

— Да, вам не позавидуешь.

— Вот и вы это понимаете. Может, меня бросают на верную гибель. Люба, вы-то ведь знаете... Вы рядом с ними.

Трудную задачу он задал ей. Неразрешимую почти. Посочувствовать Катя могла и даже утешить, но он искал не одного сочувствия. Ему хотелось знать то, что составляет тайну японцев. Тайну ее хозяев. Она запретна. Поэтому Катя откликнулась лишь на тревогу Пояркова. Так было проще.

— Вы слишком дорого стоите, чтобы потерять вас сразу.

— Дело только в цене?

— И в ней тоже.

— Получается так, словно я вещь какая.

— Не обижайтесь, не мои слова это, а вам важно знать то, что думают другие.

Конечно, ему важно знать, что думают другие, то есть хозяева. Но он еще ничего не узнал. Цену лишь свою.

— Если вещь дорогая, то должна быть и гарантия ее сохранения.

Он тянул ее к тайне, и Катя не заметила этого, ей чудилась тревога, и она принялась утешать Пояркова:

— Казаку там легче. Неприметен он, да и разговором не выдаст себя. Ну а если станет туго, сообразит, как поступить. Вы же русский... — При последнем слове Катя глянула на Пояркова настороженно, словно боялась, что он поймет ее превратно и ухватится за это самое «вы же русский».

Не ухватился Поярков, вроде не было сказано ничего, способного привлечь внимание.

— Полагаются целиком на меня, а сами в стороне?

— Почему же в стороне, вас прикроют.

— Меня прикроют или мной прикроются?

— Не знаю уж, как там. Думаю, прикроют. Жизнь ваша застрахована.

— И есть кому получать страховую сумму? Хотел бы я видеть этого счастливчика!

— Вы его видели.

— Видел? Когда?

Катя загадочно улыбнулась. Ответ, которого ждал Поярков, вероятно, был забавным.

— Час назад, у «Бомонда».

Поярков оторопел:

— Ваш полковник?

— Полковник Комуцубара, — уточнила Катя.

— Кто же отдал меня этому полковнику?

— Не знаю. Во всяком случае, не я. Мне выпала честь лишь поручиться за вас.

Все было настолько неожиданным и настолько удивительным, что Поярков не сразу принял сказанное Катей. Она имела какое-то отношение к его отъезду. Невероятно! Роль ее во всей истории представлялась ему весьма скромной. Мизерной просто. Связующее звено. И только. Или тут совпадение? Полковник Комуцубара ухаживает за официанткой «Бомонда», а официантка благосклонно относится к Сунгарийцу. Волею случая Комуцубара становится ответственным за переправу агента 243. Возникает трио, в котором люди связаны не только делом.

— Не беспокойтесь! — угадала состояние Пояркова Катя. — Он не знает, что вы сейчас здесь. И думаю, никогда не узнает.

Заверение смелое. Но оно не успокоило Пояркова. Слишком шатко все и противоречиво. Впрочем, в нем, в этом противоречии, есть свое преимущество для Пояркова. На его стороне Катя.

— Он будет со мной там? — спросил Поярков, хотя понимал, что переступал запретную грань. Тактическими приемами не интересуются. Тут стена.

Катя тоже увидела грань, но не побоялась перешагнуть ее. Сочувствие Пояркову помогло ей.

— Японцы за кордон не ходят. Теперь это исключено. Он даст возможность вам это сделать.

Вот что нужно было Пояркову. Значит, японцы пошлют его одного. Не станут перед группой расшифровывать агента и подвергать его опасности разоблачения. Судьба диверсантов капризна, не всякий устоит перед соблазном продать ближнего ради сохранения собственной жизни. А разоблаченный агент не нужен никому. Ни тем, кто его послал, ни тем, кто его приобрел. Японцы это учитывают.

— Вы верите в это, Люба?

Она ответила не сразу. Опять возникла грань и переступить ее было труднее, чем ту, первую. Поярков хотел знать ее

мнение, а не мнение хозяев, от имени которых она вроде бы выступала до этого. Он обращался к чувствам ее.

— Я верю вам...

Это было не то. И прозвучало как-то тревожно, с каким-то особым смыслом, уводящим от всего, что говорилось сейчас и думалось. Далеко уводящим.

— Спасибо, Люба!

Поярков пожал локоть Кати, со значением пожал. Смелая до этого, она вдруг заробела, словно испугалась сказанного Поярковым. Конечно, она хотела, чтобы он понял, но не сразу, не в тот момент, а позднее, тогда бы ей не пришлось просветлять скрытое и тем ставить себя в опасное положение.

Но Поярков не попытался добыть большего, чем подумал. Он поберег Катю. А поблагодарив, как бы раскрыл и себя, присоединился к чужой тайне. Смутно все было пока, словами никак не очерчено, уцепись за слово, и ничего-ничего не поймешь. Вернее, поймешь как сказано, и потому бесполезно для ищущего истину. Это устраивало и Катю и Пояркова.

Взволнованные своим открытием, они уже не могли, да и не хотели говорить ни о чем важном. Надо было сжиться с тем, что приобрели, понять его и сберечь.

Молча они стали прохаживаться под осинами. До Садовой и назад, к крыльцу Катиного дома. От крыльца и снова до Садовой.

Потом заговорили. Но уже о другом, совсем не связанном с тем, что пережили только что. Им предстояла разлука. Долгая, а может, и вечная. Поярков уезжал. Уезжал туда, откуда редко возвращаются.

И все-таки они надеялись. Мечтали.

— Мы встретимся... Обязательно встретимся.

Они ошиблись. Оба ошиблись. Японцы не подчинялись логике.

Ночью он передал сообщение:

Предположительный отъезд на той неделе.
Двухместное купе с полковником Комуцубарой.
Пересадка в Сахалине. Встречайте!

А в двенадцать дня, минута в минуту, к дому, где жил Поярков, подкатил свою коляску рикша и пригласил господина, отъезжающего в Дайрен, воспользоваться его экипажем. Без особого удовольствия Поярков влез на сиденье, пристроил в ногах чемоданчик и кивнул хозяйке — прощайте!

Он собирался подъехать к вокзалу, показать, что в самом деле намеревается следовать в Дайрен, но рикша и в мыслях не имел совершать прогулки по городу. Он сразу повернул на окраину и предоставил Пояркову полную возможность

погреться на полуденном солнце и поглотать густой харбинской пыли.

С полчасика рикша бежал по шоссе, потом свернул на проселочную дорогу и, отсчитав метров триста, остановился. Поднятым пальцем объявил о конце пути.

В стороне от дороги, в окружении чахлых, припорошенных пылью деревьев стояло серое здание барачного типа. На него показал рикша Пояркову:

— Там!

Остальное разворачивалось с быстротой кинематографической ленты.

12.30

Пояркова встретил японский офицер в чине капитана:

— Мне приказано подготовить вас к отъезду.

Он не назвал фамилию того, к кому обращался.

С двенадцати тридцати Поярков стал именоваться «господин» и «мистер».

13.10

Ему отвели комнату. Маленькую, подслеповатую, с железной койкой.

— Отсюда выходить нельзя. Прогулки только в сопровождении офицера.

— Здесь нет одеяла.

— Оно не понадобится.

Это было удивительно.

«Кажется, я ошибся. Отъезд не на той неделе. Карты спутаны!»

14.25

Поярков лежал на койке, когда дверь без стука отворилась.

— Следуйте за мной!

Опять тот же капитан. Страшно серьезный и деловитый.

Они вышли в коридор. В конце его была лестница, ведущая в подвальный этаж. По ней они спустились вниз. Впереди капитан, сзади Поярков. Свернули вправо — оказались в траншее. Она привела их в тир, вырытый рядом с постройкой. В глубине стояли мишени различной формы.

Капитан спросил:

— Какое оружие вам по руке?

Поярков ответил:

— А разве понадобится оружие?

Капитан странно посмотрел на Пояркова и смолчал. Открыл дверцу шкафа, показал на полку, где лежали револьверы и пистолеты разных марок.

Поярков взял наган, привычным движением провернул барабан, проверил гнезда для патронов. Револьвер не был заряжен.

— Давно не стрелял. Попробуем?

Офицер кивнул:

— Да.

Полез в какой-то ящик, достал патроны, протянул их Пояркову:

— Попробуйте!

Значит, все-таки оружие понадобится! Печальный вывод.

Поярков вогнал патроны в гнезда. Стал боком к мишеням, прицелился.

Выстрел. Второй. Третий.

Мишени полетели кувырком.

— Неплохо! — похвалил себя Поярков. — Как вы считаете, капитан?

— Очень неплохо

— Попробуем маузер?

— Нет-нет...

15.00

Пояркову принесли обед. Рис, мясо, соус из бобов. Пожелали приятного аппетита.

— Не хочет ли господин водки?

— Нет.

Не успел Поярков покончить с обедом, как вошел капитан и разложил на столе полсотни фотографий:

— Есть среди этих людей ваши знакомые?

Знакомые были — люди Радзаевского. Поярков сказал, что видит их в первый раз.

Капитан собрал фотографии. В дверях объявил:

— Ваш порядковый номер 34.

«Забрасывают группой. Хуже не придумаешь. Где же страховка Комуцубары?»

19.45

Выдали костюм: теплую куртку, шерстяные брюки, сапоги, шапку.

Заставили примерить.

— Не снимайте!

20.00

Ужин.

— Ешьте, ешьте, ешьте!

— Потом отдых. Постарайтесь уснуть.

— Одежду не снимать! Сапоги — тоже.

«Все ясно. Отъезд сегодня. Катастрофа!»

23.08

Только задремал.

— Тридцать четвертый, на выход!

Во дворе возбужденные голоса, грохот сапог. Урчание автомашин.

Тьма крошечная.

Капитан рыщет в толпе с электрическим фонариком. Как светляк.

— По машинам!

Пояркова подтолкнул какой-то человек в кожаной куртке. Помог влезть в кузов грузовика. Ткнул на скамейку. Здесь еще темнее, не поймешь ничего — то задеваешь чьи-то ноги, то плечи. Тесно, тянет до дурноты гуталином. Намазали сапоги на совесть. Ну, конечно, осень, там болота, лесная мокрядь.

— Садись сюда, Борис Владимирович!

Кто-то узнал все же. Наверное, тот, в кожаной куртке.

Понедельник. 02 часа

На какой-то станции группу пересаживают из грузовиков в вагоны.

Один вагон всего понадобился. Забили до отказа. Закрыли наглухо. Кто сел на солому, кто лег, кто прислонился к стене.

— Курить нельзя!

Сосед Пояркова выругался:

— Сволочи! Не могли устроить получше.

Теперь можно ругаться: японцы далеко, смерть близко.

Комуцубары нет. Нет никого, кто должен заслонить Пояркова. Все шиворот-навыворот.

Понедельник. Утро

Светает. Или так кажется. Небо будто заголубело.

Время неизвестно. Часы стоят. Или Поярков забыл завести их, или неловким движением сбил маятник.

— Из вагона! Быстро!
Японцы буквально стаскивают людей вниз. Строят вдоль насыпи. Пересчитывают:
— Первый... Второй... Третий...
Поярков услышал свой номер.
— Тридцать четыре!
Втиснулся в строй.
Стал приглядываться к японцам: нет ли среди них Комуцубары?
Все маленькие, шупленькие. Не похожи!
— Бегом!

Все еще утро

Берег Амура. Но не Сахалин. Восточнее или западнее, не поймешь. Наверное, восточнее.

На воде — канонерская лодка. В рассветном тумане синими линиями вырисовывается ее строгий корпус.

Всю группу сажают в лодки.

Ветер пробирает до костей. Знобкий, северный, но пахучий. Поярков жадно дышит, подставляет лицо струям.

Рядом, совсем рядом дом. На том берегу. Внутри замирает все от какого-то радостного и тревожного ожидания.

Рядом. А ведь можно и не доплыть.

Поднялись на борт. Всех — в трюм. Одного Пояркова оставляют наверху.

— Сунгариец!

Впервые за восемнадцать часов он слышит свое имя.

Оглядывается. Вот он, Комуцубара, стройный, подтянутый, суровый. В форме со знаками отличия полковника.

Наконец-то!

Они отходят в сторону, за рубку.

— Вот ваши документы, — говорит Комуцубара. — Теперь уже осталось недолго.

Поярков выражает недовольство:

— Выбрасывать с группой рискованно. Просто нелепо.

Комуцубара разводит руками:

— Все переменялось в последний момент. На той стороне стало известно о нашей операции и ориентировочные сроки выброски — пятница, суббота. Пришлось избрать понедельник. Тяжелый день для них. И легкий для нас. Думаю, что легкий. Когда не ждут, входить всегда проще.

— Но группа наведет на меня огонь пограничников.

— Она наведет его на себя, уж если такое случится. Вы окажетесь в мертвой зоне.

Комуцубара перешел на шепот:

— Вас никто не узнал?

Поярков вспомнил о человеке в кожаной куртке.

— Нет.

— И теперь уже не узнают... До выброски вы будете находиться в изолированном помещении. Есть у вас какие-нибудь претензии ко мне или японскому командованию?

— Только сожаление. С группой идти опасно.

— Принимаю. Но изменить уже ничего нельзя... Ни пуха ни пера, как говорят там. — Комуцубара пожал руку Пояркову и спустился по трапу в лодку.

Утро. День. Вечер

Время не фиксировалось. Его просто нельзя было фиксировать.

Поярков находился в каморке под палубой, громко названной полковником изолированным помещением. Ни иллюминатора, ни других отверстий, способных пропустить солнечный свет! Но он знал, что уже не утро и не полдень. Завтрак и обед подавали. Что-то близкое к вечеру или вечер. Канонерка шла не останавливаясь. Шла обычной скоростью и ушла, надо полагать, далеко. Миновали Благовещенск. Многие миновали...

Высадка ночью. В другое время это и не делается. Диверсант, как сыч, охотится под надежным покровом темноты. А на канонерке — диверсанты.

Чем ближе ночь, тем сильнее волнение. Уже не тревога, а страх вселяется в Пояркова. Не просто, оказывается, ступить на родную землю в обличье врага. Все внутри холодеет.

Он не мог лежать. Сидеть не мог. Покой невыносим! Только двигаться. Два шага к двери, два шага от двери. И так без конца...

Потом он упал на койку лицом вниз и замер. Внутри боль, одна боль.

— Тридцать четвертый, наверх!

Ночь

На палубе было тихо. Темно и тихо. Канонерка стояла метрах в ста от берега, который не был виден, а только угадывался. Оттуда летел ветер, пахнувший близким лесом и осенью. Землей пахнувший. И еще чем-то знакомым и ласковым.

Поярков влез по трапу в лодку. Она качалась на волне, тыкалась носом в железный борт, не хотела принимать пассажира. Он все же сел. Запахнул поплотнее куртку, надвинул на глаза шапку. Сжался весь.

Сверху крикнули:

— Пошел!

Лодка оторвалась от борта и поплыла...

ДЕЛО ЧЕТВЕРТОЕ

«БОЛЬШОЙ КОРРЕСПОНДЕНТ»

ЧЕЛОВЕК С БОРОДКОЙ РАЗГУЛИВАЕТ ПО БЛАГОВЕЩЕНСКУ

Что-то около двух дня, когда начальник Благовещенского ГПУ Евгений Степанович Великанов собирался спуститься вниз пообедать, позвонил дежурный:

— К вам просится человек.

Напасть какая-то, телефон словно подкарауливает Евгения Степановича в эти последние минуты перед перерывом.

— Что за человек?

— Назвался Соломиным... Да, точно... по документам Соломин Федор Христофорович.

— Что ему надо?

Дежурный молчал. Не знал, видимо, что надо Соломину, или тот, Соломин, сам хотел объяснить причину своего появления в ГПУ и тянулся к трубке телефона.

— Ладно, пусть идет!

Евгений Степанович зло стукнул трубкой о рычаг:

— Хоть бы раз удалось нормально пообедать!

Он посмотрел недружелюбно, даже враждебно на дверь, откуда всегда появлялось то самое безжалостное существо, которое не давало Евгению Степановичу ни отдохнуть, ни поесть.

— Да, войдите!

Фу, черт, да это же директор ресторана «Амур»! А то Соломин, Соломин... Много их, Соломиных...

— Важное дело, товарищ Великанов, — запинаясь от волнения, произнес вошедший и с ходу принялся вытирать пот со лба и шеи. Он был тучен, этот Соломин, и немолод уже. Вьющиеся седые волосы окружали белым венчиком большую лысину, а многочисленные морщины уверенно расположились вокруг глаз и на подбородке. — Важное дело, иначе не стал бы отрывать от служебных обязанностей. Их у вас много...

— Не жалуемся, — бросил Великанов. — Садитесь! Рассказывайте, что у вас там.

— Да вот...

Соломин сел, провел еще раз платком по лысине и, подавшись вперед, чтобы быть ближе к начальнику управления, начал:

— Я имею честь заведовать рестораном «Амур»...

— Знаю. И у вас в ресторане вчера...

— Вы уже в курсе?

— Ничего я не в курсе... Просто решил помочь перейти к сути дела.

— Так вот, вчера у меня ужинал Борис Владимирович Поярков. — Соломин откинулся на спинку стула и посмотрел многозначительно на начальника управления.

— Кто? — не понял Великанов.

— Поярков Борис Владимирович! Ровно в семь часов...

— Ну и что же?

— Как — ну и что же?! — удивился Соломин. — Поярков член «Монархического союза», агент секретного ведомства Чжан Цзолина. Его все в Харбине знают.

— Но вы-то откуда знаете, товарищ Соломин?

— Пять лет работал на КВЖД, этого достаточно, чтобы знать многое о белой эмиграции.

— Вы говорите, Поярков член Союза монархистов, агент охраны. Как же он оказался в вашем ресторане?

Соломин развел руками:

— Вот именно — как!

— Вы разговаривали с ним?

— Боже упаси! Он поймет, что его узнали, и скроется.

— А вы не ошиблись?

— Как можно, товарищ Великанов! Вот приметы! — Соломин полез во внутренний карман пиджака и вынул оттуда листок бумаги: — Выше среднего роста, блондин, волосы вьющиеся, борода, лоб высокий, с глубокими залысинами, за ухом большая родинка.

— За каким ухом?

— Кажется, за правым. Да, точно за правым... Он сидел за столиком у окна левым боком, я подошел сзади и увидел родинку...

— Минутку, сейчас запишу.

— Да зачем записывать, товарищ Великанов?.. Здесь все сказано. — Соломин протянул бумажку Великанову.

— Разберу? — поглядел на записи Великанов.

— Почерк каллиграфический. По чистописанию в гимназии получал только пятерки.

— Отлично! Сообщение действительно важное. Спасибо, товарищ Соломин! Примем меры...

Когда директор «Амура» ушел, Великанов снял трубку и набрал номер телефона своего заместителя.

— Федя... У меня был Соломин... Ну этот, из кавэжэдинцев, возглавляет «Амур». По тому же поводу... Займись им! Надо убрать из Благовещенска, и как можно скорее. Понял? Как можно скорее...

Это произошло во вторник. В пятницу Соломин получил приказ о повышении его в должности. Он переводился в Хабаровск, в управление Торгсина.

Есть в Благовещенске тихая улица. Спустившись с холма, открытого всем ветрам, она окунается в сады и начинает петлять, поворачивая то влево, то вправо, словно ищет место, где поспокойнее, и на самой окраине города исчезает вовсе. То ли становится другой улицей, то ли натывается на чей-то забор.

На этой улице, за вторым перекрестком, стоит деревянный дом. Собственно, здесь почти все дома деревянные, но этот постарше и поновее других, обшит тесом с фасада и украшен замысловатым кружевом наличников. Таких наличников не встретишь уже — поистлели, рассыпались, а эти сбереглись. По ним и найти легко дом, надо только идти правой стороной и глядеть внимательно.

В девятом часу, в сумерках уже, подошли к дому двое мужчин. Судя по одежде, местные: брюки заправлены в голенища сапог, рубахи навывпуск, опоясанные тонким ремешком, на голове у одного кепка, у другого — фуражка из парусины. Оглянулись, нет ли кого на улице, потом первый, что в кепке, тихонько постучал в окно.

На стук выглянул хозяин, пригласил гостей в дом.

— Забрался же ты, Борис Владимирович! — сказал первый из гостей, вешая кепку на гвоздик, вбитый прямо в стену горницы. — Год ищи, не найдешь...

— Пытался, чтобы и два не нашли, — ответил тот, кого назвали Борисом Владимировичем, — да нет такого места в Благовещенске.

— Шутит, слышь, товарищ Западный, он еще шутит! — засмеялся первый из гостей. — Нет, тебя японцы, видимо, не переделали.

— Ну если китайцы за десять лет не переделали, то японцам за два года трудно это сделать, — ответил хозяин.

— Ладно, давай здороваться! — Великанов — а первым гостем был начальник Благовещенского управления — обнял хозяина и похлопал его дружески по спине. — С приездом, брат. С благополучным возвращением на родной берег.

Повлажнили глаза хозяина. Непростые это были для него слова, ох непростые.

— Даже не верится, — сказал он тихо и с чувством.

— Знакомься! Заместитель Терентия Дмитриевича... Твой крестный теперь, поскольку ты снова родился на свет божий. Товарищ Семен...

Второй гость, высокий, плечистый, с кудрявой шапкой смоляных волос, протянул руку хозяину:

— Здравствуйте!

— Вот вы какой, товарищ Семен, — посмотрел на гостя хозяин. — А вас там совсем другим представляют...

— С рогами или без ушей?

— Да нет... — Хозяин замешкался, не решаясь, видно, сказать правду.

Гость помог ему:

— Небось без головы?

— Им этого хочется, — пояснил Великанов. — Во сне видят, что мы без головы... Так ведь, Борис Владимирович?

— Не совсем...

Хозяин отодвинул стулья от большого косолапого дубового стола и попросил гостей сесть.

— Чай будет? — полюбопытствовал Великанов.

— Как же без чая! Только прежде я ставни прикрою. Время...

— Давай распоряжайся... Стены-то как здесь?

— Рядом моя комната, — показал на дверь хозяин. — А владельцы по ту сторону коридора. Не слышно. Да и бревна на стенах в обхват.

Он вышел, и через минуту захлопали тяжелые доски ставней. Свет, слабый, закатный, но все же свет дня, струившийся в комнату, погас.

— Как под землей, — сказал Великанов.

— Да, — согласился второй гость. — Здесь полная изоляция... Но и ловушка. Обложат, не выберешься.

Вернулся хозяин. Засветил лампу, огромную, с большим стеклянным пузырем под розовым абажуром, и поставил на стол.

— Лучше бы газетой завесить, — предложил второй гость — он был истый конспиратор. — Больно ярко...

Хозяин достал газету и обернул ею абажур. Свет густо потек на стол, на желтую, с каймой из цветов скатерть.

— Теперь годится?

— Вполне... Садитесь, Борис Владимирович!

— А чай?

— Чай успеется... Времени у нас много. Посидим, если не прогоните.

— Что вы?!

— Ну вот... Еще раз с благополучным возвращением домой. Между прочим, мы ждали вас со стороны Сахалина и держали катер наготове. Мало ли что случается!

— Маршрут изменили в последнюю минуту. Две операции соединили в одну. Я оказался в группе Радзаевского.

Второй гость задумался:

— Случайное соединение? Или тактическая комбинация?

Хозяин смущенно пожал плечами. Ему самому не было ясно, какова природа происшедших изменений.

— Иногда мне казалось, что все это случайности, неожиданные совпадения. Но их было за последнее время слишком много, видимо, случайности закономерны.

— Видимо, — согласился второй гость. — Мы вот тоже рассчитывали на логический ход и традиционный маршрут, японцы предложили другую игру — случайность и неожиданность.

— Китайская схема перечеркивается, — включился в разговор Великанов. — Не подошла она второму отделу.

— Хотят быть оригинальными, — высказал предположение второй гость.

Хозяин сопоставил что-то мысленно и несколько смягчил категоричность чужого вывода:

— Пытаются...

Второй гость с интересом глянул в лицо хозяину. Не для того, чтобы проверить, искренен ли он, и поставить под сомнение сказанное, а желая найти следы минувшего.

— Вам не повредило путешествие?

— Да нет вроде... Так, царапина... Пустое... Остальные, кажется...

Великанов кивнул:

— Не повезло им.

— Кто-нибудь ушел назад?

— Двое... Ты — третий.

Второй гость полез во внутренний карман брюк и вытащил браунинг, положил его бережно на стол перед хозяином:

— Борис Владимирович, от имени полномочного представителя ОГПУ... Поздравляю! Здесь все сказано... — Он подвинул браунинг к хозяину, рукояткой вперед. На ней было выгравировано: «Б. В. Пояркову! За мужество при исполнении особо важного задания».

Хозяин прочел. Нет, лишь коснулся взглядом короткой надписи. Потом провел рукой по холодному стволу. И отодвинул от себя браунинг:

— Передайте Терентию Дмитриевичу: счастлив, тронут. Если надо, пройду все снова... Но я еще Академик. Это помещает мне...

Великанов вздохнул сочувственно:

— Да, конечно...

Второй гость взял браунинг, повертел его в руке, разглядывая или любуясь. Вороненая сталь вспыхнула несколько раз и погасла.

— Завидую.

Отвел затвор, посмотрел в канал ствола. Там бежала на яркий свет лампы торопливая голубая змейка.

— И не попробуете?

На лицо хозяина легла грустная тень.

— Придет время...

— Безусловно. Он подождет вас...

Гость вернул затвор в прежнее состояние, убедился, что все в порядке, спрятал пистолет:

— Передам Терентию Дмитриевичу... В его сейф.

Долгая и хорошая минута прошла в молчании. Все смотрели на свет лампы, сживаясь с тем, что подарила им судьба сейчас и что должно сохраниться надолго, на всю жизнь, может быть, в душе каждого.

— В дорогу, — позвал Великанов.

— Да-да, — согласился хозяин. — Маршрут подбросили, дай боже!

Второй гость положил руки на стол, мускулистые, грубоватые, знавшие не только перо и пистолет, но и что-то потяжелее. Так он начинал обычно работу, а тут предстояла работа.

— Какой же маршрут и куда он ведет?

— Далеко. Японцы хотят дойти с моей помощью, естественно, до Хабаровска... до штаба Дальневосточной армии.

— Ого!

— И дойти быстро. Я имел в свое время наивность похвастать, что связан с родственниками, живущими в Хабаровске, причем намекнул на их солидное положение... Так мы здесь договорились...

Великанов подтвердил:

— Это входило в версию.

Второй гость спросил:

— Родственники еще не использовались?

— Нет. Ни разу.

Хозяин дал более точную справку:

— Как деталь биографии... Ее проверяли в ведомстве Чжан Цзолина с помощью харбинского резидента.

— Вас известили об этом?

— Зачем же... Они не так глупы. Просто я догадался по некоторым наводящим вопросам. Потом перемена отношения со стороны контрразведки весьма показательна.

— В лучшую сторону?

— Да.

— И все?

— Все.

— Японцы не занимались перепроверкой?

— Этого не знаю... Видимо, нет. Они верят документам, добытым китайцами. Потому у них на службе большинство чжанцзолиновских агентов. Почти вся сеть перешла в их руки. Меня представлял бывший крупный агент китайской секретной службы...

— Господин Ли?

— Вы уточнили? — несколько удивился хозяин.

— По картотеке, — пояснил второй гость. — Там есть и другая фамилия, названная вами, — капитан Милкич.

— Это тоже ненастоящая.

— Надо полагать... Мне думается, под псевдонимами прячется наш старый знакомый, промышлявший на левом берегу в период гражданской войны и японской оккупации. Какой-то итальянец Вантини.

Великанов покачал головой:

— Ты думаешь, он тогда носил настоящую фамилию? Это же профессиональный разведчик и попал на нашу территорию

по заданию. Ясно, как божий день! Во всей картотеке одни псевдонимы.

— Подлинное имя знают только во втором отделе штаба Квантунской армии,— сказал хозяин.

— Черт с ним! — шумно опустил ладонь на стол второй гость. — Не он формулировал задачу?

— Считаю, что не он. Передавал только, и в общих чертах причем. Детали разработали в Харбинской военной миссии. Там расписали все по пунктам и установили срок.

— Срок выполнения всей акции? — не поверил второй гость.

— Первого пункта.

— Конкретно!

— Согласие родственников помогать мне. Две недели. Пальцы гостя забарабанили по столу. Он нервничал.

— Наше согласие, проще говоря?

— Я такие вопросы не решал.

Стук пальцев стал громче, спокойнее.

— Давайте подробный план!

— Хорошо... Только я сначала все-таки поставлю чайник...

ДЕРИБАС: «ДЛЯ НАС ОН ОСТАЕТСЯ АКАДЕМИКОМ!»

— Терентий Дмитриевич, дело оказалось сложнее и опаснее, чем мы предполагали.

— Ну-ну, не пугай... И сам не пугайся! Садись-ка, Семен, и выкладывай по порядку... Прежде всего, как чувствует себя Пояров?

— В норме.

— Да ты не по-казенному, а так, по-человечески. Понравился он тебе?

Западный, прежде чем ответить, посоветовался мысленно с самим собой, прикинул что-то, потом сказал:

— Пожалуй, да.

— Не совсем, значит... Ты ведь знаток человеческих душ, психолог.

— Понравился. Крепкий мужик и острый.

— Ишь ты, острый! Это что-то новое и непонятное.

Западный пояснил:

— Голыми руками его не возьмешь, порежешься.

— Сам-то себя не порежет?

— Он для этого слишком умен и прозорлив.

Дерibas почесал непышную бородку свою и улыбнулся. Он был благодушно настроен. Во всяком случае, так казалось.

— Аттестация, брат, на пять с плюсом. Как говорится, на золотую медаль тянет. Давно я не слышал от тебя таких оценок. Подобрел, Семен.

Легкая тень смущения пробежала по лицу Западного.

— Да нет, в самом деле — в норме.

— И не сдал? Двенадцать лет ведь прошло. Срок немалый, парнем уехал отсюда.

— Сопоставить не могу, не видел тогда.

— Я тоже не видел, фотографию только. Казак, что еще скажешь?

— Думаю, не изменился.

— Вот как! Бывают же счастливые люди — время их не берет.

— Вы, Терентий Дмитриевич, тоже к ним относитесь.

— Ну-ну, обо мне помалкивай. Я, брат, уже туда поглядываю. Да не обо мне разговор... Как он отнесся к оружию?

— Обычно... Вот, Терентий Дмитриевич! — Западный извлек из кармана пистолет и протянул его Дерибасу.

— Неужели в руки не взял?

— Нет.

— Выдержка или равнодушие?

— Выдержка.

— Ты смотри! Придется, пожалуй, присоединиться к твоей оценке. Пять!

— Вы предлагали пять с плюсом.

— Ах, да!

Глаза Дерибаса, посаженные глубоко и потому казавшиеся темными, сощурились. Решая что-то, он всегда чуть-чуть прикрывал веки, будто заслонялся от окружающего.

— Говоришь, трудное дело оказалось?

— Трудное, Терентий Дмитриевич. Японцы хотят проникнуть в штаб ОКДВА. Такая задача поставлена перед Поярковым.

— Именно перед ним?

— Нет, через него. Он должен приобрести корреспондента из числа руководящих работников штаба. Цена баснословная...

— Баснословная?

— Десять тысяч золотом.

— Seriously, выходит.

— Весьма. И это только аванс.

— Деньги с Академиком?

— Три тысячи... Остальные по первому требованию.

— Да, весьма серьезно. Приспичило, значит, квантунцам.

— Академик считает, что интерес проявлен выше. Самим генштабом. Это вытекает из общих планов японского командования. Вы помните последние донесения из Токио и Харбина? Тенденция откровенная. Все перекладывается на разведку.

— Ну, это заметно и по нарушениям границы. Густо пошли господа... Академику дали кого-нибудь в помощь? Он, надо полагать, резидентом определен...

— Резидентом, И пока с одной лишь задачей — добыть корреспондента.

— Иначе говоря, целенаправленная и очень конкретная акция. Его ограничили сроками?

— По этапам. Первый — две недели: связь с родственниками и их согласие оказать услугу.

— Здесь — несложно. Я думаю, первый этап пройдет без препятствий. Как считаешь, Семен?

— Если второй — выход на корреспондента — допустим, тогда дадим добро Академику, пусть сигналил в Сахалин.

— Нет, Семен, связывать этапы пока не надо и тем более ставить первый и второй в зависимость. Мы должны сохранить возможность оборвать цепочку в любое время и в любом месте. Связались с родственниками — хорошо. Радуйтесь, господа! Дальше — тупик. Нет выхода на корреспондента. Мало ли причин: не нашли подходящей кандидатуры. Или нашли, так человек в отъезде, болен, в конце концов, не соглашается работать на японскую разведку...

Западный оживился. Положил руки на стол, стал перебирать пальцами. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, с азартом каким-то.

— Ты что забарабанил? Или уже в бой собрался?

— А что?! Ведь второй этап тоже наш. Выпускаем Академика на тропу, пусть идет!

Дерибас колючим взглядом своим уставился на Западного. Колол, но не больно, будто понарошку, играючи вроде, и даже смешинка какая-то была в глазах подзадоривающая.

— Пусть идет!

Оба они загорелись. Мысленно пока, но все же представили себя в деле, и азарт стал захватывать их.

— Два этапа — целая цепочка, — развивал свой план Западный. — И довольно длинная. За нее уцепятся военные миссии, второй отдел и командование Квантунской армии...

— Месяца на два работы, — прикинул Дерибас. — И нам и японцам.

— Только на два? — разочаровался Западный. — Почему на два?

— Да потому, что дальше дороги нет. У нас с тобой нет, Семен. В чужой огород залезаем.

Западный непонимающе уставился на Дерибаса:

— Остановка, значит?

— Может, остановка, а может, и конец. Академик отсигналил в Сахалин или в тот же Харбин: вербовка не состоялась, корреспондент отказался или еще что-нибудь в этом роде.

Западный перестал стучать пальцами по столу. Тишина воцарилась в кабинете. Необычная и смущенная какая-то, вроде бы явившаяся без спросу.

— Отбой! — усмехнулся Дерибас. — Повоевали — и хватит...

— Да, мир, Терентий Дмитриевич. Я думаю, и в атаку идти не надо.

— Это почему же?

— Мелочь. Игра свеч не стоит. Пошекочем мы японцев, поводим по закоулкам и вернемся туда, откуда начали.

— Не мелочь, Семен, и игра свеч стоит. Японцы потеряют два месяца, а то и три, бросят на ветер золото... Ну не все десять тысяч, но все же солидную сумму. Раскроют кой-кого из агентов в Благовещенске и Хабаровске...

— Согласен, но все-таки мелочь. Притом потери будут не только у японцев. Мы лишимся Академика. Они уберут его, едва почуют провал операции. Им не нужен в Благовещенске человек, знающий планы японской разведки.

— Могут отозвать просто...

— Это слишком гуманный вариант. В какой-то степени их резидент себя разоблачит здесь. Вербовка корреспондента, даже неудавшаяся, связана с раскрытием тайны. Резидент должен представиться как-то, выложить карты. Так сказать, сбросить плащ. А без плаща можно находиться лишь в обществе своих. Отказавшийся от сделки корреспондент — уже не свой. Он потенциальный враг...

— Пугаешь опять?

— Что вы, Терентий Дмитриевич! Рисую перспективу.

— Мрачноватая перспектива-то...

— Больше унылая.

— Хитер ты, Семен. Унылыми картинками своими хочешь расстроить меня, вывести из равновесия. Задену, мол, самолюбие старика, подпалю бородатого, сгоряча-то он и ринется в омут. А?!

Говорил Дерibas строго, отчитывая вроде своего заместителя, а глаза посмеивались озорно. По глазам судить надо было о чувствах Терентия Дмитриевича. Но не умел это делать Западный. Слушал только.

— В омут? Для чего? Это японцы собираются кинуться в омут. И надо помочь им это сделать.

— Хочешь все-таки продать корреспондента?

— Продать, Терентий Дмитриевич.

— Ох, Семен, Семен... Не дают тебе покоя десять тысяч. Ты что же, за золото липу хочешь подсунуть японцам?

— Зачем же липу! И мысли такой не было. Настоящего корреспондента.

— А где он у тебя? Где? Думаешь посадить за стол Яковенко или Санина и заставить их сочинять реляции по ОКДВА. Да Итагаки в два счета разгадает обман и тогда уж наверняка уберет Пояркова. Такое не прощают.

— Повторяю, не липового, а настоящего корреспондента, — сказал Западный, дав на слово «настоящий».

— Так ты в штаб метишь?

— Да.

Дерibas огорченно покачал головой:

— Ну и хитер! Умыкнул идею. Что с тобой делать, Семен, не знаю... — Опять смеялись глаза Дерibasа, опять лукавые искорки вспыхивали в узких прорезях.

— Могу подсказать! Дать своему заместителю распоряжение подготовить приказ о начале контроперации.

— Торопишься больно... Ведь сказал уже: в чужой огород лезем. В других масштабах пойдет измерение. И решать вопрос: быть или не быть этому корреспонденту, придется не нам с тобой. Наше дело доказать, что он нужен. Только доказать!

— Докажем.

— Постараемся, — поправил своего заместителя Дерibas. — Ты вот что, Семен, подготовь доклад и проект приказа. Проект приказа о проведении контроперации... Название потом. Все потом.

— Ясно, Терентий Дмитриевич... Поярков войдет в операцию под японским именем?

— А как нарекли его в Харбине?

— Сунгариец.

— Сунгариец... — Дерibas поморщился. — Для нас он остается Академиком! И береги его, Семен! По нему японцы будут судить о состоянии погоды на нашем берегу...

НОЧНОЙ ЗВОНОК КОМУЦУБАРА

22 августа в 3 часа ночи полковник Комуцубара получил первое донесение из Благовещенска. Оно было очень коротким и оторвало полковника от отдыха всего лишь на несколько минут:

«Был у родственников. Все живы и здоровы. Обещали помочь в розыске брата. Он в Хабаровске. Работает на прежнем месте.

С у н г а р и е ц .

Комуцубара приказал дежурному тотчас связать его по телефону с Харбином, с Доихарой Кендзи. Пока тот звонками будоражил линию, полковник накинул на себя китель и спустился вниз. Лестница в двадцать ступенек помогла ему собраться с мыслями и подготовить рапорт. Он хотел очень четко и очень торжественно преподнести Доихаре приятную новость. Там, в Харбине, ждут, с нетерпением ждут донесения из Благовещенска. И именно такого.

Ответ в трубке его разочаровал. Да что там разочаровал. Огорчил. Не было в миссии Доихары. Не было дома. И даже в самом Харбине. Он срочно вылетел в Токио. По интересующему полковника делу следует обратиться во второй отдел штаба.

Докладывать сразу расхотелось...

Полковник долго вертел в руках трубку, раздумывая, как поступить. Его, конечно, соединят с заместителем начальника отдела, с этим завистником и интриганом Янагитой Гендзо.

Давним конкурентом Комуцубары. Если бы добраться до самого Исимото. Но Исимото не занимается непосредственно левым берегом, и этой операцией тем более. Он удивится неосведомленности полковника и переадресует Комуцубару проклятому Янагита. Еще сделает выговор.

Остается Янагита. Один Янагита. Не докладывать же прямо в Токио!

И полковник попросил дежурного соединить его с заместителем начальника разведки Квантунской армии. Возможно, он еще в штабе. Всем известно, что Янагита работает ночами.

— Полковник полчаса назад уехал домой, — ответили с другого конца провода.

«Спит, — отметил не без удовольствия Комуцубара. — Очень хорошо!»

— Соедините с квартирой!

— Полковник просил не беспокоить его до семи утра.

— Иногда надо беспокоить и до семи утра. И не только полковника. Соедините немедленно!

— Слушаюсь!

Янагита откликнулся сразу. Он или не спал еще, или проснулся при первом звонке.

— Да!

— Говорит полковник Комуцубара. По схеме В-77 поступило сообщение.

— Давайте!

Комуцубара начал читать текст и услышал в трубке напряженное, жадное дыхание Янагиты, даже почувствовал, кажется, как оно горячо.

— Подпись? — спросил Янагита, когда Комуцубара кончил читать.

— Сунгариец.

— Его рука?

— Да.

— Сейчас же отправьте секретным пакетом в Харбин. Все последующие сообщения передавать немедленно.

ИМ НУЖЕН БОЛЬШОЙ КОРРЕСПОНДЕНТ? ПУСТЬ ОН БУДЕТ!

В начале октября, а точнее, третьего числа, в одиннадцать утра, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией Василий Константинович Блюхер принял Дерибаса.

— Никого не пускать до двенадцати! — предупредил командарм своего адъютанта. — Нам хватит часа, Терентий Дмитриевич?

— Вполне.

Через час полномочный представитель ОГПУ простился с Блюхером и вернулся к себе. А еще через двадцать минут

уже у себя в кабинете, он подписал секретный приказ о начале контроперации под кодовым названием «Бусидо-мираж». Внизу, перед подписью Дерибаса, стояла фраза: «Санкционирована Объединенным Государственным Политическим Управлением СССР».

— Вот что, Семен, — сказал Дерибас, после того как все формальности были соблюдены и приказ с планом проведения контроперации спрятан в сейф, — надо форсировать второй этап. Академик должен выйти на Корреспондента...

— Командировка в Хабаровск?

— С вечерним поездом. Описание места встречи, приметы Корреспондента подготовить сейчас же. Диалог составите вместе с Академиком по возвращении из Хабаровска.

— Родственник поедет?

Дерибас мысленно проследил за Академиком, чужим, придирчивым взглядом оценил все и сказал:

— А где живет этот родственник?

— По легенде — в Хабаровске.

— И адрес известен?

— Старый адрес. Его, кажется, проверяли китайцы — так полагает Академик. Сомнений, во всяком случае, не выражали.

— А японцы?

— Неизвестно.

— Теперь проверят. Что за люди эти родственники?

— Бывший работник тамошни. Семья из шести человек, старший сын женат, двое детей...

— Кто близок к Корреспонденту?

— Старик. Он из бывших офицеров, добровольно перешедших на сторону Советской власти.

— По версии?

— На самом деле.

— Сын может встретить Академика?

— Они не знакомы.

— Дайте фотографию Академика, назовите приметы, установите пароль.

— Может быть, лучше явиться прямо домой? У них особнячок, тихое место...

— Нет, пусть встретят. И повеселее, как желанного гостя.

— Предполагаете слежку?

— Надеюсь... Если откровенно, то даже хочу, чтобы проследили.

— Это осложнит нашу операцию, Терентий Дмитриевич.

— Облегчит.

С недоумением Западный посмотрел на Дерибаса, потом, поняв что-то, улыбнулся:

— В некотором смысле облегчит... Значит, начинаем?

— Начинаем, Семен. Ни пуха ни пера!

Еще через час от рыбацкого причала отошла плоскодонка. Тихо отошла, никем не примеченная, как отходят лодки,

которым плыть некуда: покружат у берега или, обогнув косу, в безветрии замрут у лески с поплавком, как на якоре. И сидел в лодке один лишь человек, похожий на рыбака — широкополая панاما, плащ из брезента, на корме притороченная к сиденью удочка. Греб не торопясь, плавно кладя весла на воду и так же плавно, без плеска и брызг, поднимая. Плыл вниз по Амуру, не отдаляясь особенно от берега и не выходя на стремнину, останавливаясь то и дело, словно раздумывая, плыть ли дальше или свернуть за утес и стать там.

Как ни ленился рыбак, как ни губил попусту время, а шла лодка. Весла и волна относили ее от причала, и город таял постепенно вдаль, а потом и вовсе исчез, заслоненный высокими выступами берега.

Рыболов положил весла, разматал леску и закинул удочку. Вода была по-осеннему теплая, хотя над рекой и летел знобкий ветер и рябил гладь. Не водилась тут рыба, а если и водилась, то не выходила в такое время, при полном солнце, на плес, держалась у берега, в тишине и полумраке заводей.

А человек ловил рыбу. Ждал ее терпеливо. И все поглядывал в сторону города, прислушивался настороженно к тишине.

Где-то за полдень, далеко за полдень — время идет и идет — послышался вверху рокот мотора. Со стороны причала, теперь уже невидимого, шла моторка или катер. Должно быть, катер, потому что голос мотора был низким, басовитым. Минут через десять или пятнадцать показался из-за выступа и сам катер. Он глубоко сидел в воде и тупым носом деловито рыл волну.

Рыболов свернул удочку, взял весла и стал грести к берегу. Был он, однако, далеко и уйти сразу с фарватера, которым шел катер, не мог. А может, и не собирался уходить. По косой направлял свою плоскодонку, и берег не приближался. Катер целился прямо в борт лодки. Или так лишь казалось. Не ударил ее. Не задел даже. Мотор сбавил обороты и почти у самой плоскодонки стих совсем.

— Эй там, на лодке! — крикнули с катера. — Откуда гребешь?

— От причала!

— Понятно, что от причала, да от какого?

— От своего.

— Да ты остряк, как видно. Ну давай, клади весла!

Рыболов послушно сложил весла и посмотрел из-под широких полей своей шляпы на человека, свесившегося через борт катера. Тот был во флотской форме со знаком инспектора судоходного надзора.

— Нашел, где ловить рыбу... Поднимайся на борт!

Катер подрулил к самой плоскодонке и ткнулся в нее носом. Лодка заметалась, заюлила у борта катера. Рыболов

изловчился и бросил цепь человеку в форме. Тот поймал ее и подтянул плоскодонку.

— Руку давай!

Рыболов влез на борт, отряхнулся, сказал заботливо:

— Лодку не упустите. Мне вернуть ее надо, под залог брал.

— Ладно, ладно... Лезь в каюту!

В каюте на дощатой скамье, служившей когда надо и койкой, сидел Западный и листал журнал — старый потрепанный «Огонек».

— А, Борис Владимирович! Нашлись! А мы уже хотели тревогу поднимать. Десять километров отмахали — никого. Лодка небось худа?

— Добрый день! Лодка ничего, весла дрянь. Да и моряк я никудышный. Унесло бог знает куда, к самому Хабаровску почти...

— Поторопились, — засмеялся Западный. — До отхода хабаровского поезда еще есть время. — Он полез в карман и извлек оттуда железнодорожный билет. — В двадцать три десять. Вагон шесть, место...

— Погодите, при чем тут хабаровский поезд? — удивился Поярков. На плоскодонке по Амуру путешествовал именно он и сейчас снимал с себя рыбацкий наряд, так хорошо сидевший на нем.

— Командировка, Борис Владимирович! Надо выполнять задание хозяев, они зря деньги платить не будут.

Поярков торопливо закрыл дверь в каюту.

— Не беспокойтесь! — поднял руку Западный. — Это наш катер... Устраивайтесь поудобнее. Впереди уйма дел. Пока возьмите билет и спрячьте. Ваша полка нижняя. На верхней никого не будет. Из наших — никого. Место сохранят до отхода поезда. В последние десять минут его отдадут, если окажется очень настойчивый пассажир. В Хабаровске вас встретит сын Хлымова. Вы его никогда не видели, он вас — тоже... Приметы: среднего роста, широкоплеч, шатен, светло-коричневая фуражка, такой же китель. В руках черный портфель с медными застешками. Из портфеля торчит газета «Известия».

— Сколько лет этому сыну?

— Двадцать восемь.

— Тогда, в двадцать первом, ему было всего пятнадцать. Мальчишка!

— Возраст достаточный для того, чтобы запомнить дядю Боря.

— Если была возможность...

— Такая возможность существовала, судя по вашей биографии. Он любил вас и постоянно спрашивал отца, когда дядя Боря вернется. Наконец такой момент наступил.

— Объятия и поцелуи?

— Почти. Во всяком случае, оба рады. Особенно дядя Боря.

— Я человек несентиментальный, вы же знаете.

— В меру возможностей, Борис Владимирович. Переигрывать, конечно, не надо. Зрителей не будет, так я думаю.

— А если?

— Тем более... Естественное проявление радости. Сын отвезет вас домой, к отцу. Остальное возлагается на старика. Старик представит дядю Борю Корреспонденту.

— Решено, значит?

— Решено.

— Наконец-то...

Прозвучало это не совсем бодро, и Западный поднял на Пояркова удивленные глаза:

— Недовольны?

— Недоволен?! Какое тут может быть недовольство? Поражен.

— Не верили?

— Пожалуй. Мне казалось, что Корреспондента погасят. Сразу же. Опасная это затея.

— Для вас?

— И для меня тоже. Помните, когда в первый раз вы услышали о плане японцев, то задумались. Чертовски сложная комбинация. Пустяки второму отделу генштаба не нужны, а серьезное нас не устроит. В серьезном должна быть доля правды.

— Взвесили все, Борис Владимирович. Опасность тоже учли. Сахалян торопит вас?

— Открыто — нет. Но дважды интересовались здоровьем, спрашивали, не нужно ли чего.

— Намеки, все понятно. Можно дать третью информацию о предстоящей встрече с Корреспондентом.

— Сегодня?

— Время определите сами, но с таким расчетом, чтобы сообщение приняли до вашего отъезда в Хабаровск.

— Я не знаю, когда очищают «почтовый ящик». Раз в неделю, наверное.

Западный отрицательно покачал головой:

— Ежедневно.

— Ночью?

— Утром, с шести до восьми, перед открытием рынка, и вечером, во время уборки...

«Какой-то подметала, — подумал Поярков. — Кто еще убирает рынок?» Улыбнулся своей мысли и сказал:

— Тогда сегодня, до закрытия рынка. Интересно, кто же лазит в ящик?

— Вам лучше не знать его. Человек он осторожный, подозрительный и с очень цепким взглядом. Ваш интерес сразу отметит и донесет шефу о неестественном интересе Сунгарийца.

Поярков разочарованно вздохнул:

— Жаль, японцы строят свою тактику на неожиданностях, и мне хотелось бы еще раз убедиться в этом.

— Не убедитесь! Появление рыночного почтаря не было для нас неожиданностью. Он — здешний и давно на примете...

— Вот как! Ну что ж, принципа, возможно, нет, или им не всегда руководствуются.

На катере включили мотор. Как-то вдруг. Поярков с неммым вопросом глянул на Западного: как тот дал сигнал мотористу? И когда, главное? Не выходил из каюты, не разговаривал с обслугой. Западный понял вопрос и лукаво подмигнул Пояркову: секрет, мол.

Катер двинулся сначала вниз по реке, держась левого берега, а потом стал разворачиваться. Вода бурлила за винтом, и катер вздрагивал весь, принимая на себя волну и сиюсь одолеть течение.

— Посудину-то мою не бросили? — обеспокоенно спросил Поярков.

— Куда же ее бросить? — усмехнулся Западный. — Мы посадим вас в нее. Вернетесь, как и отплыли, рыболовом. Только без рыбы. Надо бы вам парочку карасей положить в сетку, да не припасли.

— Бог с ними, с карасями. Не до них.

— Вам не до них, а японцам как раз к столу!

— Неужели и тут следят?

— Точно неизвестно, но почему бы не проконтролировать своего резидента.

— Сколько же их тут?

— С помощью Сунгарийца подсчитаем. Всплывать начинают, приманка больно аппетитная. А то все глубины держались...

— Выходит, я снова окружен частоколом дозорных?

— Ну, не частоколом, а так, отдельными столбиками. Срубить их нетрудно, но надо ли рубить? Контроль заставляет нас быть осторожными и изобретательными в проведении контроперации. Нам должны верить. Неожиданности, к которым прибегают японцы, здесь не подходят. Неожиданности настораживают и в конечном счете разочаровывают. А наша задача — увлечь японцев как можно дальше по той тропе, что они сами наметили. Тропа трудная, даже опасная, я бы сказал. После каждого шага им приходится оглядываться, проверять себя и своих агентов. Бдительность обострена до крайности...

— Но при таком контроле мое существование осложняется.

— Оно станет еще сложнее, Борис Владимирович. Вам надо поступить на службу. Без дела человек находится как бы в пустоте, а это неестественно для человека вашего возраста...

— Я понимаю.

— Дальгосторгу требуется разъездной агент. Очень удобная должность, постоянные выезды и в том числе за кордон. Японцам просто повезло!

— Справлюсь ли? Двенадцать лет на той стороне...

— Справитесь. Должны справиться.

— Меня примут в этот Дальгосторг?

Западный как-то загадочно улыбнулся:

— Вас там ждут.

Поярков потер виски. Старательно потер, даже покраснела кожа под бровями.

— Больно много неожиданностей. И все разом.

— Это ничего. Разом и переварите. Потом ясней все станет...

ДОНЕСЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВАЖНОСТИ

Сахалин. 5.17 утра

Комуцубара:

— Господин полковник, вы приказали докладывать в любое время. Три минуты назад получил донесение из Благовещенска по схеме В-77. Считаю его чрезвычайно важным. Передаю:

«Нашел брата. Женат, живет там же, занимает хорошую должность. Согласен делить наследство отца, но требует большую долю, то, что я предложил, его не устраивает. Что делать? Хорошо бы посоветоваться с друзьями отца, да как их найти?»
С у н г а р и е ц».

— Прошу доложить начальнику штаба Квантунской армии и выше по инстанции.

ШЕСТЬ ТРИДЦАТЬ ПО ТОКИЙСКОМУ ВРЕМЕНИ. МИНУТА, ПОСЛЕ КОТОРОЙ УЖЕ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ БЫЛО ИЗМЕНИТЬ

За ним следили. С того дня, как он появился в Благовещенске, чьи-то внимательные глаза, и, наверное, не одна пара, держали его под постоянным прицелом. До разговора с Западным ему не приходила в голову мысль о возможном контроле со стороны японцев — зачем это? Он ведь на левом берегу, у себя дома. Намек Западного насторожил Пояркова. Уже на причале, после возвращения с рыбалки, он как-то иначе глянул на окружавших его людей и сразу выхватил из группы слонявшихся по берегу рыбаков и торговцев дарами Амура парня в ватнике. Он крутился около лодок и время от времени поворачивал голову в сторону вылезшего на берег рыболова. Парень сразу определил, что рыболов пуст и что его путешествие по Амуру не имеет никакого отношения к удочкам, которые он старательно сматывал на кромке причала.

Интерес к рыболову не пропал и после того, как Поярков покинул берег и направился домой. Парень в ватнике проводил

его почти до самой калитки. На последнем перекрестке, когда уже ясно было, что подопечный никуда не свернет и не минует собственного дома, он не то отстал, не то исчез в каких-то воротах.

Вечером, «сдавая почту», Поярков засек еще одного подручного Комуцубары, мужчину средних лет, широкоплечего, кряжистого, с грубым, словно вытесанным из амурского кедра, лицом. Неповоротливый и даже сонный с виду, он едва двигался по рынку. Медведь, и только. Лишь глаза его — два черных огонька — были живыми и буравили встречных острым, настороженным взглядом.

«Медведь» и почту брал неуклюже. Прислонялся к стене и каким-то угловатым движением плеча отжимал доску, и в лапу его — как еще назовешь широкую, короткопалую, покрытую поверх ладони волосами руку? — заложенную за спину, падал пакет. Поярков не видел, как падал пакет, да и никто не видел, но после этого сжатая ладонь выплывала из-за спины и опускалась в карман куртки. Из этого же кармана «медведь» доставал кисет с махоркой, неторопливо сворачивал сигарку, долго и старательно слюнявя газетный лоскут и склеивая края, высекал из кремня искру и закуривал. Дрема вовсе одолевала его, и неведомо, каким образом «медведь» умудрялся дотянуть до конца процедуру уничтожения сигарки. И, дотянув, давил окурки о стенку и бросал небрежным жестом в урну — жестяной бачок из-под селедки. Бросал — и уходил прочь. «Медведь» был, вероятно, единственным посетителем рынка, который курил в указанном пожарниками месте и пользовался урной. Остальные дымили где угодно, и никто их не штрафовал.

Третий подручный Комуцубары сопровождал Пояркова до Хабаровска. «Познакомились» они при выходе на перрон. У Пояркова в руках был чемоданчик, у подручного Комуцубары — портфель. Он играл роль ответственного работника, отправляющегося в командировку на пару-тройку дней. Одет был в коричневое кожаное пальто и такого же цвета кожаную фуражку. Суетился, ругал железнодорожников за опоздание поезда, грозился позвонить куда-то и кому-то и все глядел на часы, серебряные часы, которые то и дело доставал из брючного кармашка, распахивая при этом полу своего кожаного пальто. Пола каждый раз солидно поскрипывала.

Сопровождающий Пояркову понравился. Роль у него получалась. А это не простое дело — хорошо играть роль. Но в один вагон они, однако, не попали, и Пояркову не довелось наслаждаться в полной мере искусством подручного Комуцубары. У Пояркова оказался мягкий, а у того жесткий плацкартный вагон. В Хабаровске они расстались, как расстаются обычно пассажиры поезда или парохода, — конец пути. Больше обладателя кожаного пальто Поярков не видел.

Совсем разные люди следили за Сунгарийцем и расставлены были так, что он все время попадал под их «обстрел». Это раздражало. Порой становилось просто невыносимо от этих настороженных, цепких взглядов. Они чудились всюду. Даже ночью, закрыв ставни, он, кажется, видел в щелях между досками чьи-то пытливые, неутомимые глаза.

«Мне не доверяют, — рассуждал утомленный постоянным контролем Поярков. — Каждый мой шаг взвешивается и оценивается. Даже самая безобидная вольность может быть истолкована превратно и побудить японцев изменить отношение ко мне. Поэтому каждый шаг, каждое слово обдумывай!»

Иногда возникало желание разом избавиться от чужого контроля. Убрать наблюдателей. Ведь это были враги, агенты японской секретной службы, их место за решеткой. Порой желание обрести свободу становилось настолько сильным, что он едва сдерживал порыв. Поярков клял агентов, грозился уничтожить их. И тем облегчал душу. И только! Убрать их было нельзя. Своим существованием они защищали Сунгарийца. Исчезни один из наблюдателей, и тень сразу падет на сахалинского резидента. Значит, выдал. Значит, связан с ГПУ. И предупреждение, сделанное Пояркову в фанзе Веселого Фына — «Я предпочитаю расстреливать тех, кто проявляет к нам недружелюбие...», — будет реализовано. Без выстрела, конечно. Где-то на темной улице наткнется Сунгариец на нож или стилет.

Но не в расправе дело. В конце концов, ее можно избежать, покинув Благовещенск. Главное, не станет японского резидента, оборвется операция «Большой Корреспондент» и вслед за ней контроперація, предпринятая органами государственной безопасности. Все оборвется. Вот что останавливало Пояркова от решительного шага. Наблюдатели должны были жить, ходить свободно по Благовещенску и Хабаровску, контролировать Сунгарийца и получать за это деньги. И вместе с ними сможет жить и действовать сам Сунгариец.

Четвертого дозорного Поярков обнаружил на пристани в то самое утро, когда собирался отплыть в Сахалин. Четвертый помогал матросам закатывать на палубу грузового катера бочки со смолой. Невысокого роста мужчина в зеленом брезентовом плаще с откинутым на спину капюшоном ничем внешне не проявлял своего интереса к пассажиру, он даже не поднимал головы, покрытой густой копной темно-каштановых, чуть примокших от дождя волос, спадавших густой прядью на лоб и глаза. Лишь когда Поярков прошел, он небрежным движением ладони смахнул прядь со лба и посмотрел вслед. Внимательно посмотрел, причем взгляд его задержался, и Поярков заметил это, оглянувшись в дверях каюты.

Сзади шел инспектор таможни. Четвертый принялся изучать его. Формы на инспекторе не было, вернее, она была под плащом, и следящему стоило немалого труда разобраться, кто

идет с Поярковым. Только когда инспектор, осмотрев груз и проверив документы, вернулся на берег, четвертый успокоился. Видимо, ему надо было сообщить в Сахалин, тянется ли за Поярковым «хвост» или нет. Вот только каким способом он собирался это сделать? Катер пересекает Амур за полчаса, а в такую погоду — дождь и туман — минут за пятьдесят или час ни на лодке, ни вплавь реку быстрее не одолеешь. Световой сигнал не применим, даже луч прожектора не пробьет густую мглу, павшую на Амур. Остаются условные знаки, расставленные на самом катере. Поярков осмотрел палубу, стены кают, рубку, бочки со смолой и ничего приметного не обнаружил. Не было условных знаков.

Четвертого Поярков позже не раз встречал в Благовещенске. Агент обычно провожал Сунгарийца долгим внимательным взглядом. А потом исчез. Как сквозь землю провалился. То ли ушел к своим на правый берег, то ли на этом кончил свой путь. Не мог подумать Борис Владимирович, что исчезновение четвертого связано с его, Сунгарийца, делом. Переправляясь через Амур в последнюю мартовскую метель, четвертый провалился под лед. Это в его сапоге нашли донесение о выходе Большого из игры.

Но это было позже. Сейчас, в дождливое утро, ни Поярков, ни четвертый не ведали будущего, и каждый был занят своим делом. Один устраивался в каюте, собираясь отдохнуть перед встречей с Сахалином, а другой следил за тем, чтобы эта встреча была безопасна для Сахалияна.

Больше получаса одолевал осеннюю ширь Амура грузовой катер. Он сигнализировал без конца, предупреждая идущие где-то в тумане пароходы и баржи, что фарватер занят и следует быть осторожными. Все эти полчаса Поярков, откинувшись на спинку скамьи, обдумывал предстоящую встречу с «друзьями отца», как он обозначил своих шефов из второго отдела штаба Квантунской армии. Он готовился к поединку, исход которого решал судьбу контроперации. Поверят японцы в существование Корреспондента или не поверят? Примут ли условия, которые от имени этого Корреспондента предложит им Сунгариец? Впрочем, первое и второе связано — если поверят, значит, примут. И еще думал Поярков о сюрпризах, приготовленных ему в Сахалине японцами. Без сюрпризов японская секретная служба перестанет быть секретной.

Сюрпризы начались сразу, как только Поярков ступил на берег.

Около штаба Маньчжурского гарнизона стояли два японца в плащах. Два — это чисто арифметическое определение. Увидел Поярков только одного: невысокого, кругленького, в очках с золотой оправой. Того самого японца с Цицикарской улицы, что заказал когда-то сапоги чжанцзолиновского фасона. Система неожиданностей работала безотказно.

Поярков хотел улыбнуться важному господину как старому знакомому, но сдержался, боясь раньше времени разоблачить себя. Японец мог оказаться вовсе не шефом секретной службы, на встречу с которым ехал Сунгариец, а всего-навсего случайным прохожим. Правда, он внимательно смотрел на пассажира с грузового катера, слишком внимательно, но любопытство, даже такое, подчеркнутое, не свидетельствует о принадлежности господина в плаще к ведомству, именуемому вторым отделом. Или это просто слежка? Обычная слежка. Частокол дозорных, который расставлен на всем пути Сунгарийца.

Почему-то вывод этот не напугал, не расстроил Пояркова. Ему сделалось даже весело. Наивными и смешными показались вдруг все ухищрения японцев, их стремление быть обязательно непонятными и загадочными. «Ну-ну, играйте! — поощрил их мысленно Поярков. — Любопытно, как получится у вас заключительная сцена спектакля в шесть тридцать?»

Ему тоже надо было играть. Уже сейчас. По сценарию он должен вынуть из кармана пачку папирос и попытаться закурить. Причем сделать это натурально, чтобы поверили в естественность совершаемого. Дома он, некурящий, долго репетировал и вроде бы достиг этой естественности. Особенно хорошо получалось постукивание мундштуком по крышке коробки. Артистично просто. С постукивания и начал Поярков; извлечение из кармана папирос нельзя считать игрой и тем более прологом представления, тут без репетиции все выходит как в жизни. Первую папиросу он сломал — по программе. Швырнул ее с раздражением в сторону, вынул вторую. Очередь дошла до зажигалки. Она почему-то долго не вспыхивала. Вот это уже не входило в сценарий. Кремень, что ли, отсырел или бензин испарился. Или слишком напористо Сунгариец крутил колесико? Наконец он закурил и, старательно дымя, направился к мосту, ведущему на Ван-Юан-лу. Маршрут соответствовал программе. Пояркову надо было пройти мимо зимней таможни и затем к отелю, где его ждал номер.

Японцы двинулись наперерез. Такой ход не предусматривался «расписанием». Японцы в «открытом виде» вообще не предусматривались. Неужели это случайные прохожие? Пояркову опять пришло в голову: не поздороваться ли с важным господином, обстоятельства такие, что поклон напрашивается как бы сам собой, — знакомы ведь. И снова не поздоровался. Разъездной агент Дальгосторга не знает шефа японской секретной службы и по логике не должен знать. У моста они разминутись. Поярков прошел вперед, через мост, по направлению к таможне, японцы свернули влево.

Весь день шел дождь. Мелкий, как пыль, и ужасно холодный. Город словно бы утонул в сырой мгле.

Выходить на улицу не хотелось, да и не было надобности

в этом. Если уготованы ему неожиданности, рассуждал Поярков, то они найдут его и в номере. Для секретной службы стены и двери — не препятствие. Время от времени он поглядывал на обитую черным дерматином дверь, ожидая, что она вот-вот распахнется и впустит «неожиданность», которая, само собой разумеется, будет иметь человеческий облик. Неожиданность, увы, оказалась более изобретательной, чем считал самоуверенный Поярков. Дверь не открылась до пяти часов, а ровно в пять консержка без стука, не прикасаясь к двери, позвала господина Пояркова к телефону.

Он поднялся с дивана, на котором лежа просматривал местные газеты, и пошел в вестибюль.

— Мистер Поярков? — услышал он в трубке.

— Да, Поярков.

— Вам заказан столик в международном ресторане на восемь часов вечера.

Это был мужской голос. Человек говорил по-русски, без акцента и очень любезно.

Пояркова подмывало спросить, кто заказал столик, но любопытство в данном случае могло нарушить чьи-то планы, возможно планы того же важного господина, оказавшегося в Сахалияне.

— Я не уверен, что буду свободен в восемь часов вечера...

— Столик подождет вас до закрытия ресторана.

Событие несколько развлекло Пояркова, и он уже без тревоги и душевной настороженности, которая обычно мучает перед важным шагом, стал ждать назначенных шести тридцати по токийскому времени. Вернувшись в номер, он разрешил себе полежать еще на диване с полчаса, потом не торопясь оделся и ровно в шесть покинул гостиницу.

По странному совпадению и встреча и ужин были назначены в одном и том же месте, в международном отеле: ужин — на первом этаже, встреча — на втором. Возможно, это не было совпадением.

В вестибюле, снимая пальто и передавая его слуге при гардеробе, Поярков на всякий случай глянул через стеклянную дверь в зал ресторана: не окажется ли там человек, заказавший для него столик на восемь вечера? Знакомый, возможно, человек. Зал был пустым или почти пустым, и ни один из ужинавших не показался Пояркову знакомым.

Встреча назначалась в сорок второй комнате. Поярков поднялся на второй этаж, подошел к двери с номером сорок два и постучал. Было как раз шесть тридцать...

За дверью раздалось тихое и спокойное:

— Войдите!

Голос не Комуцубары. У того густой высокий баритон с приятным рокотом на низких нотах. А это что-то мягкое, даже женственное. Кто же?

Поярков распахнул дверь.

Важный господин! Заказчик с Цицикарской улицы. Тот самый полноватый мужчина с маленькими подслеповатыми глазками и любезной улыбкой на тонких синих губах.

— Мистер Поярков! — протянул руки важный господин, однако не поднялся с кресла, в котором уютно покоилось его небольшое, но тяжеловатое тело.

— Сунгариец! — поправил важного господина Поярков.

— Ах, да... Вы теперь Сунгариец... Все меняется, как меняемся и мы сами...

Это было условное, и они поняли друг друга.

Поярков закрыл дверь, по-хозяйски зашелкнув задвижку замка и проверив, надежен ли он.

— Да, все меняется, — повторил несколько озадаченный смелостью гостя важный господин. — Вас трудно узнать...

«То-то, — с усмешкой отметил про себя Поярков. — С вами церемониться особенно нечего... Следует иногда даже щелкнуть по носу».

— А я вас узнал сразу там, на пристани...

— На это мы и рассчитывали, — кивнул важный господин. — У вас хорошая память.

— Благодарю! При нашей с вами профессии, — Поярков прибег к изречению человека в сером, того самого пресловутого господина Ли, произнесенному в свое время в ресторане «Бомонд», — необходимо иметь хорошую память... И всё же мне надо знать, с кем имею честь. Я — двести сорок третий! Вы?

Важный господин поправил очки. Это выдало его нервозность.

— Полковник Янагита Гендзо... — выдавил он из себя. — Заместитель начальника второго отдела штаба Квантунской армии. — Должность свою он преподнес торжественно, подчеркивая значение встречи.

Поярков отодвинул кресло от стола и сел, так же как полковник, откинувшись на спинку и заложив ногу за ногу.

— Поймите, господин полковник, истинную причину моего любопытства, — объяснил Поярков. — Я мог бы обойтись без представления, в конечном счете звание не играет никакой роли, но мне необходимо знать, кто уполномочен решать вопрос, касающийся успеха всей операции: будет ли у штаба Квантунской армии Корреспондент в Хабаровске или не будет? И могу ли я представлять его здесь?

— Вы очень точно все определили, мистер Поярков, — одобрительно закивал полковник. — И вопрос ваш уместен. Решить судьбу операции поручено мне...

— Очень приятно.

Полковник поправил очки — это свидетельствовало уже не только о волнении. Чувство гордости наполнило Янагиту.

— Познакомьте меня, пожалуйста, с Корреспондентом! Надеюсь, вы помните, что он условно назван нами Большим Кор-

респондентом?— Посмотрев внимательно и со значением на Пояркова, полковник повторил: — Большим Корреспондентом...

— Не только помню. Для меня это было ориентиром при поисках человека в Хабаровске.

— И? — подтолкнул Пояркова полковник.

— Он оказался в самом деле Большим Корреспондентом. Не символ, а уже реальность. Назвать его должность, увы, нельзя, таковы условия. Но он стоит очень близко к тайнам штаба ОКДВА. Очень близко...

Невольно полковник потянулся к Пояркову, словно тот снизил тон и что-то чрезвычайно важное можно было не услышать.

— Через него проходят секретные документы?

— Только через него.

— О-о!

Янагита получил то, что ожидал, и, успокоенный, расслабленно откинулся снова на спинку кресла и прикрыл веки. Наступила пауза, которую можно было посвятить своим мыслям, приятным, надо полагать, мыслям, потому что лицо его посветлело и тонкие губы изогнулись в легкой улыбке.

Поярков дал возможность полковнику насладиться радостью победы. Это была, конечно, победа, и его, Янагиты, прежде всего. Не случайно же он приехал в Сахалин на встречу с благовещенским резидентом.

— Но он их пока держит в сейфе, — прервал ход радужных мыслей полковника Поярков.

Без особого желания Янагита откликнулся на сигнал собеседника. Но откликнулся:

— Условия?

— Прежде всего строжайшая конспирация с нашей стороны.

— Штаба Квантунской армии? — уточнил Янагита.

— Всей системы, начиная от доверенного лица...

— И кончая?

— Военными миссиями и штабами...

— Даже генерального? — поднял глаза полковник.

— Даже генерального... Корреспондент, если он станет корреспондентом, должен оставаться неизвестным. Только кличка и номер в случае необходимости.

— Что ж... — задумался Янагита. — Это, пожалуй, закономерно. Господин из штаба можно понять, он заботится о своей репутации.

— Второе, — продолжал Поярков, — он хочет, чтобы его сотрудничество поощрялось не постоянным денежным вознаграждением, а единовременными платами. За каждый шаг...

Янагита собрал на переносице складки, желая сосредоточиться и уяснить для себя мысль резидента:

— Какой шаг?

— Усилие, отмеченное эффективным результатом.

— То есть информацией, так я понял?

— Да.

— И как же он будет их оценивать? — поинтересовался несколько озадаченный Янагита. Разговор коснулся денег, и это щекотало нервы. — По мнению Корреспондента, информация стоит пятьсот рублей, а для нас — не более сотни...

Поярков безразлично скривил губы:

— О сотнях вообще разговора нет.

— Как? — вытянул настороженно голову Янагита.

— Тысячи, только тысячи.

Маленькие колющие глазки Янагиты беспокойно забегали.

— Почему только тысячи?

— Да потому что дело идет о сообщениях чрезвычайной важности. Ради таких сообщений и шел поиск Корреспондента в ОКДВА.

— Конечно, конечно, но оценка стоимости должна быть объективной.

— Господин полковник, я приехал сюда не для того, чтобы торговаться. Мне поручено передать условия, условия же таковы, что их примет любая разведка — английская, немецкая или американская. Англичане весьма интересуются военным потенциалом советского Дальнего Востока. Весьма... Сейчас они обеспокоены созданием так называемого колхозного корпуса.

— Как вы сказали?

— Колхозного корпуса. Мероприятие, связанное с привлечением сельского населения к обороне Приамурья.

— Постойте! Что-то упоминалось об этом в немецкой прессе. Какие-то военные занятия в пограничных селах...

— Немцы не поняли сути дела. Военные занятия проводятся постоянно, и газеты полны сообщений подобного рода. Тут никакой тайны нет. Немецкая пресса своей информацией лишь заострила внимание, но не ответила на вопрос, что же происходит на самом деле.

Янагита навалился грудью на стол и изменившимся вдруг голосом спросил:

— А что же происходит на самом деле? У вас есть какие-нибудь данные об этом корпусе?

Поярков полез во внутренний карман пиджака и под пристальным взглядом Янагиты извлек оттуда листок бумаги с человеческую ладонь.

— Только общего порядка.

Полковник выдернул из рук Пояркова бумажку и стал торпливо читать.

— Но здесь — голый факт. Принятые решения о создании корпуса. А остальное? Где остальное?

Поярков протянул руку, чтобы вернуть бумажку:

— Остальное в Хабаровске... В сейфе, господин полковник.

— У Большого Корреспондента? — понял Янагита. — За это уже заплачено?

— Что вы! Тут лишь характеристика одного из документов, способных нас заинтересовать. Сам документ засекречен.

— Есть еще характеристики?

— Словесные, господин полковник.

— Он умный человек, этот Корреспондент, — заметил Янагита и почему-то пристально посмотрел на Пояркова. — Очень умный. И хитрый.

— Просто осторожный, господин полковник.

— Не слишком ли?

— Он рискует жизнью.

Взгляд Янагиты еще некоторое время держался на лице Пояркова, но это был уже спокойный взгляд, без настороженности. Что-то уяснил для себя полковник и от чего-то отказался. От подозрения, должно быть. Он, кажется, поверил Пояркову.

— И как же высоко он ценит свою жизнь? — спросил Янагита.

Вызов, прозвучавший в вопросе полковника, не коснулся Пояркова. Он попросту отбросил его. Нужно было говорить о главном.

— Колхозный корпус — частица большой перестройки всей обороны левобережья, — вернулся к сказанному ранее Поярков. — Если мы остановимся на частном, оно обойдется нам недорого. В какую-нибудь тысячу или полторы тысячи рублей.

— Полторы тысячи! — оробел Янагита.

— Когда меня бросали на ту сторону, подчеркиваю, бросали, я получил заверение: денег будет столько, сколько нужно для дела... Я думал, что у секретной службы они есть!

Поярков вроде бы усомнился в возможностях японской разведки и тем обидел ее и самого Янагиту.

— Действительно есть!

— Но вы не уполномочены ими распоряжаться!

Янагита вспыхнул:

— Вы разрешаете себе слишком многое, господин Поярков.

— У меня на это есть право. Я сделал то, что секретная служба не могла сделать за пятнадцать лет. Сделал почти невозможное...

Рука Янагиты предостерегающе поднялась.

— Мы участвовали в этом.

— Каким образом?

— Обеспечили ваш выход к цели. Прикрыли Сунгарийца тридцатью жизнями...

Это прозвучало на высокой ноте. И она была оттенена укором и обидой, словно сам Янагита жертвовал собой.

— Их могло быть больше!

Резким движением Поярков стянул галстук и расстегнул

сорочку. На левом плече краснел след недавно затянувшейся пулевой раны.

— Как? — смутился Янагита. — В вас стреляли?

— Стреляют во всех, кто переходит рубеж с оружием в руках. У меня был наган.

Сочувствие и даже скорбь отразились на лице Янагиты. Он покачал, словно заводной идол, небольшой лысеющей головкой и сказал грустно:

— Секретной службе не было ничего известно... Ничего не было известно. Вы заслуживаете вознаграждения. Я доложу...

Поярков застегнул сорочку и вернул на прежнее место галстук.

— Разве в этом дело... — Он был обижен и не скрыл своего чувства: — За деньги под пули не идут... во всяком случае, офицеры.

— О, мы понимаем это... И все же вы имеете право на вознаграждение.

— Не обо мне речь, господин полковник. То, что достигнуто, не должно быть потеряно.

— Да-да-да... — снова, как заводной идол, покачал головой Янагита.

Пояркова осенила мысль: Янагита сомневается в существовании Корреспондента! Японская секретная служба сомневается. Слишком легко, видно, пройден последний этап — от Благовещенска до Хабаровска. Ведь они, японцы, не раз шли по этому пути и не доходили до цели. А этот Сунгариец пробежал его за какой-нибудь месяц. Даже месяца не прошло.

Пользуясь тем, что Янагита забыл о листке с донесением, выпустил его из рук и тот покоем безмятежно на столе, Поярков накрыл его ладонью и потянул к себе:

— Корреспондент еще не начал работать...

На пути листок перехватил Янагита и вцепился в него пальцами. Короткими и крепкими.

— Разве мистер Поярков не вручил Корреспонденту аванс, те три тысячи, что получил от нас в Харбине?

— Корреспондент себя не продает, я же предупредил вас. Мы оплачиваем только информации. Полные сведения о колхозном корпусе оценены в тысячу пятьсот рублей. Приказ о предстоящей передислокации войск на территории края и насыщенности их огневыми средствами — десять тысяч...

— ...рублей, — закончил чужую фразу Янагита.

— Нет. Исчисление идет в золоте и иностранной валюте. Фунты и доллары, менее желательны франки и марки... Лiry вообще отпадают.

— Корреспондент — коммерческий человек, — иронически заметил Янагита.

— Деловой человек, — поправил полковника Поярков. — Он знает, что хорошая погода не постоянна. Даже чистое небо заволакивают когда-то тучи.

— Есть основания ожидать изменения погоды? — насторожился Янагита.

— Для него — да!

— Значит, он наш человек?

— наших людей, господин полковник, там уже нет, если иметь в виду убеждения. И ради идеи никто не станет служить нам. Но есть любящие деньги. Это немногие, на кого мы можем рассчитывать. Таков наш Корреспондент. Но он с таким же успехом может стать английским или американским Корреспондентом — все зависит от условий. Интерес к Дальнему Востоку велик...

— Дальним Востоком интересуются сорок восемь стран, — таинственно изрек Янагита, — но не все так близко стоят к нему...

— Дальность расстояния не мешает им быть решительными!

— Вы правы, мистер Поярков, на Дальнем Востоке столкнулись великие силы. И одна из них должна выйти победительницей.

Лысеющая головка заводного идола поднялась, насколько это позволила короткая шея Янагиты, и застыла торжественно. Полуприкрытые глаза смотрели в далекое, неведомое и недоступное Пояркову, и он мог только предполагать, что это далекое рисует полковнику ту самую великую силу, которая мысленно уже победила. Янагита был, кажется, искренним в своих чувствах сейчас, верил в то, что говорил и к чему стремился. Остальное для него вроде бы не существовало.

— Без помощи Корреспондента победить будет трудно — попытался вернуть полковника к земным делам Поярков.

Вернуть Янагиту к земным делам было, однако, не так-то просто. Он не возвращался. Не хотел возвращаться.

Из своего далека он холодно и равнодушно ответил:

— Корреспондента прежде надо иметь.

«Сделка не состоялась, — понял Поярков. — Японцы выудили у меня все, что связано с вербовкой Корреспондента, и пресекли операцию. Во всяком случае, остановили... Вроде бы споткнулись на деньгах. Три раза я начинал говорить об оплате, и три раза полковник уклонился от ответа. С удивительной последовательностью уклонился...»

Надо было принимать какие-то меры. Решительные меры.

Поярков рванул из рук полковника донесение. Почему-то этот ничтожный клочок бумаги казался ему символом борьбы за Корреспондента.

Янагита должен был удержать бумагу, а он, к изумлению и даже ужасу Пояркова, отпустил ее. Листок упал на стол.

— Нам очень нужен Корреспондент, — сказал Янагита, будто листок с донесением не имел никакого отношения к Корреспонденту и не представлял собой разведывательной ценности. Будто разговор весь вечер велся совсем о других вещах.

Полковник поднялся из своего уютного, глубокого кресла, лениво и неторопливо поднялся, и протянул Пояркову руку.

— Я доложу о ране на вашем плече... Вы заслуживаете вознаграждения.

Пояркову ничего не оставалось, как тоже подняться.

— Благодарю, господин полковник!

«Что же происходит? — поежился от неприятного холодка между лопатками Поярков. — Что?»

— Спокойной ночи, мистер Поярков!

— Спокойной ночи...

По лестнице Поярков спускался полный самых невероятных предположений и сомнений. Еще несколько дней назад, да что дней, нынче утром он был уверен, что знает японскую разведку, видит ясно схему, по которой она действует, понимает, на чем основан прием неожиданности. И все же просчитался. Японцы снова сбили его с ног. Без опоры он летел куда-то в неизвестность. И полет был не безмятежным. Страшноватым был полет.

И еще этот столик в ресторане в восемь вечера. Кому и зачем понадобился ужин? Очередная загадка. Неужели Янагита решил продолжить разговор за бутылкой вина? Глупо! Видимо, все же Комуцубара хочет встретиться с Сунгарийцем. Двойная игра. Это тоже в стиле японской разведки. Вторая схватка, и надо хотя бы из нее выйти без поражения.

Часы показывали восемь пятнадцать.

Поярков отворил дверь ресторана и оказался в зале, наполненном до отказа. Все столики были заняты. Все до одного.

Смущение охватило Пояркова: где его место? Задерживаться у входа и оглядывать растерянно зал, значит, поставить себя сразу в смешное положение. На это, возможно, и рассчитывали те, кто позвонил по телефону и пригласил в ресторан. Пошутить! И теперь поглядывают из углов и смеются.

Повернуть тоже нельзя. Хотя подобный шаг вполне допустим. Нет места, пойду искать столик в другом веселом заведении Сахалина, благо их здесь больше, чем бездомных собак. Если это начало поединка, отступать нельзя. Надо принимать вызов. Поярков направился по проходу прямо на большую пальму, стоявшую в центре зала.

То ли его выручила интуиция, то ли спасла случайность — за пальмой оказался свободный столик. Единственный в ресторане, а может быть, и во всем Сахалине. Он ждал Пояркова. Кого еще мог ждать в восемь часов вечера? Так сказали по телефону.

Под завистливые взгляды посетителей он опустился на стул и один-одинешенек стал царствовать под сенью пальмы.

Стол был сервирован на одно лицо. Один прибор, одна рюмка, один фужер. «Что это означает? — задумался Поярков. — Программа вечера с единственным исполнителем!» Возможно, где-то существовал другой столик, предназначенный для него и Комуцубары. Кто-то же хотел встретиться с Сунгарийцем в международном ресторане. Так устраиваются только встречи.

Он оглядел зал, внимательно оглядел, и не нашел второго свободного столика.

«М-да! Фантазия японцев неиссякаема. Еще одна неожиданность, причем довольно забавная. Что ж, примем ее как проявление заботы о левобережном агенте. Возможно, это входит в расписание моих гастролей по Маньчжурии. Вечер отдыха. Надеюсь, на этом сегодня поставим точку».

Увы, точку поставить не удалось. Сзади подошел кто-то и, наклонившись к самому уху Пояркова, сказал:

— Добрый вечер!

— А?!

Не надо было оглядываться. Он узнал голос Кати.

— Добрый вечер... — Спокойно, нет, он не мог ответить спокойно, только попытался это сделать. И не получилось. Она услышала его волнение.

— С приездом...

Катя обошла столик, и Поярков увидел ее:

— Люба!

Она засмеялась. Она была взволнованна, как и он, и волнение это жило в ней с того самого момента, когда узнала о его появлении в Сахалине. Широко открытыми глазами она смотрела сейчас на него и что-то говорила, говорила. И это были не слова. Разве слова способны передать то, что чувствовалось и думалось.

В руках у нее была записная книжечка и карандаш для внесения заказа, но это была просто книжечка, в которую она ничего не собиралась записывать, так же как и он не собирался ничего заказывать. Они разговаривали. Молча разговаривали, а все вокруг считали, что он думает, а она ждет. Катя все-таки что-то чиркнула или сделала вид, что чиркает. Потом кивнула и сказала очень тихо:

— За вами следят... Третий стол справа от двери.

— Кто?

— Человек Янагиты.

Она не имела права выдавать тайну, а он не имел права принимать ее. Оба — агенты разведки. Но к ним теперь это не относилось. Запрет снимался чувством.

— Оставляйтесь здесь до закрытия ресторана...

Поярков взял карточку с перечнем блюд и стал изучать ее. Он знал, что Катя уже позаботилась обо всем и заказывать ничего не надо, но изобразить заботу о собственном желудке необходимо. И он стал старательно играть роль скучного и привередливого посетителя, которому никак не угодишь и который,

прежде чем остановиться на каком-либо блюде или марке вина, раз десять перевернет карточку, раз пять положит ее на стол и только потом со вздохом скажет: «Опять ничего нового. Может быть, приготовите осетрину на вертеле? А? Есть у вас свежая осетрина? Есть! Так пусть повар замаринует ее. Я подожду...»

Ничего подобного Поярков не сказал, но в программу размышления это входило и по времени заняло именно столько минут, сколько тратит на изучение меню скучный и привередливый посетитель. Они переговаривались взглядами и испытывали удовольствие от того, что видят друг друга.

Катя наконец «получила» заказ и ушла, а Поярков остался под своей пальмой и, пользуясь правом одинокого посетителя, принялся изучать соседние столики. Близкие столики его, естественно, не интересовали — это были просто ступеньки, по которым он добирался до ряда, вытянувшегося вправо от двенадцати, где должен был сидеть человек, следящий за Сунгарийцем. Любопытно, кого еще приставили к благовещенскому резиденту?

Ба! За третьим столиком устроился тот самый японец, что утром вместе с Янагитой встречал на пристани Пояркова — щупленький, подвижный молодой человек с очень внимательными глазами. Бедняга старательно закрывал себя, боясь быть узнанным. Не совсем приятная обязанность — вести наблюдение в ресторане. Все веселятся, а ты трудись, да еще прячься. Поярков отвел от него взгляд. Пусть японец думает, что не замечен, и спокойно ужинает. Ему сегодня долго придется торчать тут.

Катя принесла вино. Стала откупоривать бутылку. И опять смотрела и смотрела на Пояркова.

— Один глоток за меня, — сказала она и улыбнулась, грустно как-то улыбнулась.

— Все за тебя! — с чувством ответил Поярков.

Она подождала, пока он допьет, и шепнула:

— Уйдете последним...

— А ты?

— Буду на перекрестке Ин-Юан-лу.

Более опрометчивый и рискованный шаг трудно было себе представить: под контролем военной миссии и второго отдела штаба они устроили свидание. Как юноша и девушка, как два свободных существа, ни с кем не связанных, ни от кого не зависящих. Встретились на углу Ин-Юан-лу и пошли вниз к Амуру.

Посыльный Янагиты, капитан Сигэки Мори, шел следом до самого берега, удивляясь наивности людей, способных в холодный осенний дождь брести по ночному Сахалину; не думая об опасности и последствиях.

Верно, они не думали об опасности. Ни о чем вообще не думали. Просто судьба подарила им вечер, суровая и капризная судьба, и не принять этот дар они не могли.

— За нами идут, — сказала Катя, когда темная измокшая Ин-Юан-лу приняла их и повела к берегу.

— Пусть, — ответил Поярков.

Упрямо, с обреченностью какой-то ответил, и эта обреченность передалась Кате. Она взяла его под руку и заслонила себя и его зонтом. Не только от дождя, от всего...

— Как ты оказалась в Сахалине? — спросил Поярков, когда они миновали японское консульство и впереди засветлели огни набережной.

— Меня перевел сюда Комуцубара.

— Только тебя?

— Многих. Здесь горячее место теперь.

— Многих — все равно что никого. Главное, ты здесь. Это удача, что ли? Или рок?

— Не знаю...

Они вышли к берегу. Тут было пустынно и еще более неуютно, чем на Ин-Юан-лу. Ветер, знобкий северный ветер разгуливал по набережной и сыпал тучи мелких колючих брызг.

Человек Янагиты побоялся ветра и укрылся в подъезде золотопромышленной компании. А Катя и Поярков пересекли набережную и сели на скамейке под голой мокрой осиной.

— Бедный капитан Сигэки! — пожалела следящего Катя. — Досталось же ему задание нынче.

— Да, не позавидуешь, — оглянулся на темный подъезд Поярков.

— Ушел бы, глупый, — поежилась Катя, будто вместе с Сигэки мокла под дождем.

— Уйдет, — заверил Поярков.

— Вместе с вами.

— Что ж, тогда ему долго придется мокнуть.

— Вы не собираетесь возвращаться в гостиницу? — с наивной простотой спросила Катя.

— Я не собираюсь отпускать тебя.

— А если я умру здесь от холода и дождя?

— Не умрешь. У Амура тебе не суждено умереть... Рядом наш берег. — Он посмотрел в темноту, где шумно катилась под ветром волна: — Видишь?

Катя улыбнулась, догадываясь, о чем он говорит:

— Чувствую...

— Хорошо, что ты теперь близко к Амуру. Днем наш берег как на ладони.

— Больно...

— Почему же?

— Близко слишком. Зовет вроде... Так бы и пошла, кажется, по Амуру...

— Пойди!

— А кто здесь останется? Кто вас оберегать будет?

Он недоуменно скосил глаза в ее сторону. Ему почудился какой-то намек.

— Меня побережет вот тот капитан Сигэки.

— Если бы вас мог сберечь капитан Сигэки, то не понадобилась бы я...

— Ты?! — Это был уже не намек. Что-то важное открывала Катя. — Между прочим, откуда ты узнала о моем приезде в Сахалян?

— Оттуда, откуда и вы...

— Постой, постой... Тут что-то непонятное. Я узнал о своей командировке от нескольких лиц.

Катя засмеялась:

— Не от нескольких, а от одного лица.

Он напугался. И было от чего напугаться. Здесь знали, выходит, все, что творилось на левом берегу.

— Меня вызвал Комуцубара... — повел Катю в сторону от тайны Поярков.

— Вызвал, но не послал.

— Перестань! Это не так уж смешно.

— Конечно, не смешно. Все очень серьезно, главное, рискованно. Товарищ Семен это учитывал...

Он отшатнулся от Кати. Раскрыт! Полностью раскрыт!

— Какой Семен?

Катя положила руку на плечо Пояркова и, как когда-то, тронула кончики его волнистых волос:

— Товарищ Семен поручил мне и побережь вас, Борис Владимирович.

— Так ты?!

Она вздохнула облегченно:

— Я...

Он обнял ее и стал целовать. Целовать от радости, от счастья, которое охватило его. Рухнула какая-то преграда, высокая, непроходимая, страшная. Рухнула вдруг. И все стало светло, хорошо, неповторимо хорошо.

— Люба... Люба...

Утром Янагита потребовал от Пояркова расписку на пятнадцать тысяч долларов.

Это было утверждение кандидатуры Корреспондента и согласие на оплату информации. Только почему пятнадцать тысяч? Разговор шел о десяти. Или второй отдел приплюсовал сюда вознаграждение за рану, полученную Сунгарийцем при переходе границы?

Янагита ничего не объяснил. Он вообще произнес всего три слова:

— Деньги получите в Благовещенске.

Надо было еще проститься с Катей. Не повидав ее, он не мог уехать. Теперь не мог.

Они как бы случайно встретились на почте. Катя писала кому-то письмо, пристроившись на краю длинного, с перегородками стола. Поярков вошел, взял в окошке бланк телеграммы и, отыскивая место, где бы можно было набросать небольшой текст делового сообщения Дальгосторгу, увидел свободный стул рядом с «незнакомой» женщиной. Конечно, он воспользовался им. Сел и принялся сочинять телеграмму.

Катя еще утром составила свое письмо и теперь ждала момента, чтобы передать послание адресату. Когда Поярков оказался рядом, она сдвинула листок вправо и дала соседу возможность прочесть первую строчку. Собственно, все письмо состояло из одной строчки, другие только предполагались, и для них было оставлено место — целая страница.

«Ни о чем не тревожься. Он (читай Янагита) лишь пугает. Это тактика».

Поярков прочел и вписал ответ:

«Догадался. О нем не надо. О себе...»

Она:

«Что о себе?»

Он:

«Все!»

Потом заговорили торопливо, перебивая друг друга. На листке, конечно.

«Грустно...»

«Мне — тоже. Думай о будущем!»

«Боюсь».

«Не смей! Ты ведь сильная».

«Люблю, потому страшно... Я не одна теперь».

«Обо мне не беспокойся. Береги себя. Всегда. Каждую минуту».

«Боже мой, если бы я знала, что будет так трудно!»

«Нам всегда трудно».

«Тебе легко. Ты через час будешь дома. А я?»

«И ты... Только немножко позже».

«Кажется, это последняя минута...»

«Их будет много-много».

«Где?»

«Там. На нашем берегу...»

Она покачала головой.

«Скажи что-нибудь! Хочу слышать твой голос».

Он прошептал:

— Люба...

Она положила руку на его ладонь и пожала ее.

— Прощай!

— Не смей так!

— Все-таки прощай. Возьми этот листок на память.

— Не могу...

— Тогда брось в Амур.

Он встал. Лицо его было бледным. Ужасно бледным, и губы дрожали.

Катя поняла, что он уходит, что время истекло. Их время. А казалось, что его так много. Вечность.

— Ах, да... Прочти это. Потом.

Она открыла сумочку, достала сложенный вчетверо, а может, и больше листочек, отдала его Пояркову:

— Только уничтожь! Обязательно уничтожь...

Несколько печальных слов о Веселом Фыне

В каюте он развернул листок.

«В. Ф. повесился у себя в фанзе. Говорят, он работал на китайцев. Может быть!»

На робком огне зажигалки клочок горел долго. Очень долго. Поярков успел подумать о судьбе разведчика, которому уготован печальный конец за каждым поворотом. Он знает об этом и все же идет. Сворачивает и снова идет. И иногда, лишь иногда доходит до цели.

Еще подумалось о японце, который сказал в фанзе Веселого Фына: «Я предпочитаю расстреливать тех, кто проявляет к нам недружелюбие...»

Фыну было суждено принять этот приговор.

УБЕДИТЕ МЕНЯ, ЧТО БОЛЬШОЙ КОРРЕСПОНДЕНТ СУЩЕСТВУЕТ!

Нужен был портрет Корреспондента. Того самого Корреспондента, которого называли Большим.

Если появился на свет человек и не только появился, но и сказал уже что-то, обратил на себя внимание собственным существованием, возникает желание, даже потребность настоящая лицезреть его. Каков он?

Сотворяя Большого Корреспондента, как-то не подумали о естественном желании японцев увидеть его. Взглянуть в лицо. Просто взглянуть, а потом отметить для себя: «Глаза у него, оказывается, синие! И с раскосинкой. Или нет, не с раскосинкой. Миндалевидные! И нос широкий. Смешной нос. Губы полные, с наивной складкой в уголках. Простачок. Хотя простачок не совершит такого смелого и рискованного шага. Тут натура волевая, со склонностью к авантюре. Следовательно, на портрете губы тонкие, плотно сжатые. Их даже не видно, едва приметная линия. И нос неширокий. Точеный, с горбинкой. Подбородок острый, выступающий вперед.

А может быть, ни то ни другое. Третье! Неожиданное, отступающее от стандарта, способное удивить или разочаровать».

Портрет рисовали в Сахалине, Харбине, Токио, всюду, где «появлялся» невидимый Корреспондент из Хабаровска. Информации его были точными, оперативными. Они понуждали к немедленным действиям. Ответным действиям на поведение командования Дальневосточной армии.

Вот эта-то необходимость ответных действий и была причиной всевозрастающего любопытства к личности Корреспондента. Прежде чем менять уже привычное, понятное, ставшее программой, законом в какой-то мере, на новое, неожиданное и непривычное, надо быть уверенным, что оно исходит от высокого авторитета. Мало назвать Корреспондента Большим. Он должен быть действительно большим по своему положению. И эту величину надо ощущать.

А пока — только идея. Символ!

Секретная служба начертила иероглиф, всего лишь иероглиф. Ни должности, ни звания, ни фамилии.

— Убедите меня, — сказал начальник генерального штаба, — что передо мной не ГПУ, а один из офицеров армейского центра. Убедите!

А информации поступали. И были они для штаба Квантунской армии весьма тревожными. Требовали отклика. Несмотря на явную настороженность отдельных офицеров, командующий армией принимал донесения к сведению и как-то отвечал на сигналы хабаровского Корреспондента. Тем более что оперативная разведка подтверждала перестройку обороны на левом берегу. С самолетов, с военных катеров и наземных наблюдательных пунктов фиксировалось движение частей вдоль пограничной полосы. Было бы просто глупо не реагировать на сообщения из Хабаровска. Хоть как-то реагировать.

Инициативу квантунского командования генеральный штаб не пресекал, но и не санкционировал ее, считая, что такая санкция формально освободит командующего от выполнения секретного приказа о подготовке к будущим операциям в северном направлении по строго разработанной схеме.

25 февраля начальник штаба Квантунской армии Итагаки Сейсиро зашифрованной телеграммой потребовал от Токио разрешения на передислокацию частей северо-западной линии в связи с новыми донесениями из Хабаровска.

Это было неудачное число для запроса. Неудачное по той простой причине, что он совпал с началом мятежа «молодых офицеров» в Токио. Требование свободы действий для Квантунской армии звучало в унисон с требованием организации «Кодоха» о дальнейшем развертывании агрессии на материке. Ничего общего между Итагаки Сейсиро и «молодыми офицерами» не было, но желание активных действий оказалось единым. Телеграмма пришла ночью, а мятеж вспыхнул утром.

Почти полторы тысячи солдат и младших офицеров 1-го и 3-го полков первой дивизии и весь 3-й полк гвардейской дивизии совершили налет на резиденцию премьер-министра, министра финансов, министра внутренних дел, министра двора, генерал-инспектора военного обучения. В течение какого-то часа была осуществлена расправа над рядом государственных деятелей. Был убит лорд-хранитель печати Минору Сайто, министр финансов Рорэкиё Такахаси, генерал-инспектор военного обучения Дзётаро Ватанабэ, тяжело ранен министр двора Иоситаро Судзуки. Смерть ждала и премьер-министра Хираюки Окада, но, предупрежденный кем-то, он скрылся. В руках мятежников оказалось полицейское управление и редакция газеты «Асахи». Начался штурм военного министерства и генерального штаба. Того самого генерального штаба, где находилась поступившая ночью телеграмма Итагаки Сейсиро.

У стен генштаба выкрикивались лозунги: «Назначить генерала Мадзаки главнокомандующим Квантунской армией!» И главный лозунг: «Уничтожить Советский Союз!» Мятежники словно знали, что в кабинетах штаба как раз разрабатывался, а точнее, находился в стадии утверждения план большого наступления на Север. Автором плана был не кто иной, как начальник второго отдела генштаба Кандзи Исихара. Смерть от рук мятежников была бы величайшей нелепостью для Кандзи Исихары, ведь он воплощал в схему тактических действий на континенте лозунг «молодых офицеров».

Пуля, наверное, и не коснулась бы начальника второго отдела. В критический момент он заслонился бы объемистой папкой с планом войны против Советского Союза. Символическим, конечно. Так, собственно, он и поступил позже, отвергая кандидатуру на пост премьер-министра Угаки, поскольку тот «срывал стратегию империи» в решении северной проблемы. Кандзи Исихара был ярый сторонник фашизации страны и перевода всей экономики Японии на рельсы подготовки к войне.

Мятеж подавили, и к вечеру 29 февраля в Токио воцарилось спокойствие. Солдаты вернулись в казармы, руководителей мятежа подвергли аресту для последующего предания суду военного трибунала. Военное министерство и генеральный штаб смогли вернуться к своим обычным делам. И эти дела были не чем иным, как продолжением программы «молодых офицеров» — расширение агрессии на континенте. Случайно или не случайно, но удары мятежников не коснулись генерального штаба и военного министерства. Наверное, не случайно. Полковник Кандзи Исихара еще 28 февраля днем послал ответную телеграмму начальнику штаба Квантунской армии Итагаки Сейсиро и вызвал его и полковника Янагиту Гендзо на 5 марта в Токио.

Докладывал Янагита.

В кабинете начальника второго отдела кроме Кандзи Исихары было несколько высших офицеров разведывательной службы, в том числе Доихара Кендзи. Доихара своим пристальным взглядом, не то изучающим, не то осуждающим, давил Янагиту, мешал говорить. Они были едва знакомы, и Янагита за то время, что выделила им судьба, столкнув в Харбине, не успел разобраться в Лоуренсе-2, разгадать его. Знал только, что тот груб и бесцеремонен, категоричен в суждениях. Категоричности больше всего боялся сейчас Янагита. Дело, о котором он докладывал, было, по его глубокому убеждению, тонким и требовало осторожного подхода. Хорошо, если Доихара лишь изучает человека, который идет по его следу, как бы повторяет путь Лоуренса-2. А если осуждает? Вся затея с перестановкой сил, предпринятая Итагаки Сейсиро, полетит к черту. Доихара опытный разведчик, он легко обнаружит слабость аргументации Янагиты. Главное, беспочвенность всего сооружения, именуемого «Большим Корреспондентом».

Остальные слушали доклад со вниманием и даже интересом. Выход разведки на офицера штаба Дальневосточной армии явление необычное, открывающее соблазнительные перспективы для секретной службы и, главное, для стратегов «северной войны». Уже по ходу доклада возникали смелые мысли и захваты-вающие дух идеи. Внимательно слушал полковника Янагиту и инициатор совещания начальник второго отдела Кандзи Исихара. Взгляд его не был таким пристальным и изучающим, как у Доихары. Начальнику второго отдела не было надобности изучать Янагиту, он хорошо знал его. Факты, приводимые в докладе, прошли уже через второй отдел, так что ни доклад, ни сам Янагита не несли для Кандзи Исихары ничего нового. Ему хотелось просто взглянуть на послания из Хабаровска да и на самого автора этих посланий, Большого Корреспондента, глазами Янагиты, человека, непосредственно осуществляющего разведывательную акцию. Верит ли во все это полковник? Убежден ли? Информации содержат ценнейшие сведения о состоянии обороны советского Приамурья. Они крайне любопытны. Но можно ли на основании донесений Корреспондента начинать коренную перестройку собственной стратегической схемы? Тут ошибка равносильна катастрофе.

Вот чем был вызван интерес Кандзи Исихары к докладу и докладчику. Время от времени он поднимал глаза на говорившего и сопоставлял впечатление, которое производили слова Янагиты и его облик. Лицо отражало волнение. Не то естественное волнение, что могло родиться и у Кандзи Исихары, докладывая он такому высокому собранию. Волнение увлеченного событием человека, вдохновенного игрока, делающего крупную

ставку. Рискующего многим. Но игрока опытного. Последним своим ходом Янагита доказал это. Он закончил сообщение панегириком в адрес Лоуренса-2. Назвал его прозорливым, смелым и талантливым организатором блестящих акций секретной службы, в том числе и данной акции, которая пробила сейфы штаба ОКДВА, а кому не известно, как крепки и как недоступны эти сейфы. Отметил Янагита и выбор резидента, сумевшего не только акклиматизироваться в короткий срок на левом берегу, но и добыть информатора из числа высших офицеров Красной Армии, что тоже следует отнести на счет прозорливости Доихары Кендзи.

— Кстати, — сказал Янагита, — Сунгариец получил ранение при выходе на советскую территорию. Это мужественный и смелый человек, достойный награды японского командования.

Комплимент в адрес Доихары возымел свое действие. Осуждение, четко выраженное во взгляде, вдруг исчезло, его сменила добрая теплота. Лоуренс-2 принял Большого Корреспондента.

— Сколько он стоит? — спросил Доихара, когда Янагита кончил свой доклад.

Янагита назвал высокую цену. Очень высокую. Ту, что была указана в расписках Сунгарийца. О своей доле (четвертой части) он, конечно, умолчал.

— Он мог стоить дороже, — заметил Доихара.

Озадаченный таким неожиданным признанием своих заслуг и итогов операции, Янагита не сразу откликнулся на слова Доихары. Прежде оглядел сидящих за столом офицеров — как они расценивают сообщение о Большом Корреспонденте — и лишь потом, удовлетворенный и успокоенный, — офицеры, кажется, были довольны — он ответил:

— Да, он мог стоить дороже...

Присутствовавшие не обратили внимания на торг двух разведчиков, их не заботила стоимость Большого Корреспондента, информации его — другое дело. То, что осуществляло советское командование на левом берегу Амура, было невероятным, настораживало. Колхозный корпус, перевооружение пограничных частей, перебазировка эскадрилий дальнего радиуса действия — все это заставляло задумываться: годна ли стратегическая схема штаба Квантунской армии при изменившемся соотношении сил? Вероятно, прав Итагаки Сейсиро, настаивающий на пересмотре плана будущих операций в северном направлении.

Об этом и попытались говорить офицеры. Но лишь попытались. Первого, Канду Масатону, вежливо остановил начальник второго отдела. Как бы дополняя мысль подчиненного относительно ценности полученной информации, он перехватил инициативу и повел обсуждение совсем в другом направлении.

— У меня такое впечатление, — сказал Кандзи Исихара, —

что советское командование хорошо осведомлено о наших планах и схема предстоящих операций уже лежит на столе Блюхера. Иначе как объяснить перебазировку двух эскадрилий истребительной авиации в четвертый квадрат, находящийся в четырехстах километрах от Благовещенска. Это как раз против нашего аэродрома, рассчитанного на прием тяжелых бомбардировщиков. Или сосредоточение советских долговременных огневых точек на трассе предполагаемого марша наших танков. Танков еще нет, а путь им уже прегражден. И подобных примеров немало. Настораживающих примеров. О чем это говорит, господа?

Поднятый вверх палец Кандзи Исихары как бы подчеркнул важность вопроса, заданного офицерам. Они должны были удивиться и задуматься, естественно.

— Вот именно — о чем? — оборвал наступившую вдруг тишину Доихара. Он не терпел пугающих фраз.

— О том, что русская разведка читает наши секретные документы, — многозначительно изрек Кандзи Исихара.

— Может, просто видят?

— Как? — не понял полковник.

— Достаточно подняться на пятьсот—шестьсот метров, — пояснил Доихара, — чтобы не только увидеть, но и сфотографировать взлетные полосы вашего аэродрома. — Он сказал «вашего», отмежевывая таким образом себя, да, возможно, и остальных офицеров, от того, что делалось в приграничных районах Маньчжурии. Вернее, от откровенности, с которой готовили «северный поход» стратеги генерального штаба. Сам Доихара считал себя тонким мастером акций. Его жертвы не замечали готовившегося удара. Вернее, сами подставляли голову, и он рубил ее. Чужими руками к тому же.

А то, что делают русские, вы без помощи хабаровского Корреспондента увидеть не можете, — продолжал Доихара. — И надо этой помощью пользоваться широко. Взять все, что он способен дать, даже больше, чем способен... Не жалея денег, ничего не жалея! — Доихара повернулся к Янагите, словно от того зависела щедрость секретной службы: — Причем делать это надо быстро, укладываясь в сжатые сроки... Жизнь «корреспондентов», стоящих рядом с секретными сейфами, как известно, коротка... — Доихара развел руками, показывая этим, что никто тут не властен, даже он, Лоуренс-2.

— Информации поступают еженедельно, — дал справку Янагита.

— Хороший ритм, — оценил работу Корреспондента Доихара. — Не нарушайте его!

Ход совещания опять отклонился от того направления, которое попытался дать ему Кандзи Исихара. Корреспондента хвалили, в то время как он не существовал. Не было Корреспондента, была лишь инстанция, откуда черпались данные о состоянии обороны Дальневосточного края. Данные, пугавшие

начальника второго отдела генштаба — ведь он был еще и автором стратегического плана «Северная война».

— Этот ритм, — заметил с раздражением Кандзи Исихара, — может вскружить кое-кому голову и уже вскружил. Информации не только знакомят с положением дел у противника, но и дают на нас, принуждают вносить коррективы в уже разрабатанный и, главное, почти реализованный в подготовительной стадии план. Опыт говорит, что хорошо продуманная и подготовленная операция, известная врагу, приносит чаще успех, чем плохо продуманная и плохо подготовленная, но неизвестная противнику.

Теоретизирование было слабостью Кандзи Исихары. Он любил и умел рассуждать о войне. В запасе у него всегда оказывались изречения, мудрые, понятно, способные обезоружить самых упрямых спорщиков.

— И потом, — сделав паузу, добавил Кандзи Исихара, — для того чтобы менять свою схему, надо быть уверенным в серьезности шагов, предпринятых противником.

— У вас есть подозрения? — поднял свои большие, ветвистые брови Доихара.

— Да!

— На чем они основаны?

— На опыте.

Теперь уже не один Доихара, все офицеры насторожились: что имеет в виду начальник второго отдела?

— На опыте работы против советской разведки! — внес ясность, хотя и не полную, Кандзи Исихара.

Это был аргумент все же из арсенала эмоций. Офицерам, и прежде всего Лоуренсу-2, требовались факты.

— Русские не в пример англичанам и американцам не очень-то верят нам. Следуя совету Доихары-сан, они, конечно, поднялись на пятьсот—шестьсот метров, которые необходимы для установления истины. К тому же мы много шумели о своих усилиях по совершенствованию территории Маньчжурии в военном отношении. Да и работы по прокладке железных и шоссейных дорог велись открыто. А когда мы шумим — обращая ваше внимание на такое определение, — противник особенно внимателен и чуток. Русские неоднократно ловили нас на том, что сила звука часто прямо противоположна усилиям, вложенным в само дело. В лучшем случае они не верят, в худшем — делают вид, что поверили. Вот сейчас — худший случай.

Теоретик стратегии, кажется, сразил Лоуренса-2. Рассуждения начальника второго отдела были логичны и могли сразить не одного Доихару. Все присутствовавшие как-то недоверчиво, даже с сожалением посмотрели на Янагиту: напрасно старались, господин полковник, русские ввели нас в заблуждение.

Нужно было спасать Большого Корреспондента, вернее, спасать самого себя, и Янагита вопреки правилам, запрещающим

нарушать служебный этикет, вступил в спор со своим шефом.

— А если это не лучший и не худший случай? — произнес он как можно спокойнее, хотя давалось это с трудом — волнение уже охватило его и искало выхода. — Если русские поверили? У нас нет сведений, что перебазировка двух эскадрилий ложная. Наоборот, есть подтверждение произошедших в четвертом квадрате перемен — донесение агентов о приземлении истребителей в данном районе утром 18 февраля и ночью 20 февраля в количестве сорока двух машин.

Теперь Кандзи Исихара был сражен. Так решил Янагита и остальные офицеры. Теория теорией, а практика практикой, перед фактами не устоишь. Но Кандзи Исихара устоял. И не только устоял. Совершил неожиданный маневр.

— Мы сверили донесения вашей агентуры с информацией немецкой и итальянской разведки, — сказал он. — Все совпало. Не в мелочах, конечно. В основном. Больше того, сообщения хабаровского Корреспондента подтвердили европейские секретные службы. Не в деталях опять-таки. В главном...

Искреннее недоумение застыло в глазах Янагиты. Что говорит начальник второго отдела? Зачем он это говорит? Сам себя бьет.

— Так, значит... — попытался сделать вывод Янагита.

— Значит, — повернул опять в свою сторону нить разговора Кандзи Исихара, — налицо хорошая маскировка. На игру русские отвечают игрой!

— Но самолеты все же перебазировали, — не выдержал Доихара. — Настоящие самолеты...

Начальник второго отдела кивнул, принимая довод Лоуренса-2, но при этом скривил в усмешке губы:

— Против наших ненастоящих. Против условного аэродрома. И зная, что он условный.

Загадка! Слишком уж нелепо вели себя русские. Глупо просто.

Руки Доихары упали на доску стола, и та отозвалась глухим ворчанием. Тяжелыми и злыми были эти руки.

— Выходит, Корреспондент дает неправильную информацию?

— О, Доихара-сан! — подчеркнуто уважительно, даже льстиво произнес начальник второго отдела. — Информация правильная, но не та...

Он улыбнулся загадочно:

— Не из того сейфа, я хотел сказать.

Все поняли, что имел в виду Кандзи Исихара: Корреспондент не так высок по положению, чтобы соприкаться со сверхсекретными документами. Он офицер среднего ранга и средних возможностей.

— А что, если нацелить его на нужный нам сейф? — рассудил Доихара. Он все еще был на стороне хабаровского Корреспондента. Трудно так сразу отказаться от симпатий к

агенту, появление которого связано с твоими собственными усилиями.

— Для того чтобы направить, надо знать его.

— Он не известен? — удивился Доихара.

— Абсолютно. Ни имени, ни фамилии, ни должности, ни звания.

Янагита досадливо поморщился: возник все-таки разговор о личности Корреспондента. То, что беспокоило его, начинает беспокоить и других.

— Это работник штаба ОКДВА, — попытался спасти гибнущего Корреспондента Янагита, — бывший офицер царской армии в чине полковника, перешедший на сторону Советской власти...

— Прошлое чуточку высвечено, — уточнил Кандзи Исихара, — настоящее в глубокой тьме.

— Что ж, высветите настоящее, — подал совет Доихара, и прозвучал этот совет по-житейски просто, будто дело шло о какой-то пустяковой процедуре вроде растопки очага или телефонного разговора.

— Мы связаны условием — полная конспирация и пустая визитная карточка, — пресек Кандзи Исихара попытку навязать второму отделу идею раскрытия Корреспондента. — Он встречается только с Сунгарийцем.

И все-таки идею навязали. Доихара, конечно, навязал:

— Подставьте вместо Сунгарийца офицера генерального штаба.

— То есть как?! — опешил Кандзи Исихара.

— Просто. Временно резидент отстраняется или передает свои полномочия представителю японского командования, которому Корреспондент служит и от которого получает деньги за информацию...

— Он может отказаться от встречи, — возразил Кандзи Исихара.

— Теперь уже не может... — Доихара устало откинулся на спинку кресла, руки положил на подлокотники, словно собирався отдохнуть после трудной работы. Возможно, это так и было, он искал решения, и оно наконец было найдено. — Корреспонденту предъявят фотокопии его донесений, лучшего пароля не надо. Тот, кто хочет жить, обязан поднять руки. Тут даже не понадобятся угрозы, он сам все поймет.

— Для этого нужно попасть на левый берег, — встревожился Кандзи Исихара. Он уже представил себе офицера генерального штаба, выполняющего сложное и опасное поручение.

— Я думаю, — усмехнулся Доихара, — прогуливаясь по Гинзе, трудно встретить хабаровского Корреспондента!

— Кто же решится на такое? — растерянно пожал плечами начальник второго отдела.

Присутствовавшие молчали. Никому не хотелось случайным словом или невольным движением привлечь к себе внимание и тем оказаться в числе кандидатов на почетное место в раю. Миссия в Хабаровск слишком напоминала миссию смертника.

— Есть такой офицер, — сказал Янагита. И все вздрогнули. Полковник мог назвать любую фамилию. Но он назвал имя никому не известного человека — офицера Сахалинской военной миссии.

Все успокоились и посмотрели трогательно, с благодарностью на Янагиту — он помиловал офицеров генерального штаба.

— Он согласится? — спросил строго, с ноткой недоверия Кандзи Исихара.

— Если будет приказано.. Офицер разведки обязан выполнять волю командования.

Кандзи Исихара обвел присутствующих долгим, испытующим взглядом, потом объявил:

— Вопрос решен!

Когда покидали кабинет начальника второго отдела, Доихара наклонился к Янагите и сказал:

— Вы или высоко взлетите, полковник, или...

Договаривать не следовало. Янагита улыбнулся. Его вполне устраивало первое...

**ДЕРИБАС: «КОГДА БОГ СОТВОРЯЛ АДАМА, ЕМУ,
НАВЕРНОЕ, БЫЛО ЛЕГЧЕ...»**

Портрет Корреспондента действительно был нужен. Теперь уже не японской секретной службе, а полномочному представителю ОГПУ.

Академик доложил, что в Благовещенск прибывает офицер японского генерального штаба для встречи с Большим Корреспондентом. Доверенное лицо начальника второго отдела намерено вести переговоры со своим информатором без участия резидента, проще, секретно, с глазу на глаз.

— Вот уж не думал, что придется создавать настоящего Корреспондента, как говорят, во плоти и крови, — озадаченно произнес Дерibas. — Каков он?

— Внешность не так уж важна, — заметил Семен Западный. — Главное, чтобы мог вести поединок со вторым отделом.

— Не скажи, — покачал головой Дерibas. — Он должен произвести впечатление на японца. Покорить его. Слушай, Борис Владимирович, ты не давал Янагите словесного портрета Корреспондента?

— Вроде нет, — не совсем уверенно, секунду, другую подумав, ответил Поярков.

— А точнее?

— Не давал... Биографические данные только, что бывший офицер царской армии... в чине полковника.

— Это уже портрет, — развел досадливо руками Дерибас.

— Полковники были разные, — счел нужным рассеять опасения Дерибаса Западный. — На лбу не написано ни звание, ни происхождение.

— Тут ты ошибаешься, Семен! На лбу как раз все и написано, не словами, естественно. В революцию господ офицеров мы узнавали по физиономиям. Этакая надменность во взгляде, высокомерие, брезгливая складка у рта... Нет, я, кажется, и сейчас бы угадал по лицу да и по выправке царского полковника. И по голосу и по выговору. Слова они как-то иначе произносили, выпевали вроде. Школа, брат.

На губах Западного мелькнула ироническая улыбка.

— Не угадали бы! Выветрилось все, стерлось.

— Ну, выправка не стирается. Не позолота ведь. Внутри она, как пружина. Упругость, конечно, не та, верно, но дает себя знать все же... В общем, если полковник, так пусть будет полковником.

— Негде взять нам полковника, Терентий Дмитриевич, — вернул Дерибаса к реальности Западный. — Нет у нас тут царских офицеров такого калибра. А если б и был, так нам от его выправки и аристократического взгляда проку нет. Чекистская голова нужна. Чутье наше. И наша хватка. Не дать себя сбить с ног, а самому сбить противника...

— Ты что же, Семен, представляешь эту встречу как схватку? — посмотрел с настороженностью на своего заместителя Дерибас.

— Не иначе. Японцы нас проверяют. Мы подкинули им кучу ценнейшей информации, и они хотят установить ее достоверность. Прощупать этого Корреспондента и нас заодно.

Дерибас почесал свою скудноватенькую бородку. Западный заставил его взглянуть на предстоящую встречу с несколько иной стороны.

— Что ж, может, и проверка, но особого рода. Борис Владимирович, думаю, вне подозрений. Да и сам Корреспондент — тоже. Дело в информации.

Информации готовил Западный. Не один, конечно, с работником штаба Дальневосточной армии, и потому считал себя ответственным за то, что выдавалось японцам. Он старался придать ложным фактам видимость правдоподобия, чтобы липа, как он говорил, походила на полированный дуб, и в этой своей столярной работе весьма преуспел, достиг искусства краснодеревщика. Дезинформация проглатывалась японцами и, главное, хорошо переваривалась. Штаб Квантунской армии реагировал как надо на сообщения Большого Корреспондента: перебрасывались части, строились защитные полосы, перебазировались аэродромы. Самураи нервничали. Дезинформация

приносила нужный эффект. И сейчас слова Дерибаса тронули Западного, вроде бы полномочный представитель усомнился в умении своего заместителя делать хорошо то, что ему поручено.

— Пересолили, выходит?

— Не досолили! Не почувствовали там, в Токио, соли. Они, знаешь, любят все острое. Приправу их к мясу пробовал? Нет? То-то... Я как-то по простоте глотнул соус — дух перехватило...

Смешинки, вспыхивавшие обычно в узковатых глазах Дерибаса, появились и сейчас. Они оживили лицо, усталое и, пожалуй, мрачноватое. Терентий Дмитриевич был озабочен, должно быть, сообщением о приезде офицера японского генерального штаба.

— За солью, значит, жалуется? — констатировал Западный. — Взять бы этого офицера и послать ему куда следует...

— Ишь ты! Готовенького, идущего прямо в руки. Не говорю уже о том, что нечестно это — заманивать, а потом аркан на шею. Он просто не нужен нам.

— Офицер генерального штаба знает кое-что, — объяснил свою мысль Западный, хотя мысль была случайной и не требовала объяснения. Эмоции всего-навсего.

— Вряд ли он кое-что знает, — возразил Дерибас. — Во всяком случае, того, что нас интересует, у офицера нет. С багажом к нам не пожалуют. Не дураки. Да и возможность осечки учитывали. Предполагали, что в ГПУ окажется такой Семен Западный и захочет взять офицера генерального штаба голыми руками.

— Если не с багажом, так с чем же его тогда посылают? — продолжал кипятиться Западный. — Легкая прогулочка всего лишь. Не верю!

— И не надо верить... — Дерибас взял с подставки карандаш и стал выводить на листке бумаги какие-то линии. Неторопливо выводить, иногда останавливаясь и поглядывая, откинув назад голову, на результаты своих нехитрых усилий. — К нам он придет пустенький, а от нас уйдет с багажом.

— С солью, — подбросил точное словцо Западный.

— Вот-вот, именно с солью! — Дерибас повернулся к Западному и, прищурившись, лукаво добавил: — С солью, которой не хватало в твоих информациях... Пресный ты человек, Семен! И Поярков тоже пресный. Японские блюда у вас не получаются. А господа готовятся сытно пообедать...

— Поперек горла станет им этот обед! — зло бросил Западный.

— Кипятишься, Семен! Никак не приучу тебя держаться комнатной температуры.

— Терпения нет. Обнаглели. За неделю восемнадцать нарушений границы...

— Это уж у них характер такой: пока не ткнутся лбом в стену, не остановятся.

Карандаш по-прежнему двигался по бумаге, выводя то полукруги, то прямые линии, и был он неутраченным, этот карандаш, что-то у него там выходило. Дерибас все чаще и чаще откидывал седую голову и издали поглядывал на листок, вроде бы любовался. Глаза его светлели, улыбались.

— Ну, это уж дело Василия Константиновича, он мастер ставить каменные стены и разбивать о них лбы незваных гостей,— чиркая карандашом, продолжал между тем Дерибас.— От нас требуется соль, как ты сказал, только соль. Насыплем ее офицеру полную меру, не перебарщивая, однако, чтобы слишком не повредить здоровью. Главное, не испортить аппетит.

— Неплохо бы испортить,— сквозь зубы процедил Западный.— Может, избавились бы от дурной привычки обедать за чужой счет.

— Чего-чего, а портить им аппетит не следует,— посуровел Дерибас.— Выбрось это из головы, Семен! Пусть хорошо пообедают. С удовольствием пообедают. А уж потом соль свое дело сделает...

— Так вы все-таки считаете, Терентий Дмитриевич, что офицер едет за соленьким?

— Уверен. Японцы, судя по последним событиям в Маньчжурии, да и на самих островах, готовятся к большой акции. «Молодых офицеров» они повесили, но не за то, что они торпились развязать новую войну на континенте, а за то, что преждевременно раскрыли планы японского командования, которое эту войну готовит. Плацдарм обеспечен. Железные и шоссейные дороги подведены к нашим границам и границам Монгольской Народной Республики. Аэродромы понатыканы на всей территории Северной Маньчжурии, взлетные полосы приспособлены для тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Ты говоришь, каждый день нарушение границы, терпения нет. А они, между прочим, наше терпение испытывают. Тут уж не традиция, не характер, хотя и он сказывается, тут ожидание вспышки. Вдруг не стерпим, вдруг сорвемся? При таком накале искорки достаточно, чтобы загорелось пламя. Оно им сейчас вот как нужно, это пламя. Поддаться на провокацию, значит, открыть дорогу войне. Мы на это не пойдем. Ты же знаешь приказ, Семен,— гасить любую искру! Спокойствие и выдержка! Японцы расценивают нашу невозмутимость как проявление слабости. Правда, уверенности у них нет. Сомневаются. В генеральном штабе небось раздаются трезвые голоса, предостерегающие ретивых вояк. Вот и решили уточнить обстановку на левом берегу. То, что им передал Борис Владимирович, позволило увидеть детали. Собирать по деталям целое трудно, главное, канительно. Жди, когда поступит очередная информация, причем неизвестно, какой она будет, поможет ли заполнить пробелы в общей картине. Генштабу же необходима полная картина, и необходима немедленно. Способ один — взять ини-

циативу в свои руки. Диктовать условия Большому Корреспонденту непосредственно из Токио, направлять его деятельность в нужном генштабу русле. Сунгариец для этого не годится. Он всего лишь посредник и, следовательно, не авторитетен для Корреспондента. К тому же содержание беседы, видимо, таково, что осуществить ее решения могут только работники штабов, которым известна военная обстановка. Посвящать третьего в тайну нелепо и рискованно. Третий исключается...

Западный с беспокойством глянул на сидевшего у окна Пояркова:

— Сунгариец, следовательно, им не нужен больше?

Он имел в виду не механическое исключение третьего. Секретная служба не увольняет своих агентов за кордоном. Она убирает их.

— Все зависит от итогов встречи, — ответил Дерибас. — Полное исключение мало вероятно. Корреспондент не согласится открывать себя еще одному агенту, а офицер генерального штаба не может остаться в Хабаровске или Благовещенске, он лицо эпизодическое и должен немедленно вернуться в Японию...

Спокойно следивший за разговором Поярков и как бы отсутствовавший все это время вдруг насторожился и поднял голову.

— Это все предположение, Терентий Дмитриевич? — спросил он.

Рука перестала чертить, и сам Дерибас оторвал взгляд от листа:

— Конечно... Только предположение.

— Оно очень реально, — с тревожным чувством отметил Поярков. — Именно так японцы и поступают... Обычно так. Но они способны совершать и неожиданное.

— Вероятно, — чуточку смутившись, признался Дерибас. Он не подумал, рисуя картину предстоящих событий, что может существовать настоящий план операции, ничего общего не имеющей с фантазией полномочного представителя ОГПУ. План сплошных неожиданностей.

Дерибас готов был принять неожиданности и своим «вероятно» как бы подтверждал это. Западный же отверг их сразу и категорически.

— Не приехать офицер генерального штаба не может, тут неожиданность исключается. Обойти Сунгарийца и явиться прямо к Корреспонденту нельзя: генштаб и, следовательно, офицер его не знают. Нет пока на свете этого Корреспондента. Не говоря уже о том, что адрес, простите, никому не известен, даже нам. Неожиданность способна проявиться лишь во время встречи офицера и Корреспондента. Но и тут неожиданность следует понимать условно. Программы никакой нет, поэтому перед нами просто неизвестность, а не неожиданность. И в этой неизвестности трудно что-либо предусмотреть. Следовательно,

готовя Корреспондента к встрече, мы должны вооружить его несколькими вариантами ответов на вопросы и предложения генерального штаба. Как в шахматной игре. Там существует ряд дебютов, и в зависимости от того, какой дебют изберут белые, делается ответный ход черными. И ответные ходы знакомы всем шахматистам мира. Вот такие ходы мы обязаны подбросить Корреспонденту.

— Ловко ты расправился с неожиданностями,— покачал головой Дерибас.— Конечно, когда ничего не знаешь, то и не ждешь ничего. Неожиданность мы сами себе готовим, строя какую-то схему. То, что не учтем, и падет на нас как снег на голову. Насчет ответных ходов ты, Семен, прав. Нужны ответные ходы. Только где взять эти твои дебюты? На что отвечать? Двинь пешку первым, тогда я смекну, куда и чем мне пойти. Все, что говорил я, и было дебютом, единственным, правда. Теперь вместе с Борисом Владимировичем изобретите остальные. Не с неба, понятно, берите свои дебюты. Проанализируйте весь ход переписки Корреспондента с генштабом и наметьте вопросы, которые могут возникнуть у японцев в ходе этой переписки с учетом последних событий в Маньчжурии и на островах. Ну а ответы составим сообща и вооружим ими Корреспондента. Ему останется только варьировать.

— Это не самое простое, Терентий Дмитриевич! — заметил Западный.— От умения варьировать зависит исход встречи. Советоваться не с кем — поединок при закрытых дверях. Каждый рассчитывает на свои силы. Корреспондент должен быть сильнее японца.

Дерибас кивнул, соглашаясь:

— В этом вся суть.— Карандаш перестал чертить свои полукруги, Дерибас еще раз откинул голову и посмотрел на листок. Сказал задумчиво: — Когда бог сотворял Адама, ему, наверное, было легче...

Поярков засмеялся:

— Конечно, легче... Советоваться было не с кем, лепи себе из глины что хочешь.

— Из праха,— поправил Западный.

— Ну это одно и то же — земля. А нам нужен полковник царской армии.

— Черт с ним, с полковником! — рассердился Дерибас. Взял со стола листок и исчерченной стороной повернул его к Западному.

— Вот такой, что ли?

С минуту Западный разглядывал рисунок, потом недоуменно произнес:

— У вас фотография была?

— Какая фотография?

— Выходит, по памяти? Это же Петр Михайлович Кнып.

— Неужели похож?

— Копия. Только Кнып без усов... И очки надевает, когда садится писать.

— Здесь пенсне... Лет-то Кныпу сколько?

— Да старик, лет пятьдесят...

На лице Дерибаса изобразилось недовольство, он вроде бы рассердился, глаза, правда, по-прежнему посмеивались.

— Насчет стариков потише! Не списывай нас, еще пригодимся.

— Да что вы, Терентий Дмитриевич! Просто так, сорвалось...

— Сорвалось! Знаем мы вас, молодых.

Он взял листок из рук Западного и передал Пояркову:

— А ну, Борис Владимирович, как находишь? Подходящий?

— Вполне,— одобрил Поярков.— На Пашкевича смахивает, только тот всего штабс-капитан.

— Вот видишь,— похвастал Дерибас,— угадал, значит, офицера царской армии.

— Но Кнып не офицер,— запротестовал Западный.— И никогда не был им.

— Ну, тут совпадение. Вот только молод. В семнадцать лет не могли присвоить полковника. Седой хотя бы?

— Есть немножко...

— Добавить! И усы посадите, свои не успеют вырасти. Пенсне закажите у ювелира, позолоченное и с такой же цепочкой. Курит этот Кнып?

— Еще как!

— Папиросы достаньте самые лучшие. Можно и английские сигареты, изъятые у контрабандистов. Портсигар обязательно серебряный с монограммой.

— Кнып сейчас в Зее, Терентий Дмитриевич.

— Вызвать немедленно. Поселить в квартире Золотарева, пусть освоится, пропитает ее табаком. Декорацию продумайте сами, чтобы было солидно, но не перебарщивайте...

— Успеем ли все проверить за два дня?

— Надо успеть, Семен!

ДВУХ ДНЕЙ НЕ ПОТРЕБОВАЛОСЬ. КАПИТАН КУМАЗАВА ПОЯВИЛСЯ В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ ЭТОЙ НОЧЬЮ...

На стук откликаться не следовало. Ответом на четыре удара с паузой между вторым и третьим была зажженная лампа в крайнем левом окне. Ставни здесь плохо прикрывались, оставалась щель в целую ладонь, через нее и пробивался приглушенный абажуром свет.

Поярков спросонок не сразу понял, где стучат и зачем стучат. Вернулся он от Западного поздно, во втором часу—все обсуждали ходы японцев и старались не допустить неожиданности, и вот—на тебе! Неожиданность! Но это стало ясно позже, когда открыл дверь, а стук на мысль об офицере генштаба

не навел. Подумал: кто-то из соседей с просьбой ранней пожаловал — утро, наверное.

Дошатый запор сбросил торопливо и так же торопливо повернул ключ и распахнул дверь. На улице, у окна, стоял человек в куртке и старательно вглядывался в просвет между ставнями. Скрип двери его не обрадовал, а напугал. Он втянул голову в плечи, сжался весь и зашагал прочь. Вот тут-то понял Поярков, что это не сосед, не было рядом таких соседей, а гость из Сахалина, и что его спугнуло отсутствие света в окне. Поярков успел еще заметить на противоположной стороне улицы чей-то силуэт в тени деревьев. Все смутное, конечно. Рассвет только занимался, и над городом еще стояла темнота весенней ночи.

— Вам кого? — негромко окликнул «гостя» Поярков.

«Гость» остановился, но не проявил желания вернуться к окну — осторожность заставляла его держаться дистанции.

— Не Потапова ли? — подсказал пароль Поярков.

— Да-да, — отозвался успокоенный «гость». — Не живет ли здесь Степан Ануфриевич Потапов?

— Живет... Вот только болен.

Все совпадало: и вопрос, и ответ, оставалось лишь подняться на крыльцо и поздороваться с хозяином, что «гость» и сделал. И здесь, на крыльце уже, досказал остальное:

— Мы получили письмо, что Ануфрий Степанович, то есть Степан Ануфриевич, заболел, и собрали кое-что из трав, как просил, для желудка...

— Заходите, заходите! — позвал «гостя» в дом Поярков. И когда тот вошел в сени и дверь закрылась, объяснил причину нарушения условий встречи: — До срока приехали, не ждал я вас сегодня.

«Гость» закивал понимающе и извинительно одновременно.

— Случай... Так вышло.

Поярков помог ему снять куртку и почувствовал, как дрожит «гость». Не то простудился в дороге — ночи хоть и весенние, но холодные, не то струхнул изрядно. Последнее вполне допустимо. Свет в окне не горел и дверь распахнулась внезапно. Тут напугаешься. Могла ведь быть засада.

В комнате «гость» немного пришел в себя, даже улыбнулся, правда не особенно весело. Вымученная была улыбка. Сказал:

— Можно чаю?.. Или немножко водки.

Чаю не было. Какой чай в пять утра! Поярков достал из шкафа графинчик с перцовкой и налил в стакан.

— Спасибо!

«Гость» выпил одним махом и закашлялся. Крепкая оказалась перцовка.

— Можно, я усну теперь?

Поярков постелил японцу на диване: бросил байковое одеяло, вышитая подушечка там уже лежала.

— Трудно было? — спросил Поярков, когда «гость» лег и укутался одеялом.

— Очень. Но боги милостивы ко мне...

— Ну, теперь все позади. Спите!

— Вы оставляете меня? — с испугом спросил японец.

— Я должен дать телеграмму родственнику. Вы появились раньше времени и нарушили наш уговор. Теперь надо все менять...

— Здесь безопасно?

— Почти. В случае чего воспользуйтесь той дверью, она ведет во двор. Через калитку — на соседнюю улицу. У вас есть оружие?

— Нет.

— Это хорошо.

— Почему?

— В минуту опасности можно совершить непоправимую ошибку.

— Полковник учитывал это.

— Комуцубара?

Японец помялся, не зная, можно ли отвечать на такой прямой вопрос. Смолчать, однако, тоже не мог — это явилось бы подтверждением того, что оружие запретил брать Комуцубара, а начальник Сахалинской военной миссии никакого отношения к инструктированию не имел, он лишь переправлял «гостя» на левый берег. И вообще, ссылка на Комуцубару снижала значение всей акции.

— Янагита Гендзо! — важно произнес японец.

— Янагита — опытный и дальновидный офицер...

В сенях, одеваясь, Поярков осторожно проверил куртку «гостя». На оружие не наткнулся, но нащупал отстегнутый карман под левым рукавом и на самом дне запасную обойму для пистолета. Пистолет был вынут, должно быть, только что...

Ровно в семь вечера появился «родственник» Пояркова. Крепыш лет тридцати, широкоплечий, круглолицый, медлительный, вроде бы даже робкий. По первому впечатлению, во всяком случае, так могло показаться: осторожно открыл дверь, поклонился и снял шапку. Молча все. Молча прошел к столу, молча сел и лишь после того, как Поярков представил его «гостю», произнес первые слова:

— В Хабаровск, значит?

— В Хабаровск, — кивнул японец.

— Ну что ж, в Хабаровск так в Хабаровск...

И снова смолк. И в этом молчании, как и в его словах, нельзя было ничего понять: одобряет или не одобряет он желание «гостя» ехать в Хабаровск, доволен или не доволен своей ролью провожатого? Полное равнодушие.

— Успеем поужинать? — спросил Поярков.

— Само собой... Нам торопиться нечего.

— Как нечего? — удивился Поярков. — Поезд через полтора часа.

— А на что он, поезд... Зачем ехать-то?

К удивлению прибавилась и растерянность. Пояркову, конечно, ясна была задача «родственника» — оттянуть отъезд, но полный отказ от путешествия в Хабаровск в программу не входил. «Родственник» явно переигрывал. По предварительному уговору сопровождать офицера генерального штаба должен был племянник из Хабаровска, который встречал первый раз Сунгарийца. Почему-то его заменили сотрудником Благовещенского ГПУ, «инспектором рыболовного надзора» Женей Арбузовым. Видимо, подхлестывало время. Но план-то не мог измениться.

— Ехать известно зачем. «Хозяин» ждет в Хабаровске.

— Никто нас не ждет. Нет «хозяина».

— Как нет?

— В инспекторской поездке он.

Все это было чистой выдумкой, просто требовалась отсрочка.

— Где?

Японец, свесив свои короткие ноги с дивана и подавшись весь вперед, с жадностью слушал, что говорит хозяин и его «родственник».

— Где-то здесь... — уныло ответил «инспектор рыбнадзора». — Не то на севере, не то на юге.

Забавно ответил. Поярков не смог сдержать улыбки, хорошо, что японец не заметил ее, — он смотрел на «родственника» и ловил каждое его слово.

— Мы не можем ехать? — прошептал японец испуганно.

Не поворачивая головы в сторону «гостя», «инспектор» ответил:

— Ехать можем... Только как коротать время станем в Хабаровске? На скамеечке у штаба — так там нас быстро сцапают.

— Кто сцапает? — не понял «гость».

— Кто?! Да те самые, из ГПУ... У них на вашего брата глаз наметан.

— Вообще-то риск большой, — поддержал «родственника» Поярков. Он пытался задержать японца в Благовещенске, пока идет подготовка к встрече.

Японец перевел взгляд на хозяина, обеспокоенный и недоверчивый взгляд.

— Мы не можем ехать? — повторил он.

— Опять за рыбу мясо, — махнул устало рукой «инспектор». — Ехать можем, да кто за вас отвечать будет?

Короткие ноги офицера коснулись пола, он встал и, выпятив грудь, сказал громко с истеричной ноткой в голосе:

— Жизнь капитана Кумазава принадлежит Японии. Она послала меня сюда. И я выполню приказ... Едем!

Секунды какие-то «инспектор» и Поярков, пораженные услышанным, молчали. Потом «инспектор» поднялся со стула, взял свой бушлат и стал одеваться. На лицо его легла тень озабоченности, у рта обозначились глубокие напряженные складки.

СУТКИ, КОТОРЫЕ ПЫТАЛИСЬ РАСТЯНУТЬ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ

В Хабаровске еще ничего не было готово к приему офицера генерального штаба, а он, этот офицер, уже ехал на встречу с Корреспондентом. Вернее, его вез сотрудник Благовещенского ГПУ Евгений Арбузов в качестве «инспектора рыбнадзора». Вез вопреки указанию не везти или в крайнем случае везти медленно. Но как везти медленно, если они сели на скорый поезд и он идет согласно расписанию?

И все-таки три часа он выкроил. Рядом в купе ехали двое военных, ничем не примечательных, если не считать того, что они постоянно торчали в проходе, уничтожая одну за другой папиросы и поглядывая в окно. Военные и помогли «инспектору рыбнадзора».

На одной из остановок он шепнул «гостю»:

— За нами следят.

— Что делать?

— Сойти на ближайшей станции.

Они сошли тихонько на станции Куйбышевка-Восточная и стали ждать следующего поезда.

Ожидание было малоприятным, если не сказать большего — совсем неприятным. Дул ветер, северный ветер, пронизывающий до костей, и укрыться от него негде, зал ожидания набит до отказа, ни одной свободной скамейки, а если бы и оказалась свободная, после предупреждения о слежке появляться на людях было бы глупо. Так до трех часов ночи они и проторчали под открытым небом. Офицер продрог весь, но не пожаловался на холод. Стойким человеком был.

Следующий поезд оказался почтовым. Их места были в мягком вагоне. «Инспектор» влез на верхнюю полку и тотчас уснул. Японец сел на диван у окна, уставился в темноту и так просидел до Хабаровска, не сомкнув глаз.

На привокзальной площади, когда они выбрались из толпы и их никто не мог слышать, «инспектор» спросил:

— Куда теперь?

— В Чердымовку!

Ответ огорошил «инспектора». Чердымовку мог знать только житель Хабаровска. Дурной славой пользовалось это «веселое» местечко, оставленное городу в наследство от старых времен.

— В Чердымовку так в Чердымовку, — согласился «инспектор».

Чердымовки офицер не знал. Но он знал, как это ни странно, кофейню с голубыми ставнями. Точнее, знал цвет, в который они были окрашены, и едва мелькнула голубизна, он потянулся к ней и потянул за собой «инспектора».

— Интересная кофейня,— сказал японец.— Отдохнем здесь.

Кофейня действительно была интересной, но не из-за своих голубых ставней, хотя ставни и играли, видно, какую-то роль. Она находилась на склоне оврага, по соседству с улицей Серышева, где была квартира Корреспондента. И еще занятый момент: хозяином кофейни оказался китаец, знавший офицера генерального штаба. Нет, он не поздоровался с японцем и не произнес никаких радостных слов по случаю встречи, но когда гости сели, хозяин спросил учтиво:

— Что бы вы хотели, господин?

И как-то странно скосил глаза на «инспектора рыбнадзора».

В двенадцать дня «инспектор» позвонил своим.

— Ты уже здесь? — удивились свои.

— С утра. Торопитесь с квартирой!

— Квартира готова. Нет Кыпа.

— Ничего не знаю... Сегодня заявимся.

— Ты с ума сошел!

— Почти. На всякий случай запишите адрес: Чердымовка, кофейня с голубыми ставнями, против пельменной Чана.

— Учили. Позвони после трех.

После трех та же история.

— Еще нет Кыпа. Ждем.

— Вышлите пару ребят к кофейне. Здесь явка, надо взять на прицел и хозяина и гостей.

— Откуда лучше вести наблюдение?

— Из пельменной Чана.

— Высылаем. Позвони в пять.

И в пять он не услышал ничего нового. Лишь в семь часов, когда уже смеркалось, прозвучало долгожданное:

— Кып у парикмахера. Часам к десяти приезжайте.

— Ребята пусть остаются около кофейни. По-моему, там сейчас резидент: серая ватная куртка, очки, на голове суконная ушанка. На левой руке нет мизинца.

— Заметано.

На улице Карла Маркса их ждал извозчик.

«Инспектор» помог японцу сесть, сам влез на сиденье.

— Куда мы едем? — спросил японец, после того как первая группа домов проплыла мимо.

— Это улица Карла Маркса,— ответил «инспектор».

— Хорошо,— кивнул японец.

С улицы Карла Маркса они свернули вправо, к Плюнике, хотя здравый смысл диктовал совсем другое направление. Однако здравого смысла во всем этом путешествии по Хабаровску не было, для непосвященных, конечно. Извозчик совершал нелепейшие повороты, кружил, возвращался снова на улицу

Карла Маркса. Надо было только удивляться, как он умудрялся не попасть снова на то же самое место, от которого отъехал.

Японец иногда повторял свой вопрос:

— Куда мы едем?

— Это улица Степана Разина,— не задумываясь, давал справку «инспектор».

Извозчик только побрякивал, дивясь нахальству седока.

К десяти часам, изучив все закоулки Хабаровска, пролетка наконец выбралась на улицу Серышева, ту самую улицу, где находилась квартира Корреспондента. Дом был с давних времен, если не с самого основания города, двенадцатым от края, а под фонарем на стене значилась цифра «23». Улица называлась Владивостокской. Видавший виды извозчик ошалело посмотрел на табличку и крикнул еще раз.

— Спасибо, братец! — весело сказал «инспектор». — Жди нас к двенадцати за углом...

Дверь открылась не сразу, лишь после второго звонка.

На пороге показался мужчина в домашней бархатной куртке, седой, или почти седой, высокий, стройный. Увидев «инспектора», он поднял удивленно брови, а может, и не удивленно, а разочарованно — дескать, пришли все-таки. Кивнул молча, приглашая гостей войти.

В передней, раздеваясь, японец заметил на вешалке командирскую шинель с тремя ромбами в петлицах. Куртку свою он повесил рядом и сделал это с подобострастием.

— Саша,— сказал хозяин «инспектору»,— посиди здесь.

И ЕЩЕ ДВА ЧАСА, САМЫХ ВАЖНЫХ ДЛЯ ВТОРОГО ОТДЕЛА ГЕНШТАБА

Начало разговора не было зафиксировано. Как не были зафиксированы и чувства офицера генерального штаба, оказавшегося в кабинете Большого Корреспондента. Он обвел взглядом комнату, торопливым и восхищенным взглядом. Все понравилось ему, все запало в память, и позже, в Харбине и в Токио, он смог передать впечатление с предельной точностью.

Это был кабинет офицера, занимающего высокое положение в армии. Стену закрывал ковер дорогой выделки, и на нем охотничьи ружья известных марок. В центре наградная сабля с позолоченным эфесом. Ковер спускался на софу, огибал ее и краем прикасался к лохматой шкуре огромного черного медведя. Вдоль второй стены тянулись стеллажи, забитые до отказа книгами. Письменный стол, против которого сел японец, был уставлен сувенирами — миниатюрными пушками, снарядами, бронзовыми всадниками на вздыбленных и скачущих конях.

— Я возражал против этой встречи, — усаживаясь за письменный стол, сказал хозяин. — Возражал не по каким-то личным мотивам, а руководствуясь общими интересами. Положение такое, что всякая неестественность поступков работника штаба вызывает мгновенную реакцию, и, говоря прямо, трагическую реакцию. Я нахожусь под контролем, который с каждым днем усиливается. Обстановка предгрозовая, война близка, и ее ждут со дня на день. Вы понимаете, что это значит?

Офицер кивнул.

— Внимание, которое оказывает мне японское командование, трогательно, я весьма благодарен и прошу эту благодарность передать тем, кто вас направил сюда. Понимаю, что дойти до меня было нелегко, и это говорит о важности поручения, возложенного на вас.

— Да-да, — опять кивнул офицер — ему действительно нелегко было перейти кордон и добраться до Хабаровска.

— Вместе с тем, — продолжал хозяин, — считаю необходимым выразить свое удивление той настойчивости, с которой ваше командование осуществляло свою акцию вопреки моей просьбе и моему недовольству.

— О, вы поймете нашу настойчивость, когда узнаете, чем руководствовалось командование, и даже найдете основание извинить нас. Мы очень высоко ценим ваше сотрудничество и готовы сделать все необходимое для продолжения начатого дела. — Офицер развернул сверток, покоившийся на его коленях, и, как иллюзионист в цирке, стал извлекать из него всевозможные предметы.

Офицер театральным жестом, с обворожительной улыбкой доставал драгоценности. Да-да, драгоценности. Прежде всего заиграло в свете люстры золотое кольцо с тремя бриллиантами.

— У вас молодая жена, — отметил японец, — и нам хотелось сделать ей подарок.

Корреспондент не знал, что у него есть жена, и к тому же молодая. Никто не предупредил его на этот счет. Не успели. Биография вообще состояла из одного пункта — офицер царской армии в чине полковника. Впрочем, насчет жены что-то говорили. Ах, да! В доме он один сейчас, так как супруга поехала навестить больного отца. Значит, жена есть.

Колье через стол поплыло к хозяину.

— Это дорого стоит, — смутился хозяин. Искренне смутился: он никогда в жизни не видел таких дорогих вещей.

— Ваши услуги ценятся выше, — склонил любезно и со значением голову японец. Он был доволен произведенным впечатлением. Весьма доволен.

Вслед за колье из свертка выплыл браслет ажурной работы — причудливое сплетение тончайших золотых волос вокруг крошечного бриллиантика. Он был один-единственный и тем подчеркивал свою исключительность. Браслет повторял рисунок колье. Вслед за ним выплыли сережки с бриллиантами.

— Нет-нет! — запротестовал хозяин. — Это дорого.

— Мы надеемся на взаимность. Вы находитесь рядом с сокровищами...

Корреспондент не имел указаний отказываться от подношений. Даже наоборот, ему советовали торговаться, требовать невероятно высокой оплаты за услуги, если у японцев окажется нужда в них. Поэтому, выразив удивление, он принял подарок и, полюбовавшись им в меру, спрятал в стол.

А вот что было зафиксировано:

— Вы сказали, что обстановка предгрозовая, война близка. Очень правильные слова. Наше командование хотело бы учесть особенности этой обстановки.

— Японское командование получило довольно полную информацию о положении в Приамурье и вдоль всей границы с Маньчжоу-го.

— О да! Но информация касается частных дел.

— Из частных дел надо уметь складывать целое.

— Не складывается. Мы не видим всей картины.

— Какой именно картины?

— Над которой трудится штаб Дальневосточной армии.

Молчание. Корреспондент, видимо, задумался:

— Вас интересует оперативный план?

— Именно.

— Такого плана нет, господин Кумазава.

— Как нет? Вообще нет или у вас нет?

— Ни у меня, ни вообще. Он только разрабатывается.

— Мы подождем... Мы готовы...

Снова молчание. Стук отодвигаемого кресла.

— Японское командование очень упрощенно представляет себе положение дел. И мое положение в том числе. Я не командующий армией и даже не начальник штаба. Оперативные планы — секретнейший документ, с которым знакомятся только непосредственные исполнители приказа.

— Мы понимаем...

— Видимо, недостаточно. Вы хотите читать то, что не читают даже командиры дивизий.

— Нас вполне устраивает ваша осведомленность.

— Она ограничена, господин капитан.

Шаги. Кто-то ходит по комнате. Видимо, Корреспондент.

— Японское командование рассчитывает на вас.

— Я не могу.

— Это очень печально.

Опять шаги. Медленные, с остановками.

— Большой риск...

— Мы за все вознаградим. Я уполномочен принять любые ваши условия. Любые...

Шаги прекратились.

— Пятьдесят тысяч долларов!

— Как?!

— Пятьдесят тысяч... Причем сумма полностью переводится на мой счет в один из швейцарских банков, и я получаю официальное подтверждение этого.

Кумазава молчит.

— Вы способны принять это условие, господин капитан?

— Да!

— И еще условие.

— Какое?

— Вы предоставляете мне малогабаритную фотокамеру и пленку высокой чувствительности.

— Камера будет. Теперь наши условия. Командование желало бы установить со своим Корреспондентом прямую связь, минуя посредников.

— Еще?

— Ваше имя, фамилия и должность?

— Еще?

— Все...

— Относительно прямой связи. Она исключается. Я не хочу и не имею права расширять контакты. Мое доверие распространяется только на Сунгарийца и на нем оканчивается. Исключение, допущенное сегодня по настоянию японского командования, явление чрезвычайное и никогда и ни при каких обстоятельствах не должно повториться. Вы поставили меня в опаснейшее положение, чреватое катастрофой.

Теперь об имени, фамилии, должности. У меня нет имени, нет фамилии, нет должности. И никогда не будет! Открыв тайну вам, я открою ее этим штабу Квантунской армии и даже генеральному штабу Японии. И нет никаких гарантий, что доверием моим не злоупотребит одно из должностных лиц. И тогда я буду потерян и для вас и для себя. А мне не хотелось бы так быстро расстаться с жизнью. Просьба сделать вклад в один из швейцарских банков говорит об этом...

Вы видели меня, вы говорили со мной, и этого достаточно пока для генерального штаба. Важен не я, а мои услуги.

— И еще один вопрос. В случае возникновения военных действий на Дальнем Востоке кто из известных вам и нам военачальников мог бы руководить советскими войсками?

Пауза.

— Все зависит от масштаба этих действий.

— Благодарю!

**ДОКУМЕНТ, КОТОРЫЙ СТОИЛ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ
50 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ, А ПРАКТИЧЕСКИ НЕ СТОИЛ
НИЧЕГО. ЭТО БЫЛ МИФ!**

В ночь с 22 на 23 мая Сунгариец передал на связь фотокопию «секретного приказа» по ОКДВА.

...По полученным достоверным сведениям, штаб Квантун-

ской армии наметил новое главное оперативное направление, т. н. «сунгарийское». Цель этого направления — использовать выступ маньчжурской территории, у основания которого на государственной границе находятся озеро Ханка и поселок Амурзет, а северная точка приближается к линии железной дороги. Японские войска интенсивно накапливаются в районе города Цзямусы.

Для пресечения возможного дальнейшего движения японских сил в данном направлении

П р и к а з ы в а ю:

1. Создать группу войск с задачей отрезать по основанию выступа части Квантунской армии, если они предпримут агрессивное продвижение к нашей границе.

Командующим группой назначить тов. Федько.

2. Начальнику штаба ОКДВА подготовить директиву о выделении в распоряжение группы тов. Федько необходимых частей и подразделений.

3. Начальнику вооружения ОКДВА выделить для группы дополнительно 250 стволов и другое необходимое по согласованию с тов. Федько оружие и боеприпасы.

4. Начальнику инженерного управления ОКДВА обеспечить строительство приграничных укреплений по заявкам тов. Федько.

5. Начальнику ВВС ОКДВА выделить в оперативное подчинение тов. Федько три авиаэскадрильи.

6. Командующему группой провести все необходимые организационные мероприятия в месячный срок, а начальнику штаба осуществить инспекторскую проверку.

ТИШИНА, СПОСОБНАЯ НАПУГАТЬ И ДАЖЕ ПРИВЕСТИ В ОТЧАЯНИЕ

Месяц прошел в странном молчании правого берега. Сунгариец не получил ни одного указания, ни одного запроса. Вроде бы о нем забыли. Или простились с ним.

Он стал думать о провале всей операции с секретным приказом. Его или не приняли, или раскусили. Если раскусили, значит, последует расправа. Над Сунгарийцем, над всеми, кто причастен к приказу, к самой акции «Большой Корреспондент».

Свои опасения Поярков изложил Западному и Дерибасу. С ним согласились: правый берег в самом деле вел себя странно. Подозрительно вел. Недобрая тишина! Она пугает.

Приняли меры предосторожности. Решили отправить Пояркова в командировку, убрать его временно из Благовещенска.

В субботу он должен был покинуть свой домик на тихой улице. В субботу. А в пятницу вечером...

Но прежде о том, что предшествовало этой пятнице.

В Харбине уже действовала система военного времени. Все секретно, все совершенно секретно.

Под грифом «совершенно секретно» 15 мая Янагита получил распоряжение второго отдела генштаба. Оно было коротким: «П р и с т у п и т ь к ы ы п о л н е н и ю а к ц и и «Ч е р н ы й д р а к о н»!»

Янагита немедленно передал распоряжение военной миссии Сахалана, но уже в расшифрованном виде:

«Н е м е д л е н н о л и к в и д и р о в а т ь Ф е р з я ! И с п о л н е н и е д о л о ж и т ь!»

Тишины не было. Она только мнилась...

Вот что предшествовало пятничному вечеру.

Когда Поярков возвращался в свой дом на тихой улице, кто-то из темноты окликнул его:

— Борис Владимирович!

Он вздрогнул. Как не вздрогнуть, когда ждешь опасности.

Конечно, он сжал в кармане пистолет — теперь уже без оружия ходить было рискованно. Оглянулся и посмотрел, кто окликнул его.

К нему приближались трое мужчин, один высокий, в кепке.

— Не надо шуметь, — сказал высокий. — Свои...

Действительно это были «свои» — люди Радзаевского.

Они повели Пояркова к его дому.

Разговор состоялся в темной комнате и был странным.

— Приказано переправить нас в Хабаровск этой же ночью и дать ориентиры для связи с человеком, знающим штаб ОКДВА.

Поярков понял, с какой целью появились в Благовещенске люди Радзаевского. Отказаться, однако, от выполнения приказа было нельзя. Обмануть тоже нельзя.

Он повел их на вокзал. Дал адрес «родственника».

Волнение было страшным. Губы дрожали, и голос все время прерывался.

Таким он ворвался в два часа ночи в квартиру начальника Благовещенского управления и поднял того с постели:

— Немедленно свяжитесь с Хабаровском! Туда едет группа Радзаевского...

В воскресном номере «Тихоокеанской звезды» под рубрикой «Происшествия» была напечатана коротенькая заметка:

«Вчера в привокзальном ресторане трое хулиганов устроили дебош, опрокинули стол, избили официанта. Прибывший наряд милиции с трудом утихомирил «весельчаков». Дебошеры задержаны и предстанут перед судом».

На следствии, не в милиции, естественно, три пассажира со скорого поезда признались, что прибыли в Хабаровск с заданием убить командующего Дальневосточной армией.

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

Скупые строки исторической хроники

29 июля 1938 года японские войска вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан и захватили выгодные в тактическом отношении сопки Заозерную и Безымянную и приготовились к дальнейшему наступлению с целью захвата Пасьетского района и создания непосредственной угрозы порту Владивосток.

6 августа советские войска при поддержке артиллерии и авиации перешли в наступление и к 9 августа разгромили группировку противника, полностью очистив советскую территорию.

ЭПИЛОГ

Операция «Бусидо-мираж» завершилась. Большой Корреспондент должен был выйти из игры, и он вышел, как сообщил в своем донесении на правый берег Сунгариец в одну из мартовских метельных ночей. Уходить надо было и самому Сунгарийцу. Янагита стало известно, что акция «Большой Корреспондент» разгадана советскими чекистами и они в течение нескольких лет дезинформировали секретную службу Японии. Желая спасти себя и свою репутацию, он стал торопливо убирать всех участников акции, свидетелей взлета и поражения заместителя начальника второго отдела штаба Квантунской армии. Удар за ударом наносил Янагита. Угроза расправы нависла и над нашей разведчицей Любой Шелуновой, работавшей в Харбине и Сахалине под кличкой Катьки-Заложницы. Ее почти из петли вынули чекисты и переправили на левый берег. Поярков и Шелунова были представлены к правительственной награде и выехали в центр.

В течение всего тридцать девятого года шла ликвидация японской шпионской сети, выявленной в процессе проведения контроперации «Бусидо-мираж». Последним был взят владелец голубой кофейни в Чердымовке.

И ЕЩЕ ОДИН ЭПИЛОГ, ТЕПЕРЬ УЖЕ — ПОВЕСТИ О ЯПОНСКОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ

Приговор Международного военного трибунала по делу главных японских военных преступников Тодзио Хидеки, Итагки Сейсиро, Хирота Коки, Мацуи Иване, Доихара Кендзи, Кимура Хейтаро, Мута Акира приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1948 года между 0.00 и 0.30 часов по токийскому времени через повешение во дворе тюрьмы Сугамо в Токио.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I	
Черная тень белого солнца	3
Дело первое	
Заговор молчания	4
Дело второе	
Неожиданный свидетель	48
ЧАСТЬ II	
«Бусидо-мираж»	135
Дело третье	
Гость из Фуцзяня	—
Дело четвертое	
«Большой Корреспондент»	193

Библиотечная серия

Эдуард Арбенов, Моисей Львович Писманик

В ШЕСТЬ ТРИДЦАТЬ ПО ТОКИЙСКОМУ ВРЕМЕНИ

Роман - разоблачение

Редактор *С. П. Бенке*

Художник *Т. Ф. Елагина*

Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*

Технический редактор *Т. Г. Пименова*

Корректор *Т. В. Жильцова*

ИБ № 2232

Сдано в набор 05.04.82. Подписано в печать 03.06.83. Г-63114. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 3. Гарн. литературная. Печать офсетная. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 16. Усл. кр.-отт. 16,12. Уч.-изд. л. 17,63. Тираж 150 000 экз. (I-й з-д 1—85 000 экз.— «Библиотечная серия».) Изд. № 4/8616. Зак. 3-61. Цена 1 р. 20 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

Харьковская книжная фабрика «Коммунист», 310012, Харьков-12, ул. Энгельса, 11.

1р20к.

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
КАНОНИЧЕСКИЙ

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
КАНОНИЧЕСКИЙ

